

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

**Svazek 1
4. vydání
2014**

•

**EUROPEAN POLITICAL
AND LAW DISCOURSE**

**Volume 1
Issue 4
2014**

Editorial Policy

The European Political and Law Discourse – international Journal of International Law, domestic Law of European countries, Political Science, International Relations is a peer reviewed journal with blind referee system, which aims at publishing high quality articles that may bring innovative and significant theoretical, conceptual, methodological and empirical contributions to the fields.

The European Political and Law Discourse has a particular interest in interdisciplinary approaches to law and political spaces, whether through comparative or single case-study analysis, but by no means restricts its interests to these spaces, welcoming any relevant contribution from and about different parts of the World.

The European Political and Law Discourse accepts original articles which are not under consideration elsewhere at the time of submission.

Editorial Committee:

Borys Babin, PhD, Doctor of Law,
Odessa National Maritime Academy

Olena Grynenko, PhD, Doctor of Law,
Institute of International Relations, Kyiv
National Taras Shevchenko University

Volodimir Kuzmenko, PhD, Doctor
of Law, Professor, National University of
State Tax Service

Tamara Latkovska, PhD, Doctor
of Law, Professor, National University
«Odessa Law Academy»

Bertrand Mathieu, Doctor of Law,
Professor at the Université Panthéon,
Sorbonne, Paris I, President of the French
Association of Constitutional Law, mem-
ber of the High Council for the Judiciary
of France

Oleksandr Merezhko, PhD, Doctor of
Law, Professor, Andrzej Frycz Modrzewski
Cracow Academy

Sergey Sayapin, Dr. iur., Assistant
Professor, School of Law, KIMEP
University (Almaty, Kazakhstan)

Pavol Hrivik, PhD in European and
Global Studies, Alexander Dubcek Trencin
University

Galina Kuz, PhD, Doctor of Politi-
cal Science, Professor, H.S. Skovoro-
da Kharkiv National Pedagogical Univer-
sity

Mykola Lazarovych, PhD, Doctor of
Political Science, Ternopil National Eco-
nomic University

Tatyana Nagornyak, PhD, Doctor of
Political Science, Donetsk National Uni-
versity

Marina Nahum, PhD in Anthropology,
London School of Economics

Nick Polyovyy, PhD, Doctor of Political
Science, Professor, National University
«Odessa Law Academy»

Evgen Tcokur, PhD, Doctor of Political
Science, Professor, Zaporozhye National
University

Administrative Editor

Iana Chernopyschuk, PhD in constitutional and municipal law, European Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine

---

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

Vydavatel: Jižní Palmíra, družstvo

Adresa: Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53, okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Zapsáno do evidence: 27.11.2013

<http://www.mkcr.cz/scripts/modules/catalogue/detail.php?catalogueID=1&linkvalue=14409&lid=1>

Table of contents

Tetyana Nagornyak, STATE AND SOCIETY IN THE CONTEXT OF UKRAINIAN EVENTS LATE 2013- EARLY 2014	4
Eduard Pleshko, AN ATTEMPT TO USE RUSSIAN CRIMINAL LAW IN UKRAINE: LAW OR POLICY.....	27
Larisa Nalyvaiko, TRANSPARENCY AS A DEMOCRATIC STANDARD OF THE GOVERNMENT FUNCTIONING.....	51
Nataliia Baliuk, INTERREGIONAL STRATEGY OF THE EUROPEAN UNION TOWARDS LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN REGION	62
Olena Kviatkovska, THE ROLE OF DEVELOPMENT ASSISTANCE IN THE U. S. NATIONAL SECURITY STRATEGIES 2002-2010	73
Ivan Pobochij, THE CORRELATION OF POLITICAL POPULISM AND NONVIOLENT STRUGGLE.....	81
Alyona Mashevskaya, PURPOSE TYPOLOGY OF POLITICAL ADVERTISING IN THE TRANSFORMATION SOCIETY: MEDIA-LINGUISTIC AND NORMATIVE-LEGAL ASPECTS	90
Lidia Ruzhenko, THE PHENOMENON OF PUBLIC OPINION: MAIN ACTORS AND STRATEGY OF FORMATION1940	104
Fariz Abasov, THE ECONOMIC POLICY OF AZERBAIJAN IN THE FIELD OF INFORMATION-COMMUNICATION TECHNOLOGIES	113
Olga Melnychuk, SYSTEMS APPROACH IN THE URBAN LEGAL SYSTEM AFFIRMATION	121
Volodimir Zavalnyuk, SOMATIC HUMAN RIGHTS FROM THE STANDPOINT OF LEGAL ANTHROPOLOGY	130
Olga Rybak, THE EXECUTION OF A LETTER OF REQUEST AND A CONCEPT OF ORDER PUBLIC	139
Sergiy Vitvitskiy, HISTORY AND TRENDS OF STATE CONTROL	147
Denis Tsykhonia, THE SUBJECTS OF APPELLATE REVIEW IN CIVIL PROCEEDINGS.....	158
Olga Kulinich, CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF IMPLEMENTATION MECHANISM OF THE RIGHT TO EDUCATION IN UKRAINE.....	168
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS	179
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS (IN RUSSIAN)	184

Tetyana Nagornyak, ScD in Political Sciences

STATE AND SOCIETY IN THE CONTEXT OF UKRAINIAN EVENTS LATE 2013 – EARLY 2014

The article is devoted to the problem of intercorrelation between State and Society in the context of Ukrainian Euromaidan. The author concludes that it is necessary to realize the social assets and liabilities of Maidan for subsequent modernization of the country: During the years of independence, Ukraine has almost never carried out the policy of forming a unified national (political) identity. Foreign ideological centers; holding the ATO and its information accompaniment, including civilian casualties, destruction of infrastructure, blocking the supply of products and medicines in localities, propagandistic negative effect of Russian mass-media that explains the support of separatism in a referendum; In the context of feeling the new cycle of decolonization, the fall of empires, which seemed to be invincible a few years ago, the sacred integrity of Ukraine is the value. It is necessary to work on the Center of the Ukrainian Text's structure in order to fasten the Ukrainian unity; Donbass in Ukrainian discourse always felt itself as chosen. Close interweaving of historical development, interests and economy in two Ukrainian regions – Donetsk and Luhansk – led to an informal association in their general historical, cultural and economical Donbass region; The control points in relations between the State and Society are fixed by blood of peaceful citizens in Donbass today. Ukrainian soldiers and officers from all parts of the country leave their lives here for a united and strong, free and sublime Ukraine.

The fundamental difference between Ukraine «before» and «after» – is cohesion of community. And now it is community's time. Ukrainian people either will fix a course towards a free European country together or will allow the government to decide the fate of their children. Donbass and the war in the East will remain in the political history of independent Ukraine as a test on the integrity and strength of the national spirit.

The maturity of a state always correlates with the strength of the national (not ethnic) community's identity. The quality of such correlation becomes crucial and often improves during the trials. Peace has never existed without war¹, but the worldwide development is constant in its changing cycles of colonization (confirmation of Empires/ confederations, movement towards the bipolarity, strengthening of military-technogenic human potential, global of economics and identity) and decolonization (territorial reconstruction of the world, development accent's shift towards the social equity, branding «comfort places», peripherality of capitalism). Each socio-political developments (war and a coup d'état, terrorism and AIDS, natural disasters and changes in

---

¹ Басовская, Н. И. (2002). *Столетняя война: леопард против лилии*. Москва.

social display) as attractors of such cycles actualize the question about the maturity of relations between a state and society. The format of such relationships could be acted by religion, political regime, social contract that establish systematic game rules, which converts political support for public institutions by masses into increasing of various incomes among the population (economic stability, legal, financial and social population security, distribution of capabilities and software and growth prospects system on the whole, its symbolic and social equity). The chosen format of relationships between a state and society is the core of the system modernization, key actor's responsibility (government, community, business and media-environment) and the correspondence of their activity with a single strategic model (which system aims at) is a major factor in its successful renewal. Control points of relations between a state and society are reflected by the media-space. Its quality (both national and global – external to the system, which is transforming) establishes the roles among the media-representatives from professionals, who are able to create an adequate picture of the world, to «vultures», who are against all and maintenance of individual actors, their mouthpieces and writers. Multidisciplinary researches of the relationship between state and society prove that they are caused by the principles that have formed:

- historically (form of the relationships between state and individual, territorial structure, administration, historical memory) and civilizationally (mental features of the population, its ethnic composition, model of outlook, the ability to self-organization and authentic forms of political geno-text (authentic set of mental people's values that are reflected in verbal and non-verbal discourses)¹;
- geoeconomically (factors of original nature (resources, location) and development factors, which are made by human (traditional capitals of system)²;
- by the current social display (social stratification of the population, groups of interests, social roles, priorities and character of interactions in society, social codes³, intellectual and cultural resources of the nation, the maturity of territorial communities);

¹ Пирс, Ч. С. (2000). *Логические основания теории знаков*. Санкт-Петербург: Лаборатория Мегафизических Исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя.; Крестева, Ю. (2004). *Полілог*. Київ: Юніверс.

² Бурдые, П. (2007). *Социальное пространство: поля и практики*. Москва: Алетейя.; Зубаревич, Н. В. (2014). *Развитие крупных городов России. С креативно-го неба на землю*. <<https://www.youtube.com/watch?v=YmRhD5tcsY8>>

³ Гофман, И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации социального опыта*. Москва: Ин-т социологии РАН.

- by political and informational environment (political discourses and feno-text systems (modern manifestations of political text in the form of messages and speeches, which are produced by the authors and text's moderators in order to control over the center of the political text's structure)¹, authority's organization and developed civil society, transparency of elections and justice system, the maturity of the political market, the quality of the media-field, ensuring political rights and citizen's freedoms).

The groups of principles-conditions (which are above) are the «territory», where the values of political nation are produced. Principles (or defined conditions) are not values. «Principles are the territory. Values are the maps. If we appreciate the true principles, we'll come to the truth – to the understanding of the phenomena as they really are. Principles are similar to the lighthouses that point the path. These laws are natural. It is impossible to break it. Principles are guiding light for human behavior. They definitely have a stable and constant value»².

The nation-state with the principles, which are foundation for a dialogue between society and the state, has to accumulate values and engrain them in the Center of the Society Text's structure (it is principal, system-value-core, which is the guiding light for nation– the set of social values that are positively perceived by an absolute majority of the population)³, which would be equally crucial lighthouse both for in government institution's activity, media-representatives and society. It should be the measure of each election campaign, information propaganda, social demands, social movements, business projects and government efficiency.

Events late 2013 – early 2014 in Ukraine became the culmination of the confrontation between the State and Society in the format of «the top» do not want, but «lower classes» could. *This paper is an author's effort to understand the essence of Ukrainian events late 2013 – early 2014 along the axis of the conflict – State and Society in the context of further Ukraine's modernization.* Confrontations between State and Society in Ukraine are interpreted by the author as a result of «system achievements» in the context of its modernization in 2013, including objective and subjective (according to the current key figures) factors:

- historical – objective (centralized etatism in management and social demand for a «strong hand» among the population, inherited territorial-administrative structure from Soviet system,

---

¹ Крістева, Ю. (2004). *Полілог*. Київ: Юніверс.

² Covey, S. R. (1989). *The Seven Habits of Highly Effective People*.

³ Соссюр, Ф. (2007). *Курс общей лингвистики*. Москва: КомКнига.

misunderstanding between East and West Ukraine concerning the symbols, which are contained in historical memory) and civilizational (superpolyethnical composition of the population (more than 130 ethnic groups), the tendency to «steading», freethinking, sincerity and family-oriented nature, self-organization in small groups);

- geo-economical objective (the country is rich in natural resources with a location at the crossroads of European routes, as a result of governance, the outflow of assets abroad (both financial flows and human capital), high agglomeration effect with depressed border empty territories, slight infrastructure, manual control of the economy, harmful ecology);
- current social display of Ukrainian society (flattening of the social stratification pyramid of the population (the marginalization of the middle class), opaque social elevators, forming the cliques, coalescence of financial and political capitals, primitive social codes, a high level of intellectual capital of the nation and qualitative changes in the direction towards the strengthening of social capital groups territorial community's immaturity);
- current political and information environment (emptiness of Ukrainian Center of the Text's structure, the contradiction between political discourses and feno-text in Ukraine, opaque organization of the government and the elections, judicial system, recruited mass-media and ICUs, immaturity of the political market, the violation of political rights and freedoms, the monopolization of power by the President Yanukovych, multiparty system in reality, slight national branding¹, controversial steps in foreign policy, information warfare from outside, creation of simulacrum in basic meanings of Ukrainian nation).

In consequence of the irresponsible State's activity concerning the overcoming of contradictions (which are highlighted above), Ukraine demonstrated an unprecedented example of self-organization of society «from below» to the whole world. In its socio-political substance, the events of late 2013 – early 2014 in Ukraine and especially the military conflict in Donbass are the most important part of the global phenomenon of self-organization of society against politics, which is not able to represent the interests of society and take responsibility for citizens.

¹ Нагорняк, Т. Л. (2013). *Брендинг території як державна та регіональна політика*. Донецьк: Видавництво «Ноулідж».

Geopolitical aspect of protests from the end of 2013 till the first half of 2014 in Ukraine.

There is a geopolitical conflict between the imperialist system of the USA and the EU on the one hand and Russian subimperialism on the other. One of the subjects of the conflict is a control over Ukraine and attempts of economic weakening the opponents by involving in the conflict (sanctions from the EU to Russia, in Ukraine – from Russia and former Soviet countries that support it, the interests of the energy industry of the USA and the Russian Federation, information war with a world scale, evidence of participation Ukrainian and Russian sides in the crashing of the passenger aircraft «Boeing 777» Malaysian airlines). The escalation of geopolitical conflict on the background of intensification of the political crisis in Ukraine acquires both the open forms of public condemnation of the Russian role in the military conflict in Donbass and element of conspiracy concerning Ukraine (determination of influence zones in the so-called «federation» under the common protectorate). Geopolitical conflict between USA / EU and Russia has a real implementation in military operations in Ukraine late 2013 – early 2014 and in controlled incitement to a full-scale world war.

As a consequence of geopolitical trend of world aspiration towards the bipolarity, peripheral capitalism and transition societies become fragile primarily. Preterstates of the world pretend to control these territories and resources, national governments are not able to resist for many reasons (corruption and state betrayal are not the last), societies are self-organizing for the sake of national interests, territorial integrity and social justice, coping with national spirit's tests. Russian politician T. Vorozheikina claims: «In 2011-2014 protests of this type, though with varying degree of intensity, spread from the Rio de Janeiro, Sao Paulo and Caracas to Madrid, Tunis, Cairo, Sofia, Istanbul, Moscow and Bangkok. All these protest movements were united by acute dissatisfaction with the institutions, which do not allow people to achieve their goals through legitimate political channels. This also affected on authoritarian (in Venezuela, Ukraine, Russian Federation and Arab countries) and democratic (Brazil and Spain) political regimes. In most cases, a protest against the corruption that runs through the state institutions and the ruling group became an important factor, which united those who went into the streets. This protest mixed variety of requirements – from social justice and increasing equality to democracy and fair elections. Such movements cannot be described adequately with the help of the traditional «left-right» coordinate system. Tens and even hundreds of thousands people went out onto the street because they are driven primarily by acute sense

of rejection of the political system in which they are, in fact, do not have the voting right... Until now Ukraine poorly used the opportunities that opened up in front of it after independence in 1991 and after the «Orange Revolution» in 2004 [The Economist, May 31st 2014]. Perhaps this change of government and society and the relationship between them will not be remained as a «great illusion» of the Ukrainian revolution; and the Russian government, the main strangler and destroyer of its democratic potential, will finally understand that it confronts the opponent with extremely strong spirit»¹. The connection between geopolitical and socio-economic factors of confrontation between a state and society in Ukraine is close. The demonstrative is the fact that there are about 60% debt obligations to the United States and 30% to the Russian Federation in the structure of Ukraine's debt. And it can be used by them to put pressure on the political leadership of Ukraine.

Socio-economical aspect of protests from the end of 2013 till the first half of 2014 in Ukraine.

It should be noted that, regardless of flags and slogans, all Maidans late 2013 – early 2014 in Ukraine had an economic component and primarily rebelled against power's oligarchisation, social injustice, lumpenization not only professional strata, but the whole territories, washing out the middle class of society. Each Maidan has its own oligarch (government of Viktor Yanukovich from the one side, «Kiev junta» – from the other). Maidan late 2013 – early 2014 is mass and prolonged protest action in the center of Kyiv, which began on 21st of November 2013 in response to the suspension of preparation for the signing of the Economic Association Agreement between Ukraine and the European Union by Azarov government. The economic strikes against policy of the government Azarov started in small towns (Krasnodon, Krivoy Rog, Thorez). In process of spreading of mass protests and its transforming into Euromaidan/Antymaidan, and then into the war in the Eastern Ukraine, rate's increasing and flirting with the oligarchs of the new government A. Yatsenyuk, aggravating escalation of conflict between the center and the regions, between Donbass and other part of Ukraine, between migrants from the East and those, who remained in the area of ATO (anti-terrorist operation) became more noticeable (for all regions). Protest movement, which was articulated on the socio-economic basis, always was transferred into the political field both as a geopolitical actors and representatives of Ukrainian politicum, who aspired to get dividends

¹ Ворожейкина, Т. (2014). *Может ли общество изменить государство: новые протестные движения и революция в Украине*. Голицыно. <https://www.youtube.com/watch?v=yvnXos_sk0E>

with the help of self-organization in society. However, the amount of economy shadow sector was 50% (according to official statistics)¹. There is almost no positive in this index, but it should be mentioned that specifics of Ukrainian shadow economy– is the possibility of informal gains not only by oligarchs, but also ordinary people. At the first stages this fact saved the monopolization of the shadow economy (in 2010) with constant increasing of unemployment people in the industrial cities and villages of Ukraine. The practice of state's deception at all levels was formed in a society. It is logical that centralization of the economy in the hands of «Family», its returning to the beginning of the 1990s with «observers» in regions, external management of companies and corporations led to additional tax, banking, financial and humanitarian schemes, and eventually to the «death» of small and medium business, increasing of unemployment segments, increasing of those people, who live below the poverty level in Ukraine(officially – 35%, unofficially – 55% of the population)². Under these circumstances, civil protests and military operations in Luhansk and Donetsk transferred economy into the wartime mode without formal establishment of martial law, which resulted in the following:

- Since October 2013 local currency (UAH) was devalued more than 50%. Since the beginning of 2014 inflation was more than 30% in annual terms.
- Standard of living dropped approximately 25%, decline of real incomes – almost 20% (up to \$ 250). In reality – much worse (– auth.).
- Fuel prices have risen up to 35-40% for different types of bread – from 30 to 70%³.
- Migration of Donbass people led to the fact that Donetsk – a leader in corporate governance efficiency, in the accessibility of new technologies and in the development of business in Ukraine – not just almost ceased its commercial and financial activities, but remained empty and dying due to focus of separatism, the location of hired militants. It became a front-line area ATO.

---

¹ *Теневого сектора экономики Украины в 2013 году.* <<http://112.ua/ekonomika/tenevoy-sektor-ekonomiki-ukrainy-v-2013-godu-sostavil-poryadka-150-mlrd-dollarov-ekspert-20904.html>>

² *Лещенко, С. Борьба с теневой экономикой может вылиться в социальный кризис.* <http://institute.gorshenin.ua/news/1100_borba_s_tenevoy_ekonomikoy_mozhet.html>

³ *Экономический раскол Украины.* <<http://voprosik.net/ekonomicheskij-raskol-ukrainy/>>

Ukraine is called:

- one of the poorest countries in the world, equally with Africa¹,
- the state with partially authoritarian regime equally with Kosovo²,
- place of unhappy people, equally with Zimbabwe and Sudan³,
- corrupt country (equally with the Congo and the Central African Republic)⁴.

Both the official Kyiv and self-proclaimed government of «People's Republic» DNR and LNR have tried to use articulation of protests in Donbass around the socio-economic problems. At the stage of its realization, neither implementation of declared points in Maidans nor communities' integration without politics in a single antioligarchic breakthrough for Ukraine has not happened. Official Kyiv – represented by A. Yatsenyuk head of the Government – (in the context of decentralization by M. Hroysman instead of federalization) offered experiment concerning the economical independence of Donbass, which has to feed itself (the direct subsidy from budget is 34 billion on 180 thousands of miners) during the Kharkov round table. Among the solutions of socio-economic nature, which were declared by «people's governor of Donetsk region» P. Hubaryev, property's nationalization of large private capital is a prior purpose. Effectuation of both offers in reality would have enormous consequences for Ukraine and for the whole former Soviet Union capitalism. The situation, which is one of a kind «mind tricks», could happen. Hegel called it as setting own course of history through various subjective actions.

Ultrareactionary Russian nationalists («Russian World», «Yzborsky club», «Eastern Front») supported by the UOC-MP formally began social (not socialist) antioligarchic revolution that became clear and acceptable for most people in the region. However, after the arrest of P. Hubarev – its ideologist («second» after the Russian A. Dugin and V. Krylov) revolution was transformed into a military operation with professional mercenaries aimed at «rescue Russians in Donbass» under the guidance from the Moscow by O. Boroday, I. Strelkov, O. Hodakovskiy and other⁵. Eurointegral slogans of ideological leaders from Maidan also transformed into state power's reformatting, mobilization and quick

¹ *The 2012 legatum prosperity index*. <<http://www.prosperity.com/Countries.aspx>>

² Nations in Transit 2013. *Freedom House*. <<http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2013>>

³ *The Happy Planet Index*. <<http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>>

⁴ *Failed States Index*. <<http://ffp.statesindex.org/>>

⁵ Пресс-конференция А. Бородая и И. Стрелкова. Донецк. 10. 07. 2014. <<https://www.youtube.com/watch?v=08KdvFpz-84>>

recreation of efficient army involving community, preterm presidential elections and ATO in Donbass. This transformation was contributed by a complicated situation in relations between the regional political elites and FIG (financial-industrial groups) with DNR / LNR. Firstly, elites were interested in enforcement on Kyiv in order to redistribute powers and financial flows, but certainly the situation got out of control after the military wing of separatists became on the foreground (Boroday – Hodakovskiy). A vivid image of this is both a conflict between «the host of Donbass» R. Akhmetov and DNR and castling in separatist's leadership (Zaharchenko – Mikhailov). The wars between oligarchs in Ukraine and locally in Donbass are also the components of transforming social movement into the military conflict. The key players are: – «Dnepropetrovsk residents» headed by I. Kolomoyskiy (he has a prolonged confrontation with Akhmetov Rinat and demonstrates nationwide claims after returning to Ukraine and obtaining the post of Dnepropetrovsk governor (battalions «Dnepr», strengthening of the state border, business-conflicts with Russia in the Crimea, participation in parliamentary elections and local control of South-eastern regions); – inhomogeneous «Donetsk residents» – R. Akhmetov, Yanukovych entourage (V. Pshonka, V. Zaharchenko etc.), group of revanchists from PRU (O. Yefremov, T. Bahtyeyeva, M. Lyevenchenko), the group of «young reformers» (V. Homutynnik, O. Klymenko, S. Arbuzov etc.), «Kiev residents, who have own interests in Donbass» (V. Medvedchuk, P. Poroshenko, A. Yatseniuk et al.).

Under these circumstances economically beneficial scenario for Ukraine was possible, but it remains in history as unrealized chance. Clash of the new economic policy in official Kyiv and «People's Republics» could become not so much conflict between State (center) and separatists as class conflict (which was suppressed by all its sides, by transformation the socio-economic struggling into political-territorial war with serious armored vehicles and mass casualties (because of the threat to their own oligarchic system in the Russian Federation and Ukraine, including the Donbass). Purely conditionally, such union of progressive components from Maidan and Antimaidan based on socio-economic program concerning Ukraine's disoligarchization» from below» and the rejection of external influence is that improbable chance of «miracle» for Ukraine, which did not happen. As a result, in the end of July 2014 Ukraine, which is in the conditions of war, political and economic crisis and humanitarian catastrophe, is preparing for parliament's re-election.

Political aspects of protest's prerequisites and consequences late 2013 – early 2014 in Ukraine.

The presidential and local elections in 2010 gave a start for strengthening the power vertical of «Donetsk residents» in the capital and in the regions. The level of «nepotism» in the Viktor Yanukovich policy considerably exceeded the Viktor Yushchenko policy. «40 persons from the nearest entourage of the President (brothers, sisters, children, godfathers) obtain various positions in state agencies, courts. They are members of the Verkhovna Rada and work in local councils. All together they form the large group (almost 100 people)»¹. In early 2011 a phrase «I'm from Donetsk» is included in the Ukrainian part lexicon. It has the format of threats and large claims. Revenge of the PR after a defeat in 2004 was fast and comprehensive. In 2011 Ukraine turned into a pyramid with a single point of management, where «loyalty to the leader of the party» and «party feasibility» – were the highest criteria for involvement in the president team. Both criteria included territorial affiliation. Migration «Donetsk residents» in Kyiv, along with demographic indicators in 2011 deprived Donetsk of status «city with one million population». 2012 was the parliamentary year, which came into political history of Ukraine as an election year without a choice, because all five political parties that got in the Parliament were the President project. They were not going to create opposition to (CPU, PRU, «UDAR», «Batktivshchina» and «Svoboda»).

«Top» control and willfulness of the courts and the police, fiscal services and mass media led to political protests. The first one was called «Vradiyevskiy Maidan» – action of people disobedience in Vradiyevka (Mykolaiv region) and in some towns of Ukraine, including Kyiv from 30th of June to 15th of August 2013. From 7th to 17th of July 2013 Vradiyevka residents (including the representatives of political parties «UDAR», «BYT», «Svoboda») initiated a «march to Kyiv» (400 km). Rallies against the lawlessness of the police were in Donetsk and Lviv, Odessa and Ivano-Frankivsk, Kiev and Odessa, Simferopol and Kharkiv. The main requirement was punishment of guilty people in Vradiyivka crime, other police crimes and resignation of Minister of Internal Affairs V. Zaharchenko. Vradiyevskiy Maidan was suppressed by «Berkut» and other forces of the Interior Ministry, but it was the beginning of protest's actions that began in the capital on 21st of November 2013 in response to the suspension by Azarov government of preparation for the signing of

¹ <<http://ru.tsn.ua/ukrayina/po-urovnyu-kumovstva-vo-vlasti-yanukovich-pre-vzoshel-yuschenko.html>>

an Association Agreement between Ukraine and the European Union and was supported by public performances in the majority of Ukrainian cities. After the Vilnius summit «Eastern Partnership» (28 – 29th of November 2014), dispersal of oppositional tent camp and the law adoption on 16th of January 2014 that provided tougher sanctions for participating in mass protests. Maidan took fundamentally anti-government and antipresidential nature.

February 22 2014, after Yanukovych escape from the country, Verkhovna Rada adopted the Resolution «On self-withdrawal of the President of Ukraine from performing his constitutional duties and setting early elections of the President of Ukraine» on 25th of May 2014. Since February 23 duties of President Ukraine were assigned to Parliament Speaker Oleksandr Turchynov. Presidential elections were preceded by the annexation of Crimea by Russia on the referendum basis, Ukraine's secession from the CIS, «Russian Spring», returning to the Ukraine's Constitution 2004, mass deputy's withdrawal from the Party of Regions, parliamentary reformatting and some rather hasty laws adopted by Parliament, terrorist attacks in Odessa and Mariupol, which increased the amount of those, who came to the «referendum» in the Donbass in order to argue against the «fascists, who kill people», who caused PR-campaign of R. Akhmetov and assignment of I. Kolomoyskiy entourage on positions in public authorities in the East of Ukraine. The power of the former opposition and the attempt to cancel the Law «On Language» by new Ukrainian leadership that provoked a political crisis in the Crimea and the mass protests in the South-eastern regions of the country, which escalated into an armed conflict.

Several fronts were formed in Ukraine:

1) Institutional. An external vector of development could be considered as formalized subject of the first front. Supporters of Eurointegration – Maidan's Institutes (The headquarter of national resistance, All-Ukrainian union «Maidan», National Council of Ukraine), fractions in the Verkhovna Rada («Batkivshchyna», «UDAR», «Svoboda»), individual deputies, The Cabinet of Ministers (since 02/27/14), party Democratic Alliance, civil organizations (Mezhliis, Avtomaïdan, Ultras, CPF (Committee of Patriotic Forces of Donbass), CVU (Committee of Voters of Ukraine), Congress of Ukrainian nationalists, Ukrainian platform «Sobor», UNA-UNSO), regional councils (Zakarpate, Lviv, Ivano-Frankivsk, Ternopil, Rivne regions), detachments of self-defense, «Right sector», «National Guard»). Supporters of the pro-Russian vector of Ukrainian development – Ministry of Internal Affairs, The Cabinet of Ministers (till 02/22/14), The Internal Troops, «Berkut», «Grifon»,

«Tiger», traffic police, Security Service of Ukraine, the General Prosecutor's Office of Ukraine, the Party of Regions, The Verkhovna Rada of the Autonomous Republic of Crimea. The pro-governmental political and civil organizations («Eastern Front», «Russian World», «The single choice»). «Ukrainian Front», the detachments of nomocracy, the Don Cossacks. The regional councils in Kherson, Donetsk, Lugansk, Kharkov, Dnipropetrovsk, Kirovograd regions, DNR (D. Pushylin), LNR (V. Bolotov), «Novorosiya» (O. Tsarov), official representatives of Kremlin in Donbass (O. Hodakovskiy, O. Boroday etc.).

2) *Armed* (official military groups and self-created military groups by community). The subject of military conflict that is located in Lugansk and Donetsk regions of Ukraine is administrative and territorial status of Donbass. Representatives of the State, who defend the territorial integrity of Ukraine and the Ukrainian Donbass is the National Guard, regular army of Ukraine, the General headquarter of ATO, battalions «Donbass», «Dnepr 1», « Dnepr2», «Aidar», «Azov», «Mykolayiv» «Polissya», «Cherkasy» and others. The military groups, who believe that Donbass should be an independent state formation or Federal Subject of the Russian Federation – «Oplot», «East», «Slavic militia» (I. Girkin), «Zorya», «Donbass People's Militia Donbass» (I. Bezler), «Alpha» and the GRU – Main Intelligence Directorate (Russian Federation).

3) *Socio-political* (participants of mass protests and social groups of interests) front was called «Maidan» and «Antimaidan.» As noted above, Maidan and pro-Russian protests in Donbass (Antimaidan) by its nature are similar phenomena, because the majority of people were dissatisfied with socio-economical system, power's corruption and insecurity of the population. It is possible to claim that the Maidan was not homogeneous and eventually acquired different forms of struggling.

The first Maidan was unprecedented (before the resignation of Viktor Yanukovich and his government). Intellectuals and representatives of large and medium businesses, students and pensioners – all segments of the population with Ukraine in heart came there. After the power's re-election, they returned to their homes and jobs. The other Maidan was created in Khreschatyk Square. It expressed its opposition in more extreme and primitive forms – a kind of nationalism or geopolitical orientation through archaic and aggressive reactions, patriarchal of political culture. The community of Kyiv did not notice that the capital turned into a dirty city, where unemployed people and those, who did not want to work, found refuge in tents. They called themselves the Maidan. The situation in Donbass was different. First Antimaidans were formed under the influence of administrative resources of the Party of Regions

(which covered not only the local authorities, but all managers and a significant number of businessmen) and the Russian media. Donetsk Maidan was full of intellectuals, students and European-minded people. In one place on the neighboring platforms there were two different communities that did not want to hear each other. Every time such public actions ended with fights and civilian's casualties, which took place due to non-interference of police and other law-enforcement agencies. Last front of social contradictions was beyond the boundaries of peaceful protests and territorially – beyond the boundaries of Donbass and Ukraine. Each of the socio-political groups received support. Maidan got it from other regions of Ukraine, Antimaidan – from Russian Federation. The ideological confrontation between residents of the one region turned into a war between the Ukrainian army and foreign militants with their supporters (citizens – adherents of the state's dividing).

Under these circumstances early elections took place in Ukraine. It was the «way out» for the majority because there was the one, who can take all the responsibility. This was supported by the residents of both the West and East of Ukraine. The victory of P. Poroshenko in the presidential election was confident – one round (54.7%) -against the background of a systematic crisis, the occupation of two regions of Ukraine, the annexation of Crimea by Russia and external pressure. Crimea did not take part in the voting, 9 of 34 polling stations were opened in Donbass because of separatist's control. June 27, 2014, he signed an Association Agreement with the European Union (economical part).

The most radical residents of Donbass call the state power «Kiev junta» and protesters – «maidanutye», «benderovtsy» and «fascists of right sector.» Radical representatives of the Western Regions believe to call the residents of Donbass «vatniki», «colorady» and «rashysty.» As a matter of fact, DNR and LNR are military juntas (LNR from the very beginning, DNR after the coup, which took place on 11th of May 2014 referendum) with ultra right clericalism (extreme nationalist ideology) that guided by separatist idea of Russian World's victory in the world. They thwarted presidential elections, launched persecution of their opponents using a wide range of antisocial methods (terrorist attacks, gunning the housing areas till the destruction of the whole regions, kidnapping people/children, racketeering, marauding and intimidation of civilians).

Nowadays Ukrainian state has the most right government in Europe. There are extremely dangerous signals (an attempt to ban the Communist Party and PRU, sanctions of the State Committee in Television and Radio-Broadcasting of Ukraine concerning the mass media, which

broadcast the direct speech of DNR and LNR representatives, etc.). They transform into the trend coalescence the repressive apparatus with extreme (ideologically) organizations. In case of prevention of these trends, the reproduction of situation of Latin American dictatorship is possible. It should be noted that the beginning of this trend was initiated by Yanukovich government, when violence towards the Maidan's protesters was used not by VSU (Internal forces of Ukraine), but by «titushky» – fighters-mercenaries, when fighting against dissidence was prosecuted by SBU (Security Service of Ukraine) and profit of «Family» grew directly proportional to the exhaustion of small, medium businesses and the marginalization of the middle class in Ukraine. Confrontation between institutions and their structural units is caused not only (and not so much) by ideological positions or «skeletons» in cupboard of elected Maidan's representatives, but by redistribution of large capital in Ukraine. Informational and political field of Ukraine turned into a «war» between I. Kolomoyskiy, R. Akhmetov and S. Lovochkin. Parliament, The Prime Minister, mass medias well as the fiscal, banking, media and economical system of the country became hostage of oligarchic misunderstandings. Nothing personal – just business. As a result, broken destinies of ordinary people, who lose their jobs (due to closing of enterprises or changing the mode) or have to move to other areas, where the companies are moved by their owners, broken psyche and demoralized social comfort in the sequel of oligarchic battles on central Ukrainian TV channels, excluding even the Internet.

Unpopular decisions of A. Yatsenyuk (CMU) and lobbying by President P. Poroshenko issue of parliament's dissolution and early parliament elections 10/26/14 are features of two tendencies, which become the disappointments of Maidan now. The first – is the centralization of power in a president (the desire to have obedient Parliament and Cabinet of Ministers and to be rather independent from the oligarchs). Tendency is not new and it was the reason of protests in Maidan. The second trend -is the dependence of State's solutions (government institutions). Such tendency was formed as a result of actual absence of independent bureaucrats, who do not execute someone's commandments, play up or are not the representatives of FIG. Therefore, the decision of The Cabinet of Ministers acquired features of the scales between the leaders of big business. Accordingly, the fractions in parliament, which support their patrons, vote or do not vote for them. The presidential pressure on Parliament led to non-adopted government initiatives. The solution is nationalization of business of all major oligarchs in wartime (it would absolutely correspond with the requirements of all Maidans in the country

and it would reconcile the society and give carte blanche for State). It remains the dream of an ordinary Ukrainian. Meanwhile, the government «sanctions» apply partially, taking into account the owner. Iron ore sector of R. Akhmetov is the president's bargaining chip. On the contrary, it seems that A. Yatsenyuk plays on the field of «master of Donbass». The proofs are his fiscal initiatives (which were hastily created contrary to the tax initiatives of I. Kolomoisky) that contradict to the policy of the president. Voting for this draft law «On Amendments to the Tax Code of Ukraine ...» in which the mining business of SCM remained immune in contrast to other sectors of the economy, also confirms the game for the benefit of R. Akhmetov that received support from the fraction of S. Kurchenko and C. Arbuzov «For peace and stability» (ref. voting in Verkhovna Rada).

Due to that fact that while the writing this paper the resignation of the Government was not adopted and it would be supported only by CPU and PRU (this is not constitutional majority), we can conclude that it is a lesson of emotional harm in the political career for A. Yatsenyuk and a challenge for Deputy Prime Minister V. Hroysman, who would lead the government until early parliament elections. Irrespective of the figure-head of the government, the policy of the State will be aimed at the interests of the United States (via IMF loans) and four personal actors – P. Poroshenko, S. Lovochkin, R. Akhmetov and I. Kolomoyskiy. The confrontation between last three figures provides independence and the right for president to influence on the market in Ukraine (political and financial). Among the key players, there are no society and the interests of those, who brought these people in power, and those, who could become the focus of a new separatism in the sequel of returning to Ukraine in Premaidan times, but with new faces. The intellectual elite, which was a significant part of the first Maidan, (in November 2013 – February 2014 in Kiev) is aware of it. Against the background of long defective systemic transformation and irresponsible government, the crisis of state administration in Ukraine led people to the streets and forced the majority of ordinary citizens to look for external patron for solving internal problems. This well-organized error and step away from self-consciousness of unity and self-sufficiency of the Ukrainian nation, which is being tested by weapon. The time will come when the majority of Ukrainian will be sure that interests of society will be foreground if the government becomes a simple repeater.

Sociocultural aspect of protests late 2013 – early 2014 in Ukraine.

The historical memory, which transforms into a social display and specifics of social role's interactions with local dominants during large

crises, is important for description of the misunderstandings between State and Society in socio-cultural aspect. The dominance of the ruling class (official duties + financial and economical levers of influence), which effectively used the regional socio-cultural differences in order to get rid of socio-economical and political issues, is typical for multiethnic, multicultural, ideologically and socially heterogeneous Ukrainian society. However, it could not last forever. For a system that is transforming it is extremely important to understand on whom the power relies. If a State is based on the oligarchs and acts in favor of them, the character of regime's hybridity will move towards the autocratic or total control over the system by Center (regardless of the President's person). If a State is based on society, democratic tendencies will aspire to its parity with State. The model of Lifecycle of Ukrainian Society looks like following (see the Table below).

Analyzing the surges of public protests, it is obvious that they arose against a background of misunderstandings inside the authorities (the opposition to the government or the parliament with the president) and were used by the oligarchs in order to redistribute resources in the country through their «own» president. In this context, Ukraine has already gained an experience of conjunctural maidans and strikes. Maidans for integrity of the country in the end of 2013 –are the first protests in the Ukrainian history that demonstrated high level of self-organization of the community. They demonstrated that a Society could be a real political actor. For the first time Maidan arose against the oligarch's power itself, which led to lumpenization of Ukrainian and attempted to interfere with the realization of civil rights and freedoms and to decide the country's fate. According to Dahrendorf, the effectiveness of systemic transformations¹, is gradual changes. His «theory of the three times,» specifies that the temporal characteristics of duration of socio-cultural (two generations per 26 years), economic (in average – 6 years), political (consolidation of social innovations in the new constitution – 6 months) changes are fundamentally different. Therefore, the modernization of the political system should be started with reforms in sociocultural aspect through economical changes to the consolidation of updated system with young political elite with constitutional establishment of modernization model. Proceeding from the cycles, we can assume that in 2017 we should expect the birth of a new passionarity, dissemination of activist political culture in scope and amount of participants, and the ending of the cycle along the axis of State – Society.

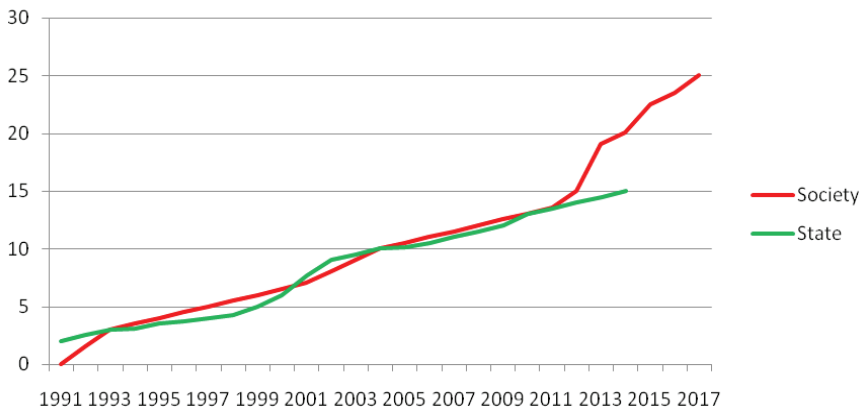
---

¹ Dahrendorf, R. (1965). *Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts*. Gessellschaft und Freiheit München.

<p>Confrontation between Government of Kuchma Leonid and President Kravchuk, 06/08-06/23– general and long strike of laborers in Donbass. The session of Donetsk Regional Council adopted the Resolution of mistrust to President of Ukraine. They required to hold a national referendum about mistrust of President, Verkhovna Rada and all councils of people's deputies at all levels till October 1, 1993. Result – early presidential elections with the support from FIG. Formation of NPGU (Independent Trade Union of Miners of Ukraine)</p>	<p>Confrontation between Government of P. Lazarenko and President Kuchma, ideological disputes in Parliament: pro-presidential centrist parties with radical part CPU and NRU. The death of V. Chornovil and P. Lazarenko deportation abroad on the eve of the presidential election. Result – a presidential election with the support from FIG. Creation of building polarized party system, double-directional foreign policy.</p>	<p>Confrontation between Government, Verkhovna Rada and President Kuchma, ideological disputes in Parliament as a result of redistribution of big business. Result – a victory of right parties at the parliamentary elections and the presidential elections in 2004. Protests throughout the country. The confrontation between East and West. Formation and the victory of the opposition «People Power». Conflict of external actors in Ukraine = Orange Revolution and First Maidan in Ukraine. The European integration Ukraine.</p>	<p>Incapacitated Parliament, government and president. The confrontation of FIG. The tension in society and opposition Tymoshenko vs Yanukovych. The course on Euro 2012 (war inside the FIG for budgetary subventions). Result – The victory of Viktor Yanukovych in the presidential elections, the Russian vector of policy, centralization of power and economy. The highest level of social differentiation.</p>	<p>The confrontation between government and society. Protests throughout the country. The confrontation between East and West. Self-organization of Maidans 1) Vradiyevskiy against lawlessness of the police; 2) Euromaidans; 3) Maidan against the government of Viktor Yanukovych in Kiev; 4) Maidan DNR and LNR for Malorosiya. External factors and military conflict in Donbass. Result – the early presidential and parliamentary elections. The European integration in Ukraine. Decentralization.</p>					
1993-1994	1998-1999	2001-2004	2010	2013-2014					
9 – 11years – 1 cycle – 1993 – 2004			9 – 11 years – 2 cycle – 2004 – 2014						
1991	1994	1995	1999	2000-02	2004	2005	2008-10	2011-2012	2013-14

The results of military conflict in Donbass and parliamentary elections – 2014 will become the requisite for subsequent protests (the graph-model demonstrates that public protest will increase during 2014-2017). The life-cycle model of state power in 2014 is in bifurcation phase. Its development is possible in two scenarios: a reiteration of the previous cycle (autocracy with a focus on oligarchs) or a new cycle of compromise dialogue between Society and State in Ukraine).

It is necessary to realize the social assets and liabilities of Maidan for subsequent modernization of the country:

The life-cycle model of relations between State and Society

1. During the years of independence, Ukraine has almost never carried out *the policy of forming a unified national (political) identity*. Foreign ideological centers (such as the «Russian World», Centers of NATO and Euro-Atlantic integration of Ukraine, Romanian movements) were allowed to form a wide range of own supporters among youth and intellectual elite, civic associations and news agencies. Their activity was notably successful in areas with border identity (Crimea, Donbass, Bukovina) that were the heart of separatism. The state should reconsider the policy of recreating the Ukrainian's political nation, including ethnic and regional specifications in order to overcome these trends.

2. *Holding the ATO and its information accompaniment*, including civilian casualties, destruction of infrastructure, blocking the supply of products and medicines in localities, propagandistic negative effect of Russian mass-media that explains the support of separatism in a referendum. All this things are capable of creating a new foundation for confrontation between East and West in the public consciousness on the axis of «you (Donbass) are guilty that we died for you and for presence of terror in your territory,» while in Donbass (especially in small industrial cities of Donetsk region and frontier territories in Lugansk region) the sociocultural unity with «Ukrainian» will be buried even if the administrative capacity of Ukrainian state in the Donbass recovers. Such level of hatred, which exists nowadays between the representatives of different ideological or geopolitical positions, is inconceivable. There is a world picture with rejection of opponents. The opportunity to see the same person (like you) in oppose disappeared. On the contrary, people start to demonize contradictors, enjoy their physical death of (not only gunman, but also those civilians that adhered to other positions). Now

this exaltation exists on the both sides. This indicates that the Society is already operates in the mode of civil war. It is ready to exist in mode of guerrilla warfare and denunciations. Under such circumstances, State is responsible for the subsequent peaceful resumption of mentally united Ukraine. A new *information policy, rearrangement of professional workforce, restoration of the state order on their first workplace throughout Ukraine, inter professional stratification of the regions and common social projects* can alleviate the given trend.

3. In the context of feeling *the new cycle of decolonization*, the fall of empires, which seemed to be invincible a few years ago, the sacred integrity of Ukraine is the value. It is necessary to *work on the Center of the Ukrainian Text's structure* in order to fasten the Ukrainian unity. The primary thing in the transformation process is the clarification of a model society, on which is aimed to achieve, and strategies that institutionally constitute the multidimensional socio-cultural space and its authentic features with the help of Center of the political Text's structure in Ukraine – in other words, by those values, antivalues that would be identically perceived by the majority in Ukraine. This concept is not being implemented currently in Ukraine. The core essence of this modernization model lies in the geno-level of this political text, in other words, in a deep, archetypal, authentic layer of socio-cultural values of the people.

4. *Donbass in Ukrainian discourse* always felt itself as chosen. Close interweaving of historical development, interests and economy in two Ukrainian regions – Donetsk and Luhansk – led to an informal association in their general historical, cultural and economical Donbass region (Donetsk coal basin). The phrase «Donbass feeds the whole country», which was justified at the end of 1960 – early 1970's. in times of USSR, transformed into myth and germinated in the consciousness of the region's inhabitants as stereotypes «miner and metallurgists – are the pride of the country», «black gold is the power of Donbass», «Donbass is able to feed itself», «Donbass is Ukrainian strength and beauty». In order to understand why the Donbass residents demonstrate frontier self-identity, which is different from all Ukraine, it necessary to know the following: 1) this is the region, which is bordered by the Russian Federation that did not stop its propaganda since 1991? Consequently, a territorial identity («I am from Donbass») became a higher priority than citizenship due to absence of state policy formation of a unified political nation. Starting from the Soviet years, Donbas was the place, where huge amounts of money were rotated. Budgetary shadow schemes attracted criminals in the region. Residents of Donbass (both the top

and the working class) were respected and prosperous according to the Soviet indicators of welfare state. Society felt itself as important element of government processes. Since the mid 1970s, coal resource of financial circulation demanded large foreign investments and government subsidies. The receiving dividends from these «deposits» is complicated long and unreliable process. That is why the Soviet government began to minimize all governmental programs of the coal industry development. It was entirely closed due to the collapse of the USSR. The era, when coal was a fuel, finished in the world. Ukraine gained problematic Donbass with deprivation of the population. The discrepancy between desired and actual exists even nowadays here. In Donbas 33% of people are aged over 60 (as in any other region). Originally, they are from the Soviet Union. In other words, they associated best moments of their life with the Soviet period. This illuminates the reason of the priority of Russian mass-media, a high level of trust in Putin – President of Russian Federation, close economical, cultural, familial, academic relationships with the Russian Federation and mainly it's Southern Federal District, Russian-speaking population. They are not as pro-Russian as pro-soviet, but against the background of recent political changes, together with the first category, they «made» pseudo-referendum on 11th of May 2014. They voted against the «fascism» represented by Ukraine; 2) Along with those, responding to specific questions, the idea of the separation of area (region) from Ukraine and joining to the other state was *supported only by 8%. Only 17% of Donbass residents would like to see their region as an independent state (DNR or LNR)*. The researchers emphasize that the separatist sentiments are mostly supported by senior people in Ukraine. Among the young people up to 30 years, 13% would like to detach their region and join to another country, among the people older than 55 years – 29%. At the same time, significant amount of people (32%) believes that there are deep political contradictions, language and cultural differences, differences in economic development between Western and Eastern regions of Ukraine. Moreover, these people are sure that in prospect these regions can be divided in order to create their own states or to join the different other states. Such ideas are the most popular in Donbass (58%) and in the South (48%), less popular at the Center (20%) and West (20%). In Donbass

This idea of essential contradictions between regions is particularly common among the senior people in Donbass – 66% of people

older than 55 years, and 49% – at the age of 30¹; 3) According to the amount and population density, Donbass is superpolyethnic platform (representatives of 130 ethnic groups live here), Donetsk region – it is just approximately 4% of the territory, 10% of the population, 15% – GDP and 25% of export. However, nowadays this region is subsidized. Because of the fact, that the population makes this region a significant electoral card, Donbass always gets its political representation and state funding. Donbass is completely different from almost all regions of the country according to the circulation of capital, the level of business-administration, the number of international offices and global events. Consequently, «Donetsk residents» (FIG and elite) during the years of independence were always the mediator between the State and Society, writing the plot of performances in their favor. Residents of the region have become the hostages of their oligarchs, claims of Russian Federation and official Kyiv. Unfortunately, Ukraine had periods when Donbass became more serious player than the State. One of these periods is the subject of this research.

5. *The control points in relations between the State and Society* are fixed by blood of peaceful citizens in Donbass today. Ukrainian soldiers and officers from all parts of the country leave their lives here for a united and strong, free and sublime Ukraine. Here the representatives of Russian Federation with extreme cruelty try to establish a «gray zone» called Novorosiya. The point of «Irretrievableness» has been already overcome. Rationally, Ukraine before the protests in winter 2013 could be characterized as: monopolization of the country, impoverished people, marginalization of the middle class, the increase of external debt, dependence on foreign players, betrayal of national interests by state officials, «party feasibility», blank political text, primitive social lifts, a high percentage of urbanization, bare boundaries, manual regulation of elections, political parties, civil rights and freedoms, the vulnerability of the community. Current Ukraine – is the loss of territorial integrity, the damaged infrastructure, disabled economy, impoverished people, dependence on foreign players, the increase of external debt, «party feasibility», primitive social lifts, biased political text, the vulnerability of the community, the mobilization of the population without a declaration of war, migration and emigration, aspiration to the monopoly in the country through military actions, redistribution of business and information

---

¹ Опитування фонду «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». <<http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1511506>>

warfare between personal internal players and their «products» – parties, odious persons, battalions and territories.

The fundamental difference between Ukraine «before» and «after» – is cohesion of community. And now it is community's time. Ukrainian people either will fix a course towards a free European country together or will allow the government to decide the fate of their children. Donbass and the war in the East will remain in the political history of independent Ukraine as a test on the integrity and strength of the national spirit. The confirmation of victory and renovation of peaceful life in areas ATO is possible only in case of military governor's assignment (for instance, like in postwar Germany) and the prevention of old elite's assignment in local authorities. Donbass community is regenerating. For the first time, Donbass realized the value of a State and power of Society, which is capable of protecting the country. The control point of Ukrainian people's victory and establishment of a compromise (Society with the State) path of development will be the practice of understanding by local communities as a real political actor that requires transparency in government decisions, able to protect the interests of the city and reproduce the prospects of free and self-contained state by real actions.

References:

1. Covey, S. R. (1989). *The Seven Habits of Highly Effective People*.
2. Dahrendorf, R. (1965). *Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts*. Gesellschaft und Freiheit München.
3. Jacques, D., Stiegler, B. (2002). *Echographies of Television: Filmed Interviews*. Cambridge: Polity.
4. *Failed States Index*. <<http://ffp.statesindex.org/>>
5. Nations in Transit 2013. *Freedom House*. <<http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2013>>
6. *The 2012 legatum prosperity index*. <<http://www.prosperity.com/Countries.aspx>>
7. The Happy Planet Index. <<http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>>
8. Басовская, Н. И. (2002). *Столетняя война: леопард против лилии*. Москва.
9. Бурдые, П. (2007). *Социальное пространство: поля и практики*. Москва: Алетейя.
10. Ворожейкина, Т. (2014). *Может ли общество изменить государство: новые протестные движения и революция в Украине*. Голицыно. <https://www.youtube.com/watch?v=yvnXos_sk0E>
11. Гофман, И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации социального опыта*. Москва: Ин-т социологии РАН.
12. Зубаревич, Н. В. (2014). *Развитие крупных городов России. С креативного неба на землю*. <<https://www.youtube.com/watch?v=YmRhD5tcsY8>>
13. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: что изменилось?. *Киевский международный институт социологии*. <<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>>

14. Крістева, Ю. (2004). Самі собі чужі. Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи».
15. Крістева, Ю. (2004). *Полілог*. Київ: Юніверс.
16. Лещенко, С. *Борьба с теневой экономикой может вылиться в социальный кризис*. <http://institute.gorshenin.ua/news/1100_borba_s_tenevoy_ekonomikoj_mozhet.html>
17. Нагорняк, Т. Л. (2013). *Брендинг території як державна та регіональна політика*. Донецьк: Видавництво «Ноулідж».
18. *Опитування фонду «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва»*. <<http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1511506>>
19. Пирс, Ч. С. (2000). *Логические основания теории знаков*. Санкт-Петербург: Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя.
20. Пискунов, В. В. (2005). *Концепт общественного договора: классические и современные формы*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва.
21. *Пресс-конференція А. Бородея і І. Стрелкова*. Донецьк. 10. 07. 2014. <<https://www.youtube.com/watch?v=08KdvFpz-84>>
22. Соссюр, Ф. (2007). *Курс общей лингвистики*. Москва: КомКнига.
23. *Теневой сектор экономики Украины в 2013 году*. <<http://112.ua/ekonomika/tenevoy-sektor-ekonomiki-ukrainy-v-2013-godu-sostavil-poryadka-150-mlrd-dollarov-ekspert-20904.html>>
24. *Экономический раскол Украины*. <<http://voprosik.net/ekonomicheskij-raskol-ukrainy/>>

Эдуард Плешко, к.ю.н.

ПОПЫТКА ПРИМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В УКРАИНЕ: ПРАВО ИЛИ ПОЛИТИКА

This article analyzes the problems of modern criminal extraterritorial jurisdiction based on current events in Ukraine and Russian Federation. The legality of attempts to use Russian criminal law in respect of Ukrainian soldiers taking part in anti-terroristic operations in the east of Ukraine were assessed, from the point of view of international criminal law, international humanitarian law and national law of Ukraine and the Russian Federation. The groundlessness of such an attempt on the part of Russian Federation was shown. It is concluded that Russian Federation does not have jurisdiction over war crimes committed during the anti-terroristic operation in the territory of Ukraine. Russian Federation does not have jurisdiction for investigation of war crimes committed during non-international armed conflict in Ukraine, even hypothetically.

Применение уголовной экстерриториальной юрисдикции является экстраординарным событием, влекущим не только правовые, но и в определенных ситуациях, политические, последствия. Особенно ярко это проявляется в условиях вооруженных конфликтов. Оценка правомерности таких действий, отделение зерен от плевел, права от политики, является важной не только для обеспечения охраны прав граждан, гипотетически подпадающих под уголовную ответственность иностранного государства, но и для защиты национальных интересов и национальной безопасности государства, территориальное верховенство которого ставится под сомнение.

В ряде случаев, к которым мы относим возбуждение уголовных дел Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации в отношении украинских военнослужащих, данный акт носит сугубо политический характер, не преследует задачи, сформулированные в п. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ¹ (далее –

¹ п. 1. ст. 2 УК РФ «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Уголовный кодекс Российской Федерации. Система ГАРАНТ. <http://base.garant.ru/10108000/1/#block_1001#ixzz3ArY5acQ9>

УК РФ), нарушает нормы международного права¹, на которых основывается УК РФ (п. 2 ст. 1 УК РФ), и противоречит положению ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности.

Целью настоящего исследования является оценка правомерности попытки применения российского уголовного закона в отношении украинских военнослужащих, принимающих участие в антитеррористической операции (АТО) на востоке Украины, с точки зрения международного уголовного, международного гуманитарного и внутригосударственного права Украины и Российской Федерации.

Цель исследования предполагает решение следующих задач: определение условий применения и правомерности экстерриториальной уголовной юрисдикции; установление отличий экстерриториальной уголовной юрисдикции и универсальной уголовной юрисдикции; конкретизация проблемы конкуренции квалификаций вооруженного конфликта по внутреннему законодательству и международному праву; возможность применения категории «серьезные нарушения Женевских конвенций» в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера; определение пространственной сферы действия ст. 356 УК РФ и возможность ее применения в отношении территории Украины; условия применения ст. 356 УК РФ и допустимость квалификации на ее основании действий украинских военнослужащих в период проведения антитеррористической операции; квалификация возбуждения уголовных дел Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации в отношении украинских военнослужащих с точки зрения международного права.

Причиной постановки этих вопросов стала информация, размещенная 30 мая 2014 года на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации о возбуждении уголовного дела «в отношении пока неустановленных военнослужащих Вооруженных сил Украины, а также лиц из числа «Национальной гвардии Украины» и «Правого сектора» по фактам обстрелов городов Славянск, Краматорск, Донецк, Мариуполь и иных населенных пунктов провозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик по при-

---

¹ Прежде всего речь идет об основных принципах международного права суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела, а также попытками необоснованного применения норм международного гуманитарного права.

знакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны)¹»².

Как указано в тексте сообщения, «По мнению следствия, при обстрелах указанных городов и населенных пунктов в нарушение Женевской Конвенции от 12.08.1949 «О защите гражданского населения во время войны» военнослужащие Вооруженных сил Украины, лица из числа «Национальной гвардии Украины» и «Правого сектора» умышленно, **с целью убийства мирных граждан**, применяли оружие, артиллерию, авиацию, в том числе с символикой Организации Объединенных Наций, бронетанковое вооружение и технику. В результате этого среди **мирного населения** есть убитые и раненые. Кроме того, полностью или частично разрушены объекты промышленности, энергетики, связи и транспортной инфраструктуры, здания и сооружения жилого, социально-бытового и культурного назначения, в том числе больницы, детские сады и школы. Действия против мирного населения вынудили ряд жителей Республики Украина, Донецкой и Луганской Народных Республик, некоторые из которых являются гражданами Российской Федерации, покинуть места своего проживания. Помимо этого в нарушение указанной Женевской Конвенции и Дополнительного протокола к ней украинские военнослужащие 18 мая взяли в заложники не участвовавших в вооруженном конфликте граждан Российской Федерации – журналистов «Лайф Ньюз» Олега Сидякина и Марата Сайченко, которых незаконно удерживали до 24 мая, причиняя им физические и психические страдания. Кроме того, 25 мая в результате минометного обстрела в районе села Андреевка Славянского района Донецкой Народной Республики погибли не участвовавшие в вооруженном конфликте гражданин Италии Андреа Роккелли и гражданин Российской Федерации правозащитник Андрей Миро-

¹ Статья 356. Применение запрещенных средств и методов ведения войны:

1. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, – наказываются лишением свободы на срок до двадцати лет.

2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, - наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

² Возбуждено уголовное дело по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны на территории Донецкой и Луганской Народных Республик. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/403388/>>

нов. 26 мая в Донецке в районе аэропорта в результате гранатометного обстрела грузовика, перевозившего раненых и защищенного флагом с эмблемой Красного Креста, погибли не менее 35 раненых гражданских лиц»¹.

Оставляя вне рамок исследования правомерность и политическую обоснованность применения термина «Донецкая Народная Республика» к формированию, признанному по законодательству Украины террористической организацией, отметим следующее.

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации также возбудило уголовное дело в отношении украинских должностных лиц – губернатора Днепропетровской области И. Коломойского и министра внутренних дел Украины А. Авакова по подозрению в организации совершения преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 33, п.п. «а», «б», «е», «ж», «л» ч.2 ст. 105, ч. 3 ст. 33, ч.1 ст. 356, ч.3 ст. 33, ч.3 ст. 144, ч.3 ст. 33, п. «а» ч.3 ст. 126 УК РФ (организация убийства; применение запрещенных средств и методов ведения войны; похищение человека; воспрепятствование законной деятельности журналиста)².

Широкий резонанс вызвало похищение с территории Украины и предъявление обвинения в совершение преступления, предусмотренного ч.5 ст. 33, п.п. «а, б, е, ж, л» ч.2 ст. 105 УК РФ Надежде Савченко³.

---

¹ Возбуждено уголовное дело по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны на территории Донецкой и Луганской Народных Республик. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/403388/>>

² Возбуждено уголовное дело в отношении Игоря Коломойского и Арсена Авакова. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/405159/>>

³ «Управлением по расследованию преступлений, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны, СК России гражданке Украины Надежде Савченко предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, п.п. «а, б, е, ж, л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (пособничество в убийстве двух и более лиц в связи с осуществлением служебной деятельности, опасным способом, по мотивам политической ненависти, совершенное группой лиц). По ходатайству следствия судом в отношении Савченко избрана мера пресечения в виде заключения под стражу». Гражданке Украины Надежде Савченко предъявлено обвинение в пособничестве в убийстве журналистов ВГТРК. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/407115/>>

Обращает внимание, что в отличие от уголовного дела в отношении украинских военнослужащих¹ и должностных лиц Украины², Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации применило «выборочный» подход, и не вменяет Н. Савченко совершение преступления по ч.1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны), хотя изложенные фактические обстоятельства совпадают³, что может косвенно свидетельствовать о неправомерности и политической заангажированности возбуждения уголовного дела по ч.1 ст. 356 УК РФ в отношении украинских военнослужащих Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации.

1. Как указывает авторитетный специалист в области международного уголовного права Г. Верле, каждое государство имеет власть устанавливать пределы собственной национальной уголовной юрисдикции как «продукта» суверенитета, ссылаясь при этом на дело «Лотус» («дело «Лотус» или «Дело о параходе «Лотус»: «Однако нельзя сделать вывод о том, что международное право запрещает государству на его собственной территории осуществлять юрисдикцию в отношении любого дела, связанного с действиями, совершенными за рубежом, и в котором оно не может полагаться на какую-либо диспозитивную норму международного права». «Все, что можно потребовать от государства, заключается в том, чтобы оно не преступало пределов, которые международное право налагает на его юрисдикцию; в этих пределах его право осуществлять юрисдикцию заключено в его суверенитете»⁴.

Таким образом, государство вправе устанавливать экстерриториальную уголовную юрисдикцию. И такая практика достаточно

¹ Возбуждено уголовное дело по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны на территории Донецкой и Луганской Народных Республик. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/403388/>>

² Возбуждено уголовное дело в отношении Игоря Коломойского и Арсена Авакова. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/405159/>>

³ Російський суд офіційно визнав ДНР та ЛНР? *Espresso.tv*. <http://espresso.tv/news/2014/07/18/rosiyskiy_sud_oficiyno_vyznav_dnr_ta_lnr_dokument>

⁴ Постоянная палата международного правосудия, решение от 7 сентября 1927 года, опубликовано в издании: *Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A: Collection of Judgements*, No. 10, The Case of the S.S. “Lotus” (*France v. Turkey*), 19. Цит. по Верле, Г. (2011). *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Фенікс; Москва: ТрансЛит, 89.

распространена и находит отражение в уголовном законодательстве многих государств¹.

---

¹ Весьма подробны и интересны в этом отношении положения УК Федеративной Республики Германии

«§ 5 Деяния, совершенные за границей против внутригосударственных правовых благ

Германское уголовное право действует независимо от права места совершения деяния в отношении следующих деяний, совершенных за границей:

1. подготовка агрессивной войны (§ 80);
2. государственная измена (§§81-83);
3. угроза демократическому правовому государству
  - а) в случаях, указанных в §§ 89, 90а, абз. 1, и 90b, если лицом, совершившим деяние, является гражданин ФРГ, и основа его жизнедеятельности находится на территории действия этого закона, и
  - б) в случаях, указанных в §§90 и 90а, абз. 2;
4. измена стране и создание угрозы внешней безопасности (§§ 94-100а):
5. наказуемые деяния, направленные против обороны страны
  - а) в случаях, предусмотренных §§ 109 и 109е-109g, и
  - б) в случаях, предусмотренных §§ 109а, 109g и 109h, если лицом, совершившим деяние, является гражданин ФРГ, и основа его жизнедеятельности находится на территории действия этого закона;
6. насильственный увоз человека и навлечение на него подозрения по политическим мотивам (§§ 234а, 241а), если деяние направлено против немца, который имеет место жительства или постоянного пребывания в своей стране;
- ба. похищение ребенка в случаях, предусмотренных § 235, абз.2, № 3, если деяние направлено против лица, которое имеет место жительства или постоянного пребывания в ФРГ;
7. нарушение производственных или коммерческих тайн предприятия или фирмы, находящейся на территории действия этого закона, фирмы, которая там находится, или фирмы, находящейся за границей, которая зависит от фирмы, находящейся на территории действия этого закона, и образует с ней концерн;
8. наказуемые деяния против полового самоопределения
  - а) в случаях, предусмотренных § 174, абз. 1 и 3, если лицо, совершившее деяние, и лицо, по отношению к которому совершается деяние, ко времени его совершения являются немцами и основой их жизнедеятельности является Германия,
  - б) в случаях, предусмотренных в §§ 176–176b и 182, если лицо, совершившее деяние, является немцем;
9. прерывание беременности (§ 218), если лицо ко времени совершения им деяния является немцем и основа его жизнедеятельности находится на территории действия этого закона;
10. ложное показание без присяги, лжеприсяга и ложное заявление, равносильное присяге, в процессе, который осуществляется на территории действия этого закона судом или другим германским учреждением, уполномоченным принимать присягу или подобное присяге заявление;
11. наказуемые деяния против окружающей среды в случаях, предусмотренных §§324, 326, 330 и 330а, которые совершаются в зоне исключительно германского хозяйствования, поскольку международная Конвенция по защите моря устанавливает их уголовное преследование как наказуемых деяний;

11а. наказуемые деяния, предусмотренные § 328, абз. 2, № 3 и 4, абз. 4 и 5, и в связи с § 330, если лицо во время совершения деяния является немцем;

12. деяния, совершаемые германским должностным лицом или лицом, специально уполномоченным на выполнение обязанностей публичной службы во время нахождения на службе либо в связи со службой;

13. деяния, совершаемые иностранцем в качестве должностного лица или лица, специально уполномоченного на выполнение публичной службы;

14. деяния, совершаемые кем-либо против должностного лица, лица, специально уполномоченного на выполнение публичной службы, или военнослужащего ФРГ во время своей службы или в связи со своей службой;

14а. подкуп депутатов (§ 108е), если лицо во время совершения деяния является немцем или деяние совершено в отношении немца;

15. торговля органами (§18 Закона о трансплантации), если лицо во время совершения им деяния является немцем.

§ 6 Деяния, совершаемые за границей против правовых благ, охраняемых международными соглашениями

Действие германского уголовного права распространяется независимо от права места совершения деяния на следующие деяния, совершаемые за границей:

1. геноцид (§ 220а);

2. связанные с ядерной энергией, взрывчатым веществом и ионизирующим излучением в случаях, предусмотренных §§ 307 и 308, абз. 1-4. § 309, абз. 2, и §310;

3. посягательство на воздушное или морское сообщение (§ 316с);

4. торговля людьми (§180Ь) и тяжкие случаи торговли людьми (§ 181);

5. незаконный сбыт наркотических средств;

6. распространение порнографических материалов в случаях, предусмотренных § 184. абз. 3 и 4;

7. подделка денег и ценных бумаг (§§ 146,151 и 152), подделка платежных карт и бланков еврочеков (§ 152а, абз. 1-4), а также их изготовление (§§ 149,151, 152 и 152а, абз. 5);

8. получение субсидий мошенническим путем (§264);

9. деяния, которые подлежат преследованию на основании межгосударственного соглашения, обязательного для Федеративной Республики Германии, если они совершаются за границей.

§ 7 Действие в отношении деяний, совершаемых за границей в других случаях

(1) Германское уголовное право действует в отношении деяний, совершаемых за границей против немца, если деяние наказуемо в месте его совершения, или если место совершения деяния не состоит под (чьей-либо) уголовно-правовой властью.

(2) В отношении других деяний, совершаемых за границей, действует германское уголовное право, если деяние наказуемо в месте его совершения, или если место совершения деяния не подлежит уголовно-правовой власти, и если лицо, совершившее деяние,

1. во время совершения деяния являлось немцем или стало им после совершения деяния или,

2. будучи уличенным во время совершения деяния на территории Германии, было иностранцем, и, хотя закон о выдаче преследуемых лиц допускает его выдачу на основании вида деяния, оно не выдается ввиду отсутствия ходатайства о выдаче или отказа в удовлетворении ходатайства, или поскольку его

Юрисдикция, осуществляемая за пределами территории является экстерриториальной¹. Экстерриториальное действие уголовного закона Р. Р. Хаснутдинов определяет как возможность применения действующего уголовного закона к лицу, совершившему преступление вне территориальной юрисдикции государства, а именно на квазитерритории, территории со смешанным или международным режимом, территории иностранного государства². Причем экстерриториальность уголовной юрисдикции государства общепризнанна³.

Однако, во-первых, экстерриториальная уголовная юрисдикция ограничена вмешательством во внутренние дела другого государства. По этому поводу Г. Верле указывает, что «национальной уголовной юрисдикции ограничены международным правом, а именно – запретом вмешательства во внутренние дела»⁴. Во-вторых, «В соответствии с международным правом, государство имеет право распространять свою уголовную юрисдикцию только на вопросы, с которыми оно может продемонстрировать определенную связь, например через посредство места, где было совершено деяние, гражданства субъекта или жертвы преступления или соответствующего охраняемого интереса»⁵.⁶

То есть, экстерриториальная юрисдикция всегда носит ограниченный характер по сравнению с территориальной, что отражено в

выдача невыполнима». *Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии*. <<http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102945,100102950,100102953#text>>

¹ Нарбутаев, Э., Сафаев, Ф. (2006). *Курс международного уголовного права*. Ташкент. <http://www.studylaw.narod.ru/narbutaev/narb_53.htm>

² Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дис. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

³ Фисенко, И. (1996). Проблемы экстерриториальной юрисдикции в международном уголовном праве. *Белорусский журнал международного права*, 1, 33.

⁴ Верле, Г. *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 89.

⁵ См. по поводу условий, установленных международным правом в отношении данного вопроса, в изданиях: Ambos, K. in Joecks, W. and Miebach, K. (eds.), *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch* (2003), Vor § 3, абзацы 17 и далее; Oehler, D. *Internationales Strafrecht*, 2nd edn. (1983), абзацы 111 и далее; Werle, G. and Jessberger, F. in Laufhütte, H. W., Rissing-van Saan, R. and Tiedemann, K. (eds.), *Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch*, 12th edn. (2007), Vor § 3, абзацы 25 и далее. Цит. по: Верле, Г. (2011). *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 89.

⁶ Верле, Г. (2011). *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 89.

уголовном законодательстве¹. Как подчеркивает Р. Р. Хаснутдинов, при формулировке правил реализации персонального, реального и универсального принципов действия уголовного закона в пространстве законодатель использует перечневый подход, указывая конкретные составы преступлений (УК Франции, ФРГ, Голландии, Австрии и др.)². В РФ перечневый подход не применяется. Как указывает исследователь, «необходимо использовать опыт ряда зарубежных стран, где при определении сферы реализации универсального принципа действия уголовного закона выделяется отдельная статья, где четко перечислены все преступления, в отношении которых уголовный закон того или иного государства действует, независимо от закона места совершения такого деяния»³.

Как правило, в законодательстве условия экстерриториального действия уголовного закона дифференцированы в зависимости от критерия наличия связи с государством: граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории государства⁴ и иностранцы и лица без гражданства, постоянно не проживающие на территории государства⁵, т.е. различаются персональный и реальный принципы экстерриториальной юрисдикции. В отношении второй группы субъектов условия привлечения к уголовной ответственности, как обоснованно указывает Г. Верле, посягательством на интересы граждан или государства⁶ и, в ряде случаев, опосредо-

¹ В УК Республики Польша содержится статья следующего содержания: «Ст. 5. Польский уголовный закон применяется к лицу, которое совершило запрещенное деяние на территории Республики Польша, а также на польском водном или воздушном судне, за исключением случаев, когда международным договором, стороной».

² Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

³ Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

⁴ ст. 7 УК Украины; п. 1 ст. 12 УК РФ; п.п. а) 3, б) 5, а) 8, б) 8, 9, 11а, 14а § 5 *УК Федеративной Республики Германии*. <<http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102945,100102950,100102953#text>>

⁵ ст. 8 УК Украины; п. 3 ст. 12 УК РФ; п.п.1, 2, б) 3,4, а)5, 6, 6а, 7, 10, 11, 13, 14 § 5 *УК Федеративной Республики Германии*. <<http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102945,100102950,100102953#text>>

⁶ п.1 ст. 8 УК Украины; п. 3 ст. 12 УК РФ.

ваны тяжестью совершенного преступления¹. С другой стороны, государства могут быть обязаны распространить свою национальную уголовную юрисдикцию в соответствии с международно-правовыми обязательствами «в связи с обязательством осуществлять уголовное преследование, вытекающим из международного права»². Таким образом, если в первом и втором случаях речь идет об установлении экстерриториальной юрисдикции по инициативе государства, то в третьем случае, – в соответствии с международно-правовыми обязательствами и на основании международного права.

В области экстерриториальной юрисдикции действуют три принципа – персональный, защиты или безопасности и универсальности. Р. Р. Хаснутдинов указывает, что экстерриториальная юрисдикция основана на персональном, реальном и универсальном принципах³.

Персональный принцип вытекает из личного верховенства государства, из его власти над своими гражданами. Согласно этому принципу юрисдикция государства распространяется на всех его граждан за рубежом в пределах, определяемых его правом в соответствии с международным правом. Все чаще государства распространяют такую юрисдикцию и на лиц без гражданства, постоянно проживающих на его территории.

Принцип защиты или безопасности (реальный принцип) призван обеспечить защиту существенных интересов государства и его граждан от преступных действий, совершаемых за рубежом. В соответствии с этим принципом государство в таких случаях вправе привлечь к уголовной ответственности любое лицо независимо от места совершения преступления, разумеется, при условии, что такое лицо окажется в сфере его юрисдикции. Этот принцип получает все более широкое распространение в законодательстве и судебной практике государств⁴.

Принцип универсальности предусматривает возможность распространения уголовной юрисдикции государства на деяния, признанные преступными международным правом, независимо от гражданства совершивших их лиц и места их совершения. В прошлом он

---

¹ п.1 ст. 8 УК Украины.

² Верле, Г. (2011). *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одеса: Фенікс; Москва: ТрансЛит, 89-90.

³ Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

⁴ Нарбутаев, Э., Сафаев, Ф. (2006). *Курс международного уголовного права*. Ташкент. <http://www.studyaw.narod.ru/narbutaev/narb_53.htm>

охватывал лишь пиратство и работорговлю, ныне распространяет свое действие на ряд преступлений по общему международному праву, таких как апартеид, преступления против мира и безопасности человечества¹. Установление так называемой универсальной юрисдикции допустимо лишь в случаях, предусмотренных международными договорами и нормами международного обычного права. Причем, в одностороннем порядке государства не вправе устанавливать свою юрисдикцию на основе указанного принципа².

Р. Р. Хаснутдинов указывает, что в соответствии с принципом универсальной юрисдикции государства имеют право **привлекать к уголовной ответственности упомянутую категорию лиц, как только они окажутся в пределах их исполнительной юрисдикции** (выделено нами – Э. Плешко)³.

Принцип универсальной юрисдикции, хотя и в качестве основания для вспомогательной компетенции, за исключением случаев пиратства, нашел свое отражение в подготовленном еще в 1935 г. Гарвардским институтом права проекте Конвенции о юрисдикции в отношении преступлений. Разработанный американскими юристами-международниками Restatement (Third) – § 404 предусматривает, что государство может установить юрисдикцию в отношении таких преступлений, как пиратство, работорговля, нападение на воздушные суда или их захват, геноцид, военные преступления, некоторые террористические акты, определение наказуемости которых представляет универсальный интерес для международного сообщества. Как указывается в Принципе I Принстонских принципов универсальной юрисдикции, подобная юрисдикция основывается только на природе деяния, безотносительно к месту совершения преступления, гражданству подозреваемого или обвиняемого, потерпевшего, к любой другой его связи с государством, осуществляющим юрисдикцию.

Универсальная юрисдикция закреплена законодательно в ряде государств: Австралии, Австрии, Бельгии, Канаде, Дании, Франции,

¹ Нарбутаев, Э., Сафаев, Ф. (2006). *Курс международного уголовного права*. Ташкент. <http://www.studyaw.narod.ru/narbutaev/narb_53.htm>

² Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

³ Хаснутдинов, Р. Р. (2007). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Казань, 2007. <<http://lawtheses.com/territorialnoe-i-eksterritorialnoe-deystvie-ugolovnogo-zakona>>

ФРГ, Израиле, Нидерландах, Испании, Российской Федерации, Швейцарии, Великобритании, Финляндии, Греции, Ирландии,, Италии, Люксембурга, Португалии, Швеции, Сенегале и других странах.

Международные уголовные трибуналы для бывшей Югославии и Руанды в своих постановлениях неоднократно указывали на необходимость применения универсальной юрисдикции (дело Тадича, «Прокурор против Нтухада»). Кроме того, необходимость применения универсальной юрисдикции отмечалась также Межамериканской комиссией по правам человека, Подкомиссией ООН по развитию и защите прав человека, а также Парламентом ЕС в связи с делом Пиночета¹.

В случае применения универсальной уголовной юрисдикции конкретным государством она может иметь характер экстерриториальной, но отнюдь не наоборот, т.е. не любая экстерриториальная юрисдикция является универсальной.

Таким образом, внутреннее законодательство обычно допускает применение экстерриториальной уголовной юрисдикции при соблюдении определенных условий. Правовые основания применения экстерриториальной юрисдикции на основании реального принципа или защиты или безопасности, и универсального принципа, различны. В первом случае деяние должно быть направлено против этого государства, или посягать на права и законные интересы его граждан. Иное дело, применение универсальной юрисдикции. Правомерность ее применения определяется исключительно нормами международного права.

2. События на востоке Украины повлекли проведение силовой операции, квалифицируемой согласно законодательства Украины в качестве антитеррористической². Иная квалификация, проведенная Международным Комитетом Красного Креста указанных событий – вооруженный конфликт немеждународного характера³.

¹ Королёв, Г. А. (2010). *Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона*: автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: 12.00.10 – международное право; европейское право. Казань.

² «...Рада національної безпеки і оборони України прийняла рішення про проведення широкомасштабної антитерористичної операції із залученням Збройних сил України». Андрій Парубій: *Зовнішні агресори використовують політичні погляди та емоції громадян України для дестабілізації ситуації в Україні*. <<http://www.rnbo.gov.ua/news/1667.html>>

³ Как указывает известный юрист-международник, второй вице-президент Европейского комитета по предупреждению пыток Н. Гнатовский: «Є багато юридичних нюансів – ці організації, слідом за Міжнародним комітетом Червоного

Квалификация силовой операции в качестве АТО, не снимает обязательств Украины, как и других субъектов и участников конфликта соблюдать положения международного гуманитарного права, применяемых в период вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Квалификация событий на юго-востоке Украины в качестве вооруженного конфликта немеждународного характера порождает применение ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г. (далее – ЖК), Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г, касающегося жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г. (далее ДП II) и норм обычного международного права, применимых к вооруженным конфликтам немеждународного характера, однако не влияет на вопросы территориальной юрисдикции Украины в отношении действий и событий, происходящих на юго-востоке Украины. На наш взгляд, различная квалификация не является коллизией, обе являются правомерными и взаимно дополняемые, а характеризуют различные правовые грани ситуации и применимое право.

При этом, ни первая, ни вторая квалификация не оспаривают распространение территориального верховенства Украины на район проведения указанной операции, и подчинения лиц, находящихся в зоне АТО или в зоне вооруженного конфликта немеждународного характера территориальной юрисдикции Украины, включая уголовную.

Как указывает С. Саяпин, Российская Федерация вообще не обладает юрисдикцией в отношении деяний, совершенных в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины, которые могут быть квалифицированы в качестве военных преступлений. В силу принципа так называемой факультативной универсальной юрисдикции («или

Хреста, кваліфікують ситуацію у нас не як збройний конфлікт міжнародного характеру, а як внутрішній. Зрозуміло, що нам це не подобається, бо ми чудово розуміємо, що там є зовнішній учасник, що ці дії підтримуються Росією і вже є докази її безпосередньої участі в підтримці терористів. Можна дискутувати, як з точки зору гуманітарного права кваліфікувати цю ситуацію, але ця кваліфікація суттєво не впливає ні на що. Хіба що з юридичної точки зору: коли є неміжнародний конфлікт, треба посилатися на один набір норм, коли конфлікт міжнародний – на інший, значно детальніший і складніший. При неміжнародному конфлікті держава, яка наводить лад на своїй території, має більшу свободу маневру, ніж коли йде повноцінна міждержавна війна». *Микола Гнатівський: Нам це не подобається, але міжнародні правозахисники кваліфікують конфлікт на Донбасі як внутрішній.* <<http://glavcom.ua/articles/21346.html>>

суди – или выдай»), уголовная юрисдикция России может распространяться исключительно на военные преступления, которые были совершены в ходе какого-либо международного вооруженного конфликта. Ни статья 3, общая для ЖК, ни ДП II не предусматривают аналогичного принципа для ситуаций немеждународных вооруженных конфликтов¹.

Такой вывод важен в контексте анализа проблемы попытки экстерриториального применения иностранного (российского) уголовного закона по отношению к военнослужащим, принимающих участие в АТО на юго-востоке Украины².

3. В отношении пространственной сферы действия ст. 356 УК РФ применяются положения общей части УК РФ в отношении пространственной сферы действия, а именно ст.ст. 11 и 12 УК РФ.

Согласно ч.3 ст. 12 УК РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации, либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

3.1. Некоторые вопросы возможности квалификация деяния в качестве преступления согласно ст. 356 УК РФ рассмотрены нами ниже, однако отметим отсутствие доказательств наличия в составе преступления как объективной, так и субъективной стороны. Также следует отметить, что большинство случаев гибели гражданских лиц и обстрела гражданских объектов, приписываемые украинским военнослужащим в целом и особенно офицерам из числа командного состава Вооруженных Сил Украины, руководителям Националь-

---

¹ Дело украинской летчицы Савченко со временем станет важным прецедентом в сфере международного гуманитарного права – доктор права Сергей Саяпин. <<http://interfax.com.ua/news/interview/217535.html>>

² Возбуждено уголовное дело по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны на территории Донецкой и Луганской Народных Республик. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации.* <<http://www.sledcom.ru/actual/403388/>>

ной гвардии Украины и подразделений территориальной обороны¹ и непосредственно губернатору Днепропетровской области И. Коломойскому и министру внутренних дел Украины А. Авакову², осуществляются террористами³, среди которых значительное количество составляют российские наемники, с помощью оружия, которое было незаконно доставлено с территории РФ⁴.

¹ Следствием установлены лица, причастные к военным преступлениям на территории юго-востока Украины. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/407377/>>

² Возбуждено уголовное дело в отношении Игоря Коломойского и Арсена Авакова. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/405159/>>

³ Терористи обстрілюють житлові квартали Слов'янська. Є жертви. *Укр. правда*. <<http://www.pravda.com.ua/news/2014/06/29/7030474/>>; На Луганщині терористи обстрілюють аеропорти та населені пункти. <<http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2014/07/07/983717.html>>; *Терористи обстріляли аеродром Краматорська із гранатомета*. <http://censor.net.ua/news/285700/terroristy_obstrelyali_aerodrom_kramatorska_iz_granatometa_neskolko_vystrelov_proizvedeno_po_jilym_domam>; *Терористи Донбасса пытаются затопить населенные пункты*. <<http://zptown.at.ua/news/2014-06-07-28319>>; Гончаров, А. *Терористы из установки «Град» обстреляли жилые кварталы Луганска, есть жертвы*. <<http://www.unn.com.ua/ru/news/1364908-teroristi-z-ustanovki-grad-obstrilyali-zhitlovi-kvartali-luganska-ye-zhertvi>>

⁴ «...10 боевых машин «Град» пересекли государственную границу Украины. Одна машина была нами захвачена и уничтожена. В этой машине мы обнаружили доказательную базу ее принадлежности к 18 мотострелковой бригаде южного военного округа РФ...» РФ переправила в Украину десять установок «Град». <http://news.liga.net/news/politics/2218605-rf_perebrosila_v_ukrainu_desyat_ustanovok_grad_minoborony.htm>; «...Ночью с 10 на 11 июля с территории РФ в Украину вошла колонна тяжелой техники в количестве около 20 единиц. Колонна в составе БТРов, тентованных грузовиков и тягачей вошла со стороны Краснодарского района и направилась в направлении Луганска. По словам очевидцев, на одном из грузовиков был номер с 21-м регионом РФ (Чувашия). Ранним утром этим же направлением прошла колонна из пяти российских танков Т-72». *Ночью из РФ вошли две колонны военной техники*. <<http://kiev-online.net.ua/voina-v-ukraine/Noch-yu-iz-RF-voshli-dve-kolony-voennoiy-tehniki.html>>; Как отмечается в Заключении Совета Европейского Союза по Украине (Заседание Совета ЕС по иностранным делам, Люксембург, 23 июня 2014 г.), «ЕС призывает Российскую Федерацию ... принять эффективные меры, чтобы остановить поток нелегальных боевиков, оружия и оборудования через границу Украины»; «Несмотря на неоднократные обращения от украинской стороны, пограничная служба ФСБ Российской Федерации не принимает никаких шагов, чтобы предотвратить многочисленные нарушения государственной границы Украины вооруженными лицами и военной техникой с территории России» Комментарий Департаменту інформаційної політики щодо чергових провокацій з боку Росії на українсько-російському кордоні від 12 липня 2014 р. <<http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/1881-komentar-departamentu-informacijnoji-politiki>>

Вызывает интерес характеристика субъективной стороны, которую изложил Руководитель Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации В. И. Маркин в заявлении о возбуждении уголовного дела в отношении губернатора Днепропетровской области Игоря Коломойского и министра внутренних дел Украины Арсения Авакова: **«по мотивам политической ненависти** (выделено нами) применялись системы залпового огня «Град», авиационные неуправляемые ракеты, имеющие касетную головную часть, и другие виды тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия», что также свидетельствует о политической предвзятости и необоснованности возбуждения уголовного дела Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации¹.

По этим вопросам в Заявлении Генеральной прокуратуры Украины отмечается, «что участие субъектов борьбы с терроризмом в антитеррористической операции на территории Донецкой и Луганской областей осуществляется в полном соответствии с положениями национального законодательства Украины и норм международного права». Поэтому ссылка на Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны 1949 г. является неправомерной в силу неприменимости указанной Конвенции, как и иных ЖК в силу ч. 1, 2 ст. 2 ЖК².

Обеспечение конституционного порядка на этих территориях является прямой обязанностью государства согласно Основному Закону Украины, законов «Об основах национальной безопасности Украины», «О борьбе с терроризмом» и других актов действующего законодательства³.

---

ukrajini-shhodo-chergovih-provokacij-z-boku-rosiji-na-ukrajinsyko-rosijsykomu-kordoni>

¹ Возбуждено уголовное дело в отношении Игоря Коломойского и Арсена Авакова. *Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации*. <<http://www.sledcom.ru/actual/405159>>

² «Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.» ч. 1 ст. 2 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.

³ Сприяння високопосадовців РФ незаконним озброєним формуванням в Україні носити ознаки підтримки міжнародного тероризму: заява Генпрокуратури. *Офіційний веб-портал Генеральної прокуратури України*. <http://www.gp.gov.ua/ua/news.html?_m=publications&_t=rec&id=139321&fp=120>

3.2. Постановление не обосновывает направленность преступления против интересов Российской Федерации, однако в тексте присутствует ссылка на гибель гражданина РФ Андрея Миронова. Следует отметить, что по факту гибели гражданина РФ Андрея Миронова и других случаев гибели российских граждан в Украине проводится досудебное расследование¹ в соответствии с принципом территориальной подсудности, что также свидетельствует о добросовестном выполнении Украиной своих международных обязательств. Аналогичный тезис о необоснованности привлечения Н. Савченко к уголовной ответственности на территории РФ по фактам гибели российских граждан А. Д. Волошина и И. В. Корнелюка.

3.3. Основанием для привлечения к уголовной ответственности по УК РФ за преступление, совершенное за пределами территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации допускается, если привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления за пределами территории РФ предусмотрено международным договором Российской Федерации. Возникает вопрос о наличии в **международных договорах РФ обязательств** (выделено нами) по привлечению к уголовной ответственности в рассматриваемом случае.

В Постановлении о возбуждении уголовного дела речь идет о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны) со ссылкой на нарушение Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. У нас отсутствует информация о ссылке в Постановлении на нарушение других международных договоров Российской Федерации, однако некоторые авторы ссылаются на нарушения ДП II.² В Постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Новоусманского районного суда Воронежской области № 3/1-9/2014 в отношении Н. В. Савченко указывается на нарушение Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г, касающегося жертв вооруженных конфликтов международного характера

¹ *Милиция открыла производство по факту гибели итальянского журналиста.* <http://www.ukrinform.ua/rus/news/militsiya_otkrila_proizvodstvo_po_faktu_gibeli_italyanskogo_gurnalista_1636456>; Тіла італійського журналіста і російського перекладача не можуть доправити до Києва через ситуацію в Слов'янську. *МЗС України.* <<http://www.telekritika.ua/profesija/2014-05-27/94105>>

² Волеводз, А. *Уголовное дело о военных преступлениях в Украине возбуждено обоснованно*, 6 <http://www.mgimo.ru/files/253752/A.Volevodz_Voennyje_prestuplenia_v_Ukraine.pdf>

1977 г. (далее – ДП I) и Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г.

Возбуждение уголовного дела по ст. ч. 1 ст. 356 УК РФ и применение ЖК и Дополнительных протоколов к ним возможно в случае вооруженного конфликта (диспозиция ст. 356 УК РФ, ст. 2 ЖК, п.п. 3,4 ст. 1 ДП I в отношении вооруженного конфликта международного характера; ст. 3 ЖК 1949 г., ст. 1 ДП II – в отношении вооруженного конфликта немеждународного характера).

В Постановлении отсутствует квалификация вооруженного конфликта. В соответствии с нормами, практикой и доктриной международного гуманитарного права различают вооруженный конфликт международного характера, вооруженный конфликт немеждународного характера и интернационализированный вооруженный конфликт.

РФ отрицает наличие вооруженного конфликта международного характера между Украиной и РФ, так же как и санкционированное правительством РФ направление на территорию Украины для участия в террористических актах военнослужащих РФ, боевиков и наемников¹.

Поэтому основной версией является квалификация Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации событий в Донецкой и Луганской областях Украины как вооруженного конфликта немеждународного характера, которая подтверждается квалификацией МККК. Такой подход соответствует комментариям российских экспертов: «Поскольку указанные военные преступления совершены в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера, Российская Федерация вправе осуществлять свою универсальную юрисдикцию в отношении указанных деяний, что основывается на международном гуманитарном праве – а именно на положениях Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. и Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, касающегося жертв

---

¹ *Предложения США по Крыму не устраивают Россию – Лавров.* <<http://www.segodnya.ua/politics/pnews/predlozheniya-ssha-po-krymu-ne-ustraiwayut-rossiyu-lavrov-501506.html>>; *Россия отрицает причастность к поставке в Украину вооруженных формирований и оружия.* <<http://mk-london.co.uk/news/u193/2014/06/14/1587>>

вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 08.06.1977 г.»¹.

Следует отметить, что применимыми к вооруженным конфликтам немеждународного характера² являются не Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г., как и иные ЖК и ДП I, а исключительно ст. 3, общая для ЖК. Применимым также является ДП II в целом.

Несомненно, ЖК и Дополнительные протоколы порождают общие обязательства относительно соблюдения их положений Договаривающимися Сторонами, исходя из общих положений международного права, однако степень обязательности рассматриваемых договоров, положения относительно универсальной юрисдикции и преследования лиц, виновных в их нарушении значительно различаются в отношении ЖК и ДП I, применимых к вооруженным конфликтам международного характера с одной стороны, и ДП II, ст. 3, общей для ЖК, применимых к вооруженным конфликтам немеждународного характера, с другой.

Об этом свидетельствует ст. 1 ЖК: «Высокие договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию», и п. 1 ст. 1 ДП I «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать настоящий Протокол и обеспечивать соблюдение при любых обстоятельствах», и отсутствие данной нормы в ДП II, что, несомненно, связано с характером вооруженного конфликта немеждународного характера. Эта особенность отражается и на вопросах уголовной ответственности лиц, виновных в нарушениях ЖК и Дополнительных протоколов 1977 г.

Государства обязаны разыскивать и привлекать к судебной ответственности тех, кто несет ответственность за **серьезные нарушения** ЖК³ и ДП I или каким-либо иным образом несет ответственность за военные преступления⁴, а также осуществлять судебное преследование таких лиц или выдавать их для суда в другом государ-

¹ Волеводз, А. *Уголовное дело о военных преступлениях в Украине возбуждено обоснованно*, 6 <http://www.mgimo.ru/files/253752/A.Volevodz_Voennye_prestuplenia_v_Ukraine.pdf>

² Различия в применимом праве к вооруженным конфликтам немеждународного характера высокой и низкой интенсивности мы упускаем.

³ Например, ст. 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г., ст. 85 Дополнительного протокола I.

⁴ Согласно п. 5 ст. 85 Дополнительного протокола I «Без ущерба для применения Конвенций и настоящего Протокола серьезные нарушения этих документов рассматриваются как военные преступления».

стве¹. Однако эти обязательства возникают исключительно в случае вооруженного конфликта международного характера, на основании норм ЖК и ДП I. Как указывает Г. Верле, «Женевские конвенции недвусмысленно предусматривают универсальную юрисдикцию только в отношении военных преступлений, совершенных в международных вооруженных конфликтах.»².

Как отмечает профессор Г. Верле, «принцип универсальной юрисдикции предоставляет только правомочность на осуществление уголовного преследования. Более широкое обязательство осуществлять уголовное преследование за совершение преступлений по международному праву, которое осуществляют собственные граждане за пределами собственной территории государства (так называемая обязательная универсальная юрисдикция), до сих пор было признано только в отношении военных преступлений, совершенных в международных вооруженных конфликтах»³. Однако, повторимся, рассматриваемый конфликт квалифицируется исключительно как вооруженный конфликт немеждународного характера, в том числе РФ.

Что касается договоров, применимых к вооруженным конфликтам немеждународного характера, то в ДП II отсутствует понятие «серьезные нарушения», как и положения об привлечении лиц, виновных в совершении серьезных нарушений⁴ (общие положения об уголовной ответственности за нарушения ДП II закреплены в ст. 6⁵).

¹ Ст. 129 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.; ст. 146 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.

² Верле, Г. *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Фенікс; Москва: ТрансЛит, 91.

³ Верле, Г. *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Фенікс; Москва: ТрансЛит, 95.

⁴ Ст. 129 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.

⁵ Статья 6. Уголовное преследование

1. Настоящая статья применяется к судебному преследованию и наказанию за уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом.

Уголовное судебное решение не выносится и никакое наказание не налагается в отношении лица, признанного виновным в правонарушении, кроме как на основе приговора суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности.

В частности:

а) процедура должна предусматривать, чтобы обвиняемый был без промедления информирован о деталях правонарушения, вменяемого ему в вину, и предоставлять обвиняемому до и во время суда над ним все необходимые права и средства защиты;

б) ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение, кроме как на основе личной уголовной ответственности;

Концепция «серьезных нарушений» распространяется исключительно на ЖК и ДП I. Также только в Конвенциях и ДП I указано, что данные международные договоры могут являться правовым основанием для уголовного преследования лиц на основании принципа «или осуди, или выдай»: «Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду. Она сможет также, если она этого пожелает, передавать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другой заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороне в том случае, если эта Договаривающаяся Сторона имеет доказательства, дающие основание для обвинения этих лиц»¹.

Таким образом, Российская Федерация на основании собственного уголовного права обладает юрисдикцией в отношении предполагаемых военных преступлений, которые могут быть совершены в любом иностранном государстве только в части и при наличии вооруженного конфликта международного характера.

с) ни одно лицо не может быть признано виновным в каком-либо уголовном правонарушении в связи с каким-либо действием или упущением, которое не являлось уголовным правонарушением по закону во время его совершения; равным образом не может налагаться более суровое наказание, чем то, которое было применено, когда было совершено данное уголовное правонарушение; если после совершения правонарушения законом устанавливается более легкое наказание, то действие этого закона распространяется и на данного правонарушителя;

d) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана по закону; e) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, имеет право на судебное разбирательство в его присутствии;

f) ни одно лицо не может быть принуждено к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

3. При вынесении приговора осужденному должно быть сообщено о его праве на обжалование в судебном или ином порядке, а также о сроке, в течение которого он может воспользоваться этим правом.

4. Смертный приговор не выносится лицам, которые в момент совершения правонарушения не достигли восемнадцатилетнего возраста, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей.

5. По прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны.

¹ Ст. 129 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.; ст. 146 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.

В отношении вооруженных конфликтах немеждународного характера применяются только ст. 3, общая для ЖК (не предусматривающая концепции «серьезных нарушений»), и ДП II – также не предусматривающий таких нарушений. Ни общая статья 3, ни ДП II не содержат норм о взаимодействии государств для уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления. Иными словами, ни общая статья 3, ни ДП II не являются «международными договорами Российской Федерации», которые могут являться правовым основанием для уголовного преследования по смыслу ч. 3 ст. 12 УК РФ¹.

В п.6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указывается, что: «Исходя из статьи 54 и пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, а также статьи 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ)»².

Таким образом, как доказано выше, можно констатировать отсутствие применимого международного договора РФ в случае возбуждения уголовного дела Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны в Украине, предусмотренного ч. 1 ст. 356 Уголовного кодекса РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны), что влечет отсутствие в деянии состава преступления и, в соответствии с п.2 ч.1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ, подлежит прекращению.

---

¹ Мнение эксперта доктора права С. Саяпина высказано на его странице в Facebook «@Sergey Sayarin».

² О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (с изм., внесенными постановлением Пленума от 5 марта 2013 г. № 4). <<http://ппвс.пф/2003/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N05-ot-10.10.2003.htm>>

3.4. Применение экстерриториального действия уголовного закона РФ обусловлено также тем обстоятельством, что иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, **привлекаются** к уголовной ответственности на территории Российской Федерации. Наличие глагола «привлекаются» в настоящем времени указывает на их фактическое присутствие на территории Российской Федерации, что в рассматриваемой ситуации отсутствует и исключает возможность экстерриториального применения уголовного закона РФ¹.

РФ привлекая к уголовной ответственности Надежду Савченко, похищенную с территории Украины, нарушает нормы международного и российского права.

Похищение лица с территории любого государства для привлечения его к уголовной ответственности (а в данном случае фактом является отсутствие добровольного пересечения границы РФ Н. Савченко, и не является значимым факт ее неправомерного лишения свободы и последующей передачи российским правоохранительным органам террористическими организациями, действующими на юго-востоке Украины – важно обстоятельство похищения гражданина Украины²) нарушает принцип суверенного равенства

¹ Роман Мылицын обоснованно отмечает, что для применения ст. 12 УК РФ «необходимо присутствие таких лиц на территории Российской Федерации» Уголовное дело за военные преступления на Украине: комментарий российского юриста: комментарий российского юриста. <<http://nk.org.ua/obshchestvo/85259-ugolovnoe-delo-za-voennye-prestupleniya-na-ukraine-kommentariy-rossiyskogo-yurista>>

² «... Следственный комитет РФ оперирует категориями, которых попросту не существует в международном праве. Дело в том, что категории "плен" и "ополченцы" применяются только в отношении международных вооруженных конфликтов, а вооруженный конфликт, происходящий на востоке Украины, технически является немеждународным – он происходит между вооруженными силами Украины и неправительственными вооруженными формированиями. В немеждународном вооруженном конфликте нельзя никого "взять в плен", и никаких "ополченцев" в таком конфликте, по смыслу международного гуманитарного права, быть не может. Во Втором Дополнительном протоколе 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года прямо указано, что применение гуманитарных норм в немеждународном вооруженном конфликте не затрагивает юридического статуса сторон, участвующих в нем, – то есть, с точки зрения права, членов неправительственных вооруженных групп никак нельзя называть "ополченцами" (то есть, законными участниками военных действий), а захват ими Н.Савченко представляет собой, в соответствии с правом Украины и международным правом, незаконное лишение свободы, поскольку брать ее в «плен» и передавать РФ они не имели никакого юридического права». *Дело украинской летчицы Савченко со временем станет важным прецедентом в*

государств, договоры о выдаче, права подозреваемого¹. С. Саяпин обращает внимание на то, что правовой статус Н. Савченко определяется обстоятельствами, при которых она оказалась на территории – и во власти – Российской Федерации².

В целом, нельзя не согласиться с Г. Верле о том, что «создание в национальных правовых системах возможностей для вмешательства со стороны третьих государств повлечет за собой существенные возможности для злоупотреблений», что очень рельефно проявляется по факту возбуждения Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации уголовного дела в отношении украинских военнослужащих³.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Украина обладает уголовной юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных на её территории как в мирное время, так и в условиях антитеррористической операции, и вооруженных конфликтов немеждународного характера.

2. Российская Федерация не обладает юрисдикцией в отношении расследования военных преступлений, совершенных в период антитеррористической операции на территории Украины. Даже гипотетически Российская Федерация не обладает юрисдикцией в отношении расследования военных преступлений, совершенных в ходе немеждународного вооруженного конфликта в Украине.

3. Применение универсальной уголовной юрисдикции в отношении серьезных нарушений Женевских конвенций возможно исключительно в ситуациях вооруженного конфликта международного характера.

4. Принцип 14 Принстонских принципов призывает государства решать споры, связанные с использованием одним из них принципа универсальной юрисдикции, в МС ООН. Примером подобного разрешения споров можно считать дело МС ООН «ДРК против Бельгии». Обращение Украины с предложением передать дело о попытке использования РФ принципа универсальной юрисдикции в МС ООН и более чем вероятный отказ РФ от такого сценария в очередной раз подчеркнет *due diligens* поведение Украины.

сфере международного гуманитарного права – доктор права Сергей Саяпин.
<<http://interfax.com.ua/news/interview/217535.html>>

¹ Фисенко, И. (1996). Проблемы экстерриториальной юрисдикции в международном уголовном праве. *Белорусский журнал международного права*, 1, 35.

² *Дело украинской летчицы Савченко со временем станет важным прецедентом в сфере международного гуманитарного права – доктор права Сергей Саяпин.*
<<http://interfax.com.ua/news/interview/217535.html>>

³ Верле, Г. *Принципы международного уголовного права*: учебник. Одесса: Фенікс; Москва: Транслит, 91.

Larisa Nalyvaiko, prof., Doctor of Law

TRANSPARENCY AS A DEMOCRATIC STANDARD OF THE GOVERNMENT FUNCTIONING

Actualization of the research of this problem stems from the fact that in recent years the index of democracy in Ukraine as the characteristics of the political regime is gradually losing the ground. Author of the article holds analyze the experience of providing transparency of government through civil control in democratic countries of Europe and the world, opportunities and ways of careful usage of this experience in Ukraine. An analysis of an experience of authority openness implementation, by applying public control in foreign countries. The article singled out certain provisions to overcome the global problems of the application of social control in transparent government

The Article 5 of the Constitution of Ukraine stipulates that the bearer of sovereignty and the only source of power in Ukraine is the people. The people exercises power directly and through the bodies of government and local self-government. Universal Declaration of Human Rights of UN Part 3. 21 states that the will of the people shall be the basis for government. Article 38 of the Constitution of Ukraine stipulates that the citizens of Ukraine have the right to participate in public affairs. The people delegates their authority to individuals who are obliged to ensure an open and effective implementation of the public interest.

Openness of the government promotes democracy, civil society and activate public control over the government and administration functioning, and access to any information is a prerequisite for such control. Only in case of developed political and legal culture of a democratic civil society, which on the legal basis controls government, state-organized society can both limit and self-limit state mandatory administrative team aspirations¹.

Actualization of the research of this problem stems from the fact that in recent years the index of democracy in Ukraine as the characteristics of the political regime is gradually losing the ground. According to the latest survey of British research center The Economist Intelligence Unit in 2012, Ukraine ranked 80 among 167 countries, went down in almost all five indexes: electoral process and pluralism, government functioning, citizens activity in the political process, political culture and public

¹ Селіванов, В. М. (2002). *Право і влада суверенної України: методологічні аспекти*. Київ: Ін Юре.

liberties and holds its first place in the category of «hybrid regimes»¹. The situation in Ukraine indicates dangerously low levels of democracy and guarantees of the civil rights. Changes that are waiting for Ukraine should, first of all, to increase the credibility of citizens to authorities, to put into practice of the governance fundamentally new institutions which guarantee compliance of public authorities with the regulations of law and ethics, including through the use of public control. Unfortunately, Ukraine has not yet developed such a mechanism to a sufficient level, so it is reasonable to study foreign experience.

The aim of the study is to analyze the experience of providing transparency of government through civil control in democratic countries of Europe and the world, opportunities and ways of careful usage of this experience in Ukraine.

No one can say that transparency as a democratic standard of the government is unexplored issue. Transparency of government was relevant at all stages of the development of national jurisprudence, it was investigated by E. Afonin, I. Beginina, V. Burenko, I. Pygolenko, G. Pyzina, S. Romaniuk, O. Sushyi, E. Tykhomyrova, O. Todyka, O. Yatsuns'ka and others. An institute of social control is not also ignored by scientists, it is studied by M. Baimuratov, O. Batanov, A. Krupnyk, O. Lazor, V. Latsheva, O. Lysiak, N. Mishyna, T. Nalyvaiko, O. Orlovs'kyi, S. Poltorakov, O. Sakhanenko, T. Yaremenko and others. However, today, there are not enough of comprehensive deployments, in which the value of public control of ensuring transparency in government would be considered. Also, little attention is paid to the value of international experience to provide transparency of government by citizens.

One of the most common tool of influence of civil society upon the state authorities is public control, it is one of the function of civil society, a manifestation of which is a public revision of government by citizens and their associations to meeting the objectives that the government proclaims and it is aimed at correcting of both its activities, and these goals. Mechanism of public control over the government activities is one of the forms to exercise the democracy, a tool for protection and maintenance of the rights and freedoms of a person, which is manifested in the activities of individuals, their collective formations within the political and legal system².

---

¹ The rate of world countries according to the level of democracy – information about research. *The Center of humanitarian technologies*. <<http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>>

² Крупник, А. С. (2007). Громадський контроль: сутність та механізми здійснення. *Теоретичні та прикладні питання державотворення, 1.*; Заворотченко, Т. М.

It must be admitted that Ukraine has not developed a stable democratic tradition of participation of all sectors and groups in matters of social development. Society and Government are parallel, and the independence of the last from the public opinion and position of the population is almost absolute. Huge resources of public organizations in the sphere of public interests protection should be treated with cautious attitude.

Implementation of democratic public control in Ukraine is rather problematic. The state is not actually ready for this, from the side of state still there is no slightest sign of recognition of mechanisms to take into account the interests of society at all levels. A full public control is an indispensable attribute of a true democratic society. In Ukraine such a society is forming, but the government is not really interested in its creation¹. According to the revisions carried out by public controllers, references, protocols or acts of violations were compiled. These results are mainly of a strong public response, they are published in the media and seriously affect the decision of the authorities². These conclusions are advisory in nature, however, they contribute to the openness and accessibility of the government, and provide a link between civil society and government. Often, such openness initiated by the public is not always readily perceived by state authorities, mechanisms to achieve it are ineffective and results are regularly ignored.

An establishment of the feedback from the authorities to the public, public dialogue and partnerships of authorities and civil society, improving the effectiveness of the public involvement in the development and implementation of public policy is a question of primary importance, but unfortunately, they can not be realized in Ukraine without an involvement of qualitative, effective practices created by advanced democratic countries.

An adoption of an institute of transparency is a continuing trend, institutions of transparency or institutions of openness were established in many liberal democratic countries. The founder of this tradition is Sweden, which has adopted in 1766 a law on press freedom. Later this example was inherited by Finland (the Law «On Openness of public documents», 1951), the USA (the Law «On Freedom of Information», 1966), Denmark (the Law «On Access to Administrative Documents»,

---

(2012). Загальна характеристика системи політичних прав і свобод людини і громадянина в Україні. *Часопис Київського університету права*, 3.

¹ Каспрук, В. В. *Постпомаранчеві виклики української дійсності*. <<http://viktorkaspruk.wordpress.com/2013/04/18>>

² Гуцаленко, Л. В., Дерій, В. А., Коцупатрий, М. М. (2009). *Державний фінансовий контроль*. Київ: Центр учбової літератури.

1970) Norway (the Law «On Transparency in administrative management,» 1970), France (the Law «On Access to administrative documents», 1978), the Netherlands (the Law «On Establishment of publicity of administration», 1978), Australia (the Law «On Freedom of information», 1982), Canada (the Law «On Access to Information», 1982), New Zealand (the Law «On Administrative information», 1982), Austria (the Law «On Disclosure of federal administrative agencies», 1987), Belgium (the Law «On Disclosure of administration», 1994), the Republic of Korea (the Law «On Disclosure of public bodies information», 1996), the UK (the Law «On Freedom of information», 2000), Japan (the Law «On Print media», 2001) and others¹.

The first country that started to establish the principle of transparency of government bodies, was Sweden. Nowadays, public consultations in Sweden are the basis for the quality of state policy and strengthening its legitimacy. The interaction of people with state authorities are implemented through on-line conferences, wherein such interactions are initiated as by the group of individuals or individual, or directly by the government. This experience of public control is still new and not very popular, but as experience shows, it is quite effective and democratic.

In France, Britain and Germany there is an information department in each ministry, ministers use the services of press secretaries for public relations.

Control of the government in the UK is carried out in accordance with the constitutional principle of responsible government. The essence of that doctrine is that the Minister is responsible for the activities of his ministry and should resign if there are shortcomings in the work of subordinate ministry. Parliamentary control is public, and it is combined with public control and an institute of political responsibility of the ruling party during the next elections. This is achieved there, in particular, thanks to the constant broadcasting of the House of Commons meetings. Citizens of the UK use such forms of public control which are sent to the House of Commons: oral requests; written requests (interpellations); resolution of reprimand; vote of no confidence; participation in the work of special parliamentary committees with control every individual ministry and all government in general; appeal to the Parliamentary Representative of Administration Affairs. For example, according to the rules of the House of Commons every daily meeting (except Friday) starts with «hours of questions.» Every year the government receives about 40

---

¹ Афонін, Е. А., Сушій, О. В. (2010). *Транспарентність влади в контексті європейської інтеграції України*: конспект лекції до короткотермінового семінару в системі підвищення кваліфікації кадрів. Київ: Вид-во НАДУ.

thousand oral requests. All these forms of control, firstly, allow the Government more deeply to analyze the existing problems and, secondly, to improve government activities. In the UK, as well as in Sweden, the task of getting by citizens all public services in «on-line» form is successfully solved. The system of taxes over the Internet is being developed, modern information portals for the public, the electronic «supermarkets» where politically active citizens are informed about the activities of the authorities are being created. The program «Electronic citizens, e-business, e-government. Strategic concept of public services in the information age» («E-citizen, e-business, e-government. A strategic framework for public service in the Information Age») is introduced and it is a government strategy that involves the use of all kinds of electronic information services via the Internet, mobile communications, digital television, service centers not only to provide information about the activities of the state authorities to citizens, but also to improve an effectiveness and efficiency of the state apparatus in general¹.

Federal Republic of Germany is a country with a developed democratic government structure and developed autonomous local government, this model of governance at the regional level is effective for over 200 years through the existence of a single administrative authority to which every citizen can address. It simplifies the communication of citizens with the government, because such requests are mandatory to be transferred. A citizen can get any information on administrative processes for all matters of regional management, having addressed to only one institution. In addition, the work of Parliament Bundestag is public. Over the years, it has never used its right for a closed session. Over a four-year term of the Bundestag power the number of visitors within its walls reaches on the average about 1 million of people (including people from other countries). Every year more than 20 thousand of citizens use their right to petition, which means that during the terms of the Bundestag power, every one in a thousand German citizen addresses to it, indicating an active political position of the citizens².

Polish active youth people in cooperation with the Fund of social communication and with Modern Didactic Vilnius Center has launched a new social project «Transparent Poland» to implement transparent

¹ Крайнік, П. І. (2011). *Система державного управління Сполученого Королівства Великобританії і Північної Ірландії: досвід для України*. Київ: Вид-во НАДУ.

² Ковбасюк, Ю. В., Загороднюк, С. В., Крайнік, П. І. (2010). *Система державного управління Федеративної Республіки Німеччина: довід для України*. Київ: Вид-во НАДУ.

government in 2008¹. Its general goal was to implement appropriate standards of public life and encourage an active citizenship, to adapt the best management practices in the regions, based on six fundamental principles: transparency, an atmosphere of intolerance to corruption («zero» tolerance of corruption), public participation, predictability, accountability and professionalism, four of them are directly related to issues of government transparency. During 6 years Poland has made considerable progress in the implementation of government transparency and reduce corruption in the country. The principle of accountability in this project takes into consideration the activities of public institutions and provides the community with comprehensive information about financial and organizational issues of their activities. This principle is enforced by requiring the publication for the public of the annual budget digest «Whence we have money and how they are spent.» Moreover, within the project «Transparent Poland» codes of ethics for public servants were created, they were developed separately within each local government area, and all their provisions were offered by local officials individually².

Among the Norwegian public so-called «discussion clubs» has recently received considerable spreading, they are places for development of new ideas and conceptual proposals of intellectual «brain» centers around which political, professional or academic communities in Norway (especially its capital) are combined, and where a number of important political issues are tabled for discussions. In view of the chamber nature of the Norwegian capital these discussion clubs («breakfasts» Civita, NUPI conference, etc.) create powerful targeted effects on public opinion and political decision-making. Such specialized intellectual clubs now have got the features of defining public lobby. Government of Norway are responsible for the needs of its users. It applies to politicians who need reasonable advices for decision-making from the public and businesses, who are seeking for high quality services tailored to their needs, as well as people whose needs are the rule of law, public order or other essential public services that must necessarily be taken into account. A prerequisite for activation of public political position and intensity of public control in Norway is stipulated by the fact that citizens receive higher education and become more educated about their rights, also active assistance is provided by the media, that watch that the state sector serves the needs of the general public, reports on its work on

---

¹ *Projekt «Młodzi w przejrzystej Polsce. Aktywny samorząd.* <http://www.ceo.org.pl/portal/b_mpp2008_o_projekcie_doc?docId=45721>

² Крет, О. (2011). Транспарентність влади: польський досвід. *Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї*, 22, 334-340.

time and true to fact and performs its duties as required by the law¹. The presence of social security often creates its own demand.

In Switzerland, referendum predominates among the other forms of public expressions, that reduced the popularity of social control in the country, although it arose from the people's desire to control representative bodies of the government, to restrict their extensive freedom in decision-making. If a position of a particular social group is neglected, or there is a threat to the government transparency, there is a danger that an issue will get to a wide public debate and in the future to a referendum. Under the influence of such control a competent system of government has formed, in which three parties, the government, parliament and citizens, interact with each other. Citizens undertake the authority to make major decisions of national importance, as they have the highest democratic legitimacy. The parliament is charged with making decisions of a lower level, and the government makes the current solutions. This idea of a hierarchical distribution of competence in accordance with the criterion of a material importance is reflected also in the rule-making procedure in the form of the constitution, laws and regulations². The need for public control disappears when the community itself makes decisions of national importance.

In Ireland and Luxembourg there is the system of three-sided forums for representatives of the government, business and trade union organizations³. Government agencies provide advisory units that extend information to the citizens and get it from people and public organizations. The composition of advisory units includes volunteers who clarify the interests of the community during such meetings.

A study, conducted by the sociological service of the Ukrainian Alexander Razumkov Center for Economic and Political Studies, gave the reasons for disappointing conclusions: Ukrainians believe that public control is still necessary, but it makes sense mainly when it's exercised by specialists. They estimate their influence upon the government critically, indicating the low efficiency of the existing forms and methods of public control.

¹ Ковбасюк, Ю. В., Загороднюк, С. В. (2011). *Система державного управління Королівства Норвегія: досвід для України*. Київ: Вид-во НАДУ.

² Ковбасюк, Ю. В., Загороднюк, С. В. (2011). *Система державного управління Швейцарської Конфедерації: досвід для України*. Київ: Вид-во НАДУ.

³ Іжа, М., Радченко, О. (2012). Громадський контроль в системі публічного управління як ефективний інструмент експертизи державно-управлінських рішень. *Публічне управління: теорія та практика*, 4 (12).

While looking for the ways to introduce foreign experience to provide transparency of government in Ukraine, it is useful to consider the *forms of securing of transparency and government openness*, which are crucial indicators of the democratic character of a political regime and the degree of their necessity and effectiveness. First of all, this is a *political communication* which consists of official documents such as laws, decrees, regulations in official publications and from the moment of their publication, *political information* which consists of programs, appeals, statements of political leaders, *articles* in the media and posters. Secondly, they are *public relations* which means the ensuring of mutual understanding and cooperation of authorities with the public in forms of the study of public opinion, forecasting of the social and political processes, harmonization of private, public and government interests. Thirdly, they are *public consultations* in forms of public hearings, roundtables for developing with regards to knowledge, experience and interests of citizens. Fourthly, they are *public boards* that mean advisory bodies for mutual coordination of administrative actions. Fifthly, this is *an addressing of citizens* that means public chambers for appeals of people together with solving the issues of particular individuals. Sixthly, this is *e-government* which means the introduction of dialogue and cooperation of the government with citizens through electronic media¹.

Ukraine has a practice of various forms of social control implementation, including public hearings as one of the components in quite an effective mechanism to monitor the quality of management services of local government bodies. Usually, the statutes of local communities within the competence of the public hearings include the following questions: reports of deputies and local government officials; discussions of the most important issues of local importance; consideration of local initiatives; discussions of drafts for legal acts of local self-government².

The Control of special non-profit public organizations is another, typical for Ukraine, form of social control, which indicates the futures of democratic transformations in the country. But in Ukraine, such organizations are usually separated from the public and are not accountable to it, the citizens are not aware of either purposes, or practical activity of such organizations. In addition, there is a competition between non-profit public organizations and widely-advertised commercial pseudo-public

---

¹ Ярошенко, В. М. (2012). Транспарентність та відкритість влади як механізми становлення інституту демократичної громадянськості. *Наукові праці. Політологія*, 170, 182.

² Крайнік, П. І. (2011). *Система державного управління Сполученого Королівства Великобританії і Північної Ірландії: досвід для України*. Київ: Вид-во НАДУ.

organizations which exercise public control «on request» and the results can be hardly called true.

Different types of public meetings are oriented to public control in Ukraine, such as meetings, rallies, demonstrations, picketing, which are used as means of support, or as means of pressure to the government and local authorities, in order to force them to take certain decisions¹. This form of social control, in practice, is quite effective, but it often provides significant economical losses for the state and personal non-property losses for citizens.

An analysis of an experience of authority openness implementation, by applying public control in foreign countries, is worth noting that this experience will be relevant and meaningful in Ukraine. Although there is a number of global issues of this practice applying in frames of national realities of the state creating, certain provisions to overcome them can be highlighted:

1. The main reason for the ineffectiveness of public control in Ukraine is the validity of the results, notably its absence. The results of public examinations can at best create a stir in the media and public condemnation. Often, the procedure for some forms of such control is not reflected in the legislation. There is an urgent need to reform legislation in the sphere of public control: firstly, there is a need to create an institute of public control in the basic law; secondly, there is a need to pass the Law of Ukraine «On public control», which would be provided by the basic principles of public control implementation and the content of the state policy to protect people's rights to exercise public control over the activities of government bodies, local authorities, enterprises, institutions and organizations, officials and business entities; thirdly, to adopt the local referendum law that will provide an opportunity for local referendums and general obligation to carry out decisions of local referendums made by the jurisdiction of territorial communities; fourthly, to provide grounds for prosecution for obstruction of public control, including criminal.

2. Public control begins with the will of a citizen. No one can talk about government openness, if citizens do not demand such openness. Therefore, the first and major step in addressing the issue of transparency of Ukrainian government is to promote public political consciousness. To do this there is a need: to restore such a function of parties as an expression of the interests of citizens; to stimulate the creation and establishment of reputable public organizations, giving them broad powers to

¹ Іжа, М., Радченко, О. (2012). Громадський контроль в системі публічного управління як ефективний інструмент експертизи державно-управлінських рішень. *Публічне управління: теорія та практика*, 4 (12).

influence and control the activities of the authorities; to establish a political responsibility and to provide mechanisms for rapid removal from power based on allegations of politicians in non-compliance with their election programs or formal commitments¹. Participation of people in government life is a main prerequisite for the existence of democracy, hence the implementation of these measures should be initiated by citizens themselves.

3. Similar to Poland project «Transparent Ukraine» launched in Ukraine, unfortunately, is only at the doctrinal level, and is enough far away from practice, though it sets a real possibility not only for direct participation of citizens in local government, but also for effective control by public the activities of any government agencies. The program operates with the support of the Polish side. The project is jointly carried out by two partners: Foundation of Local Democracy Development in Poland (FRDL) and the Pilip Orlik Institute of Democracy in Ukraine. A series of meetings, seminars and training in Poland and so on are planned, everything in order to teach the parties (government and community) to conduct an effective dialogue. At present, the state sufficient activity is not observed. Implementation of the Polish-Ukrainian project is almost complete, but it is tested only within some administrative-territorial unit. It is necessary to intensify assistance from the state to Pilip Orlik Institute of Democracy for the implementation of the project.

4. Popular foreign form of social control that can operate effectively at the territory of Ukraine is an on-line conferences. On-line conference for public with representatives of the government, where the latter will be able to report on their activities. The very practice of direct exchange of information, views and advices is needed not only for the planning of the optimal course for authority actions in certain areas, but also for the smooth obtaining of information by the citizens on issues that are interesting for them. In consideration of the fact that not all government bodies and local authorities have their own official pages and hardware for online conferences, their conduct may be inappropriate, or impossible.

5. Non-governmental organizations constitute the most important component of participation in an open, democratic society by bringing a large number of people. The fact that many of these individuals are also voters, underscores an additional connection with representative democracy. To strengthen public control, quantitative and qualitative growth of non-governmental, non-profit public organizations are needed.

---

¹ Джеріх, А. С., Давиденко, Е. М. *Політична проблема пасивності громадян в умовах демократії*. <http://www.rusnauka.com/13_EISN_2009/Politologia/45263.doc.htm>

Enhancing of their competence and resource capacity, improving communications, searching and using new technologies, improving joint actions of citizens can ensure the reliability of the information received, qualitative conclusions of the control results and finally fair and transparent activities of public authorities.

6. Development of functioning in Ukraine an electronic government (E-Government) that is a system of providing information services to citizens by the authorities. Extensive computerization of the entire set of internal and external relationships and processes using appropriate information and communication technologies will improve the efficiency, effectiveness and transparency of government activities and means of public control. Technologies of e-government are aimed at improving internal, interdepartmental and intergovernmental operations, providing online services and improving communications between citizens and authorities. E-government is a projection of the current system to a virtual space, a tool that enhances an actual characteristics and principles of the state system, so there is a need to develop its popularity and control truthfulness of the information¹. The extent of its use shows the democratic aspirations of the state, and Ukraine in the ranking system of E-Government users is at the sixty-eighth position, what causes an appropriate conclusions.

7. Media plays an important role in ensuring of public control. However, now it doesn't perform this role effectively enough. In many regions a lot of the media are focused on maintaining the current government's interests. Central media though it is more free, but still does not become a decent public government controller². At present, the main objective for media is to obtain financial independence, public support and to create real of guarantees for safe journalism.

8. In order to improve the results of public control, it is important to collaborate with non-governmental organizations, research institutions, and especially university centers, where people can get qualitative advice on techniques, methods, tools, and the feasibility of its implementation.

---

¹ Афонін, Е. А., Сушій, О. В. (2010). *Транспарентність влади в контексті європейської інтеграції України*: конспект лекції до короткотермінового семінару в системі підвищення кваліфікації кадрів. Київ: Вид-во НАДУ.

² Крупник, А С. (2007). *Громадський контроль: сутність та механізми здійснення. Теоретичні та прикладні питання державотворення, 1.*

Nataliia Baliuk

INTERREGIONAL STRATEGY OF THE EUROPEAN UNION TOWARDS LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN REGION

The article examines EU strategy towards Latin America and the Caribbean through main documents issued by the European Union (mainly, the European Commission) on its cooperation with this region since early 1990s. Cooperation with both LAC states and organizations is investigated, as well as main spheres defined as priority of EU-LAC interregional cooperation, which gives reader a clear understanding of development and future of such cooperation.

For a long time, Latin America has been the object of much interest to the European Community. Close connections with past colonies remained and deepened by the end of XX century. With the wave of democratization of political regimes that engulfed the end of last century, most countries in Latin America and the Caribbean (LAC) contributed to the homogeneity of the region and influenced the external relations of states by unifying their approaches to key international problems. Also, Latin America became more influential on the world stage due to the following factors: political (stable development of democratic institutions, lack of long-term conflict), economic (territories rich with resources, dynamic development of national economy, including innovative industries, wide intraregional and interregional cooperation), and diplomatic (active collective activities at numerous international venues, where Latin American states speak in one voice).

The close nature of the interaction between the EU and LAC for the last two decades can be explained by several reasons. First, the EU and LAC agree in position with a number of key international problems, namely in favor of a multipolar world order, primacy of international law and reduction of the power factor, development of democracy, respect for human rights and freedoms, and attention to environmental issues. Second, both regions benefit economically from such interregional cooperation. Thus, the EU is the largest investor to economies of Latin America and the Caribbean, and the second (after the USA) trading partner. Thirdly, an important factor of EU-LAC interaction is a historical and cultural affinity of the regions, which regularly claim representatives of both parties. Shared values of European and Latin

American civilizations, linguistic and religious factors determine success of interregional dialogue.

EU cooperation with Latin America and the Caribbean is conducted in the framework of European cooperation policy, objectives and implementation mechanisms of which are determined in the Treaty on the EU¹(Maastricht Treaty) of 1992.

According to Article 177 of the Treaty on the establishment of the EU, it is provided that Community policy on development cooperation should contribute to sustainable economic and social development of developing countries (and particularly those countries that are the most disadvantaged), progressive and gradual integration of developing countries into the world economy and the fight against poverty in developing countries. Such policy also helps to realize the overall objective for the development of democracy and democratic consolidation, and the rule of law, including respect for human rights and fundamental rights and freedoms.

Article 181A of the above-mentioned Treaty defines that the Community provides economic, financial and technical cooperation to the «third» countries, which complements bilateral cooperation between EU member states and these countries and shall meet the requirements of the overall Community policy. Community policy should make contribution to the overall goal of democracy and democratic consolidation, the rule of law and respect for human rights and fundamental freedoms

It should be noted that the European Union until the mid-1990s did not have any documents that would have determined EU strategy in the LAC region. But after the first documents on cooperation with Latin America appear, the region is starting to be one of priorities for European Union.

The approach of the European Union towards the Latin American subcontinent was first outlined in *Europe and Latin America: A partnership for action. Basic document on the relations of the European Union with Latin America and the Caribbean*² approved by the European Council on October 31, 1994 at the initiative of Germany, which at that time was presiding. In this document, the European Union has offered cooperation to the region in support of peace and achieving universal respect for human rights, sustainable economic exchanges, sustainable development

¹ The Maastricht Treaty (adopted 7 February 1992, entered into force 1 November 1993). <<http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>> (2014, August 10)

² European Commission (1994). *Europe and Latin America: A partnership for action. Basic document on the relations of the European Union with Latin America and the Caribbean*. <<http://aei.pitt.edu/41670/1/A5819.pdf>> (2014, August 10)

and the fight against poverty and pollution, and strengthen scientific and cultural relations.

The basic document noted that the European Union and Latin America have common historical past and cultural ties; the two regions share common values and ideals of freedom. The EU expressed its readiness to provide expert support to LAC countries to modernize institutions, integrate its economy and promote social justice. Respect for human rights and the participation of citizens in political life and economic development of their countries is important both nationally and internationally. The document paid particular attention to the development of cooperation between the European Union and the Rio Group, MERCOSUR and the Central American Integration System. Economic partnership between the named organizations had to be supplemented by political cooperation. The European Union continued to work with the Caribbean under the Lome Convention, and expected to expand cooperation to the Association of Caribbean States (founded in 1994).

The document *Europe and Latin America: A partnership for action*. Basic document on the relations of the European Union with Latin America and the Caribbean reflected interest of the European Union to simultaneously develop and deepen dialogue with regional and sub-regional organizations and separate state.

The interest of the EU to the region can be traced in subsequent meetings of the European Council. In December 1995 the Madrid meeting of the European Council approved priorities of the relations between the European Union and Latin America, as set out in the document *The European Union and Latin America: current situation and prospects for closer partnership 1996-2000*¹. Inter alia, the following three priority areas for further cooperation were defined: 1) institutional support and consolidation efforts around promoting the democratic process (rule of law, decentralization and reforms, development of rural areas); 2) reduce poverty and social inequality (individual assistance programs in the sphere of health and education); 3) support for economic reforms (cooperation in the sphere of science and technology, lending programs by the European Investment Bank).

The European Union is one of the largest donors to the Caribbean region. Financial assistance in the framework of the European Development Bank for 1995-2000 included funding within national

---

¹ European Commission (1995). *The European Union and Latin America: the present situation and prospects for closer partnership 1996-2000*. COM (95) 495 final, 23 October 1995. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/2827>> (2014, August 10)

indicative programs with total around €511 millions and Regional Indicative Programme for the amount of €90 millions. Assistance from the European Union was mainly focused on the development of transport and communications infrastructure, trade, tourism, agriculture and rural development and human resources development and the environment, promotion of economic and social development in the Caribbean, the fight against drugs trafficking, reform and modernization of the state and regional integration.

In 1996, the European Commission published the document *The European Union and Latin America. Towards a strengthening of the partnership 1996 – 2000*¹, which sets out the EU strategy towards LAC for the upcoming years. The document defines that the EU is the main donor for regional development in Latin America (62% of assistance). EU states its support for regional integration in Latin America and the Caribbean (namely, support for MERCOSUR, the Andean Community of Nations and the Central American Initiative) and humanitarian aid to Central America. For the first time, the document mentions the involvement of civil organizations to interregional cooperation based on such programs as AI-Invest, Alfano, ALURE etc.

Particular attention is paid to the cooperation of the European Union with Mexico and Chile. The EU signed agreements on economic and political cooperation with these two states and started dialogue on the Association Agreement. Among Caribbean countries, the EU focuses on cooperation with Cuba to support economic reforms in the country.

In its Communication of the European Council to the European Parliament and Economic and Social Committee in March 1999, entitled *On a new European Union – Latin American partnership on the eve of the 21st century*², European Commission proposed to discuss guidelines for future relations between the EU and Latin America. Term «strategic partnership» is used for the first time in documents to describe cooperation between the European Union and Latin America and the Caribbean. Partners expect from each other not only close bilateral cooperation within «organization-organization» and «organization-state» models, but also cooperation within international forums and multilateral organizations in

¹ European Commission (1996). *The European Union and Latin America. Towards a strengthening of the partnership 1996 – 2000*. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/41669>> (2014, August 10)

² European Commission (1999). *Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the Economic and Social Committee on a new European Union-Latin American partnership on the eve of the 21st century*. COM (99) 105. <http://aei.pitt.edu/id/eprint/38376> (2014, August 10)

those matters where their interests coincide (for example, reform of the UN system, non-proliferation of nuclear weapons, human rights).

It was determined that inter-regional dialogue should take place at three levels: EU – LAC, EU – some regional organizations and civil society cooperation. Thus, 1999 becomes the year of initiation of the practice of EU-LAC summits. This greatly increased the dialogue between the European Union, Latin America and the Caribbean and was intended to bring a new dimension of external relations of the European Union.

At the same time, documents of the European Union begin to indicate the need for increased cooperation between regional blocs. In the strategic document *The European Union – Latin America – Caribbean: Advancing Together*¹, which was approved in 1999 by the EU Commission, the EU determined that further political partnership must be based on dialogue between integration groupings of both regions. Cooperation with Central American Initiative MEKROSUR, Andean Community of Nation, the Rio Group and CARICOM is determined as priority. Previous areas of cooperation were expanded to cooperation in combating the proliferation of drugs.

In addition, deployment cooperation mechanisms means for the EU to strengthen its international image associated with a commitment to sustainable development through the promotion of democracy and social cohesion in other countries and, therefore, the EU has positioned itself as a major actor of international relations. In turn, LAC countries tend to get the most out of the financial resources to support their development.

Cotonou Agreement², which was signed in June 2000, regulates the relations between the EU and the countries in Africa and the Caribbean and Pacific (ACP). The agreement is designed for 20 years and was an innovative framework agreement for partnership between the EU and the ACP group, which includes the countries of the Caribbean. The agreement aims to solve the following issues: reducing poverty, conflict and war, environmental threats and risks of economic and technological marginalization. This Agreement combines three components of the complex inter-regional EU strategy: the political dimension, trade and development issues and partnership. Assistance from the EU is

---

¹ European Union (1999). *European Union – Latin America – Caribbean – Advancing together* <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/41673>> (2014, August 10)

² The Cotonou Agreement (signed 23 June 2000, entered into force 1 January 2003). <http://ec.europa.eu/europeaid/where/acp/overview/documents/devco-cotonou-consol-europe-aid-2012_en.pdf> (2014, August 10)

conditioned by certain political demands for partner countries (to comply with peace, respect for human rights, good governance and so on).

The European Parliament in its resolution as of November 15, 2001 called for a global approach to the EU – LAC partnership and subsequent events of different nature put this approach into practice. According to the model proposed by the European Parliament, inter-regional strategic partnership should have eventually led to a genuine political partnership and partnership in security sphere, the creation of the Euro-Latin American free trade area by 2010 (or if not successful, to promote the creation of free trade area as soon as possible), and deep partnership in the social sphere and in the sphere of knowledge sharing and joint action on sustainable development.

Firstly, the idea is to start political cooperation and partnership in security sphere, to pave the way for bilateral regional peace and security, based on the following general fundamental principles of respect for human rights, rule of law and democratic values and mutual security. This requires, above all, a new regional political order that would promote real political dialogue on topical themes (social cohesion and support in governance, poverty reduction, migration, the fight against terrorism and drug trafficking).

Euro-Latin American Charter for Peace and Security¹ (discussion about this the parties began in the late 1990s; the Charter was signed in 2008) can be considered as one of the sources of peace in the world. The Charter allows partners to discuss issues of cooperation in the field of defense, including the adoption of a common code of conduct, confidence-building measures, and systematic cooperation in humanitarian operations, whether rescue missions or peacekeeping or peace enforcement mission under the UN mandate. In addition, the charter should foster joint efforts together with bi-regional center for conflict prevention, which should be established in Latin America. Finally, document states that it is important to review and strengthen institutional mechanisms for partnership.

Secondly, EU-LAC partnership should develop in the social sphere and in the sphere of knowledge and joint action to promote sustainable development, which requires not only a significant increase in resources, but creating a new model of cooperation in the field of development, to resolve differences, strengthen public policy and private initiative. EU gives priority to cooperation in the field of technology, higher education and innovation, as well as calls for Latin American countries to lay the

¹ European Commission (2008). Towards a Euro-Latin American Charter for Peace and Security. Foreign Affairs. <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2008/406980/EXPO-AFET_NT\(2008\)406980_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2008/406980/EXPO-AFET_NT(2008)406980_EN.pdf)> (2014, August 10)

foundations for Euro-Latin American knowledge society to help form the basis of an open, competitive economy.

2002 was crucial for the development of EU-LAC relations within «organization – organization» model. EU issues three new documents on cooperation with organizations in Latin America at one time – Regional Strategy: Andean Community of Nations, 2002-2006¹, Mercosur – European Community Regional Strategy Paper 2002-2006² and Regional Strategy Paper for Central America for 2002 – 2006³. Thus, the documents are similar in structure and contain the priorities of future cooperation.

2005 was marked by the dissemination of special European Commission Communication titled A stronger partnership between the European Union and Latin America⁴, which presented a new strategy for development of cooperation with Latin America. The Commission set itself the goal to intensify political dialogue between the two regions in order to strengthen their impact on solving global problems such as climate change, forest conservation, biotechnology, fight against drug trafficking and corruption.

The Commission proposes the Council and the European Parliament a new strategy aimed at strengthening inter-regional cooperation with Latin America and the Caribbean, based on six objectives:

a) create an expanded strategic partnership through a network of association agreements and free trade agreements with the participation of all countries in the region;

b) strengthen political dialogue, which increases the impact of both regions internationally (within multilateralism initiatives);

c) promote social cohesion and sustainable development in Latin America. (Commission proposed to develop inter-regional dialogue forum through social cohesion and the meeting of ministers of the environment every two years to prepare for the summits)

d) promote stable and predictable conditions for interregional cooperation to assist LAC countries in attracting European investments, including loans from the European Investment Bank to provide funds in Latin America to support interconnection of infrastructure networks.

---

¹ European Commission (2001) Regional strategy: Andean Community of Nations, 2002–2006. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38359>> (2014, August 10)

² European Commission (2002). Mercosur – European Community Regional Strategy Paper 2002–2006. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38361>> (2014, August 10)

³ European Commission (2002) Regional strategy paper for Central America 2002-2006. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38380>> (2014, August 10)

⁴ European Commission (2005). A stronger partnership between the European Union and Latin America. COM (2005) 636. <http://eeas.europa.eu/la/docs/com05_636_en.pdf> (2014, August 10)

f) provide support to LAC countries in the fight against corruption, drug trafficking and other forms of crime (this was intended to improve regional and international security)

e) increase understanding through education and culture.

The document defined necessity of closer cooperation in multilateral diplomacy – within the United Nations (e.g., when discussing the Kyoto Protocol), the International Criminal Court (concerning the abolition of the death penalty). All these issues have been considered as key issues for global governance based on mutual partnership. But in our opinion due to the large number of LAC states and organizations this is rather difficult to implement.

In 2006, the world greets a number of documents on cooperation between the two regions. Report of the European Parliament to improve cooperation between the EU and Latin America, EU-Caribbean Partnership for growth, stability and development¹ appear.

The main objective of the renewed EU strategy is to help all the countries of the Caribbean region to achieve their long-term development goals and join the group of developed countries in 2020, when the Cotonou Agreement (EU-ACP) ends its force. The EU supports the creation of regional organizations in the Caribbean (such as CARICOM). The second objective is to develop links between the Caribbean and the region as a whole. In order to facilitate the integration of the region into the world economy, the EU has focused on LAC strategic partnership (rather than co-operation with sub-region of Latin America and sub-region of the Caribbean separately).

The document Latin America Regional Programming Document 2007-2013², adopted by the European Commission on July 12, 2007, outlines goals and priorities for cooperation with Latin America in this period. LAC region according to the document include: Mexico, Central America (Costa Rica, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua, Panama), Andean Community (Colombia, Ecuador, Bolivia, Peru), Chile and MERCOSUR (Argentina, Brazil, Uruguay, Paraguay, Venezuela). The aim of this strategy is to strengthen the strategic relationship between the two regions in the political, economic and social spheres.

¹ European Commission (2006). Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the Economic and Social Committee – EU – Caribbean partnership for growth, stability and development. COM (2006) 86. <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0086:FIN:EN:HTML>> (2014, August 10)

² European Commission (2007). Latin America regional programming document 2007–2013. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38373>> (2014, August 10)

As stated in the document, improving social cohesion is an important element of fight against poverty and inequality. Huge disparities in regional distribution of wealth and income are sources of isolation and political instability. Job creation should be encouraged as an effective means for combating unemployment. Finally, the EU argues about the need to strengthen democracy and human rights, including rights of women, minorities and indigenous peoples, encouraging civil society, as these groups should play a greater role in the political life of countries and regions.

According to Latin America Regional Programming Document 2007-2013 stimulation of economic relations is a problem that can be solved by attracting investment, increasing competitiveness and implementing innovation in infrastructure, research, technological development, education, training, environmental protection and rational use of natural resources. The revival of trade and investment between the two regions is the key element to maintaining growth and job creation and poverty alleviation.

Regional strategy suggests that the promotion of regional cooperation is vital to solve problems and support sustainable development. Cooperation shall take place in the political, economic and commercial spheres and must take into account social and environmental issues (climate change, water, biodiversity protection and forest cover). EU and Latin America understand great importance of interregional cooperation and should work together for the dissemination of transparent and fair rules in the field of global governance, seek to combat climate change and cooperate in the field of human rights.

In general, the regional program has identified priority areas of regional cooperation in 2007-2013 and how they are to be implemented. The first priority was focusing on social cohesion (i.e. reducing poverty, inequality and social exclusion). This priority was implemented through the promotion of public policies in the social sector and industry, increased government social spending and public investment, improvement of tax policy and income redistribution through Eurosocial program (EU program of technical cooperation for the development of social cohesion), stimulate dialogue, exchange of good practices, joint monitoring and strengthening the fight against drugs.

The other major EU strategy for the LAC region is to provide support to regional dialogue and integration processes. The third priority is investing in people and strengthening mutual understanding. In this area, cooperation was aimed at improving higher education in the region and strengthening its competitiveness (mainly through training.)

The total budget of the program (2007-2013) amounted to 556 million euros, of which 35% was divided into projects on social cohesion, from 25% to 40% in support of regional integration and solution of regional problems.

In 2007, the focus of the international community was centered at the document of the European Union on a strategic alliance with Chile 2007-2013. The document outlined three vectors of cooperation – social policy, higher education and innovation technologies. Chile was the first country in the region to sign a horizontal agreement with the EU on various aspects of air services.

In 2007-2008, the European Union actively collaborated with MERCOSUR. For example, in August 2007, a new Mercosur Strategy Paper 2007-2013¹ appeared. On contrary to the previous cooperation strategies where cooperation with MERCOSUR was conducted on the basis of a large number of projects that meet the needs of stakeholders, the cooperation of 2007-2013 had a strategic vision in its basis. Cooperation Action Plan was adopted and it included the completion of the MERCOSUR Common Market as one of the priorities. In December 2008, a meeting of trade ministers of the EU and Mercosur adopted «roadmap» of partnership for three years. The document contained a plan of joint measures in the field of international security, social cooperation, science and technology, cultural exchange.

In October 2009 the European Commission issued a communiqué to the European Parliament and of the Council. The document entitled The European Union and Latin America: Global Players in Partnership² notes the success of the obligations between the parties and foresees deepening of interregional cooperation between the EU, Latin America and the Caribbean.

In addition, in 2011 there was an intermediate evaluation of Latin America Regional Programming Document 2007-2013³. In general, parties of inter-regional dialogue between the EU and LAC positively evaluate the implementation of the Latin America Regional Programming Document 2007-2013 and programs that this strategy provided. Thus, joint summits are a manifestation of enhanced coordination of positions

¹ European Commission (2007). Mercosur strategy paper 2007–2013. E/2007/1640. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38362>> (2014, August 10)

² European Commission (2009). The European Union and Latin America: Global Players in Partnership. COM (2009) 495/3. <http://eeas.europa.eu/la/docs/com09_495_en.pdf> (2014, August 10)

³ European Commission (2011). Mid term review and regional indicative programme 2011–2013 for Latin America. <<http://aei.pitt.edu/id/eprint/38375>> (2014, August 10)

on key issues and promoted sectoral dialogue. The parties confirmed that despite the economic downturn after the economic crisis of 2008-2009, the overall socio-economic and political situation in the LAC region has improved in recent years. It is expected that environmental issues and climate change will be on the agenda of inter-regional meetings in the future. The parties agreed to enhance cooperation within the Ibero-American Community of Nations and at various levels of interaction.

It is worth to conclude, that the EU has a clear inter-regional strategy for the region of Latin America and the Caribbean as a whole, and for individual organizations and nations of Latin American continent. According to the strategy, the European Union acts on the international scene, using an arsenal of existing mechanisms for regional cooperation.

Olena Kviatkovska

THE ROLE OF DEVELOPMENT ASSISTANCE IN THE U.S. NATIONAL SECURITY STRATEGIES 2002-2010

The article investigates the evolution of development assistance security goals from being an element of foreign policy to being an integral part along with diplomacy and defense in three U. S. National Security Strategies of the early XXI century. There are defined the main donor imperatives of development assistance and its major tasks to create a safer world. The institutional changes for making development assistance more efficient are analyzed. The author discovers security mechanisms for implementing development assistance, based on the values of democracy and human rights. The needs to intensify international partnerships, its hierarchical categories and the U. S. role in this process.

Statement of the problem. In the twenty-first century security threats have transboundary nature, which makes it impossible to solve them by one country or a group of countries. The century's international order requires effective global cooperation. The USA being a leading actor of international relations, define and implement state relevant activities to overcome and prevent the threats to international security, which directly threaten the national security of the United States. Since the key to U. S. national security are prosperous, free and secure partner countries that are able to form a system of international security, the U. S. provides a comprehensive foreign assistance to developing countries. Foreign assistance is regarded the same as U. S. development assistance in the article. The security interests of the United States made the development assistance a public policy's forwarder, setting it integral role in the U. S. National Security Strategy. This doctrine is a fundamental and consistent document that describes the basic principles of the legislative and executive branches. Thus, it is necessary to examine the evolution of the security goals of foreign assistance in the National Security Strategy of the United States.

Analysis of recent researches and publications. Various aspects of interconnection between U. S. development assistance and international security in their researches analyzed the following foreign scientists: A. McGrew, C. Tarnoff, J. Essex, B. Cracknell and domestic: L. Kapitza, V. Vybornov, E. Degterev, A. Romanovych. Scientists reveal characteristic goals, directions and principles of foreign assistance, including the security goals.

Unsolved aspects of the problem. While showing up development assistance's security, scholars don't focus on its evolution process in the XXI century, the time when development assistance has become an integral part of the U. S. National Security Strategy together with diplomacy and defense.

The article goals are to identify the motivational component of foreign assistance the National Security Strategy of the United States 2002-2010, to investigate the impact of development assistance to the security policy of the United States, compare the main foreign assistance objectives and instruments in the National Security Strategy of the United States 2002-2010.

The main body of the research. In the early XXI century terrorist attacks of September 11, 2001 became imperative to strengthen international security system, and intensifying U. S. development assistance as a part of this system. The National Security Strategy 2002 states that to maintain peace, the U. S. will fight terrorism and tyranny, supporting free open to the dialogue societies on every continent to create democratic countries, free markets, trade and development around the world¹. Since the events of September 11 have shown that weak states, like Afghanistan, can generate a large threat to the national interests of powerful states. Poverty, as a state of society, does not create terrorism and murders within the poor, but it weakens the public and state institutions absorbed by corruption that makes them vulnerable to terrorist networks or drug trafficking within the country. To create a safer world and poverty reduction, the United States created an extra institution of development assistance Millennium Challenge Corporation. The newly created agency should allocate more funds for countries that have shown real policy changes. This way, the United States declares the evaluation necessary donor's assistance.

The Strategy 2002 devotes a separate issue to the development assistance: «Expanding the circle of development by opening societies and building a democratic infrastructure» which aims doubling the size poorest economies within a decade using the following methods. First, it will provide assistance to countries implementing reforms as well it is proposed to increase by 50% development assistance through the UN, continuing the previous program of humanitarian assistance and other projects for countries with just government that invests in the well-being of its citizens. The next step should be to consider the need for the creation

---

¹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. *U.S. Department of State*. <<http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>> (2014, January, 12)

of free markets and trade for economic progress as well as reduce the threat of disease. More resources should be devoted to training and education, which are fundamental to democracy and development. The document identifies the need for the presence of American military abroad as a symbol of its commitments to allies and friendly countries¹. The main function of the U. S. Armed Forces is to ensure peace and security. One of the primary tools for fighting against terrorism and other threats from hostile states is also the intelligence. It should be emphasized that the 2002 document significantly emphasizes the role of diplomacy in the creation of the negotiation process, addressing issues of civil wars and other humanitarian disasters, rather than development assistance, the significance of which will evolve in the next U. S. National Security Strategies up to the level of diplomacy and defense. Although, U.S. diplomatic institutions must adapt in order to achieve understanding of others and develop a comprehensive approach to inform the world community to help people around the world to better understand America. In this way, government intends to gain international support, manage and take responsibility over security in the strategic regions.

«Fighting the enemies abroad, instead of waiting for them at home» declared the tenor of development assistance in the National Security Strategy 2006². While being at the state of war, the United States recognize that development enhances diplomacy and defense, reducing long-term threats to U. S. national security, building a stable, prosperous and peaceful society. In particular, C. Tarnoff in his research determines that «national security has been the predominant theme of U. S. assistance programs»³. The motivation of Strategy 2006 shows that the need to help the poor people derives from the American national interests and moral values to integrate the world and the least developed countries into the global economic, social and political community. National Security Strategy 2006 is based on two main approaches. The first of which is humanitarian, promoting freedom, justice, human dignity and the implementation of effective democracy. As peace and international stability is most reliably to build on the principles of freedom. The second

¹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. *U.S. Department of State*. <<http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>> (2014, January, 12)

² The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. *Commonwealth Institute*. <<http://www.comw.org/qdr/fulltext/nss2006.pdf>> (2014, January, 10)

³ Tarnoff, C., Lawson, M. *Foreign Aid: An Introduction to U.S. Programs and Policy. Federation of American Scientists*. <<http://www.fas.org/sgp/crs/row/R40213.pdf>> (2014, January, 15)

approach originates from the principals of the first and supports the fight against contemporary challenges by guiding the growing number of democratic community. Shared democratic values are the engine of development assistance.

Compared to the previous document, which mentioned objectives and areas for development assistance, the new strategy is not only declarative, but has the results' component and demonstrates achievements in 2002-2006. The recipient governments were given the opportunity to implement reforms and development programs, which were funded through the Millennium Challenge Corporation, which provided \$ 1.5 billion to eight countries. The most powerful for that period were the achievements in the fight against infectious diseases for which were spent \$ 15 billion within five years. 2 million infected people and 10 million orphans with AIDS diagnosis in Africa have got the treatment along with reduction of malaria mortality by 50% in 15 countries reduced. Together with Great Britain, the United States initiated 100% debt relief for the countries with high debt bargain on a multilateral level. To improve the management of U. S. foreign assistance, the document raises the following objectives: challenges' diversification and assuming appropriate tools for each stage of development; unchanged from the previous Strategy remains the position of the state to support intensively countries with efficient governments implementing reforms to attract private sector and civil society in addressing development challenges and creating trade opportunities for the involvement of the poorest countries in global trade relations. Instead, the new approach used in Strategy 2006 is the promotion of transition from economic dependence to complete self-sufficiency of the recipient. The new Strategy 2006 proposed to establish transformational diplomacy, which represents the cooperation with many international partners to build and maintain democratic, well-regulated states responsible to treat their citizens and become a reliable actor in the international cooperation¹. Thus, more power is transmitted to the recipients. The U. S. would pursue a kind of coordination policy, creating various foreign policy initiatives for governments to carry out reforms independently that will not impact permanent donor dependence. After the proclamation establishing the Millennium Challenge Corporation in prior doctrine, Strategy 2006 continues a series of institutional support for greater development assistance effectiveness establishing a new post at the State Department – Director of Foreign Assistance.

---

¹ The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. *Commonwealth Institute*. <<http://www.comw.org/qdr/fulltext/nss2006.pdf>> (2014, January, 10)

This position manages external assistance of the State Department and USAID. Unification is aimed to improve coordination of the activities between agencies, increasing the effectiveness of development programs for recipients and demonstrate the effective use of the U. S. tax payers' money. Director takes authority for development a foreign assistance strategy, coordination and direction of the relevant government entities to implement this strategy. However, during 2006-2010, the United States being the world's largest donor by aid allocations, have not established a single state development strategy, although the need for the formulation of Global strategy of the United States, which must be approved by the president every four years, was described during the Obama Administration in the statement from the White House in September 22, 2010¹. In 2009, the American Institute «Center for American Progress» has developed a National Strategy for Global Development as policy guidance to develop write the U. S. Development Strategy, which will be a logical continuation of the National Security Strategy, in the way of National Military Strategy is. This analytical paper focuses on how development assistance will be used in the implementation of the objectives of U. S. foreign policy². However, the United States continues using a number of program strategies and the main principals and approaches to the development assistance are included in the National Security Strategy as a fundamental document that brings together all the political direction of the state.

In the National Security Strategy of the United States 2010, President Barack Obama stressed that development assistance is the major strategic, economic and moral challenge of the Administration. That focuses on helping developing countries to address security threats, settle economic cooperation and establish democratic institutions that meet basic human needs. As noted by J. Essex that a combination of development, diplomacy and defense becomes the traditional approach in dealing with the challenges of globalization, national security and the progress of development³.

¹ Fact Sheet: U.S. Global Development Policy. September 22, 2010. *The White House*. <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/09/22/fact-sheet-us-global-development-policy>> (2014, February, 7)

² Brigety, R., Dewan, S. A National Strategy for Global Development. *Center for American Progress*. <http://www.americanprogress.org/wp-content/uploads/issues/2009/05/pdf/brigety_dewan_security.pdf> (2014, January, 12)

³ Essex, J. (2013). *Development, Security, and Aid: Geopolitics and Geoeconomics at the U.S. Agency for International Development*. Athens: University of Georgia Press, 12.

The security mechanism of the development assistance includes the concept of a long term strengthening regional partners, which makes it possible to carry out the mission of the U. S. to address global challenges. The introduction refers to the privilege of American people to lead global processes, as «... no nation should be better positioned to lead in an era of globalization than America – the Nation that helped bring globalization about, whose institutions are designed to prepare individuals to succeed in a competitive world, and whose people trace their roots to every country on the face of the Earth»¹. Therefore, multiculturalism of the American people created a platform of moral imperative and functional understanding of the implementation of foreign assistance, which indicates the ability of the U. S. to guarantee global security through cooperation with international partners and institutions. The Strategy states that the Armed Forces will always remain the cornerstone of security the same as emphasized in the Strategy 2002, however, their activities should be expanded by the work of diplomats, law enforcement bodies, intelligence agencies and the work of experts in the field of development.

The document reveals a hierarchical link of international cooperation, in which the base is considered to strengthen ties with its permanent allies in Europe, North America and Asia, contributing to collective security. The next category of countries important for cooperation in the framework of the National Security Strategy, are the centers of influence in the XXI century, like Asia, Russia and new centers of influence that arise. The last category includes the Middle East, within the support of strong partnerships with Israel, Jordan, Egypt and Saudi Arabia and the development of security partnerships with those countries, and contribution to the efficient work of the joint military and defense systems. Providing social and economic needs and political rights of the people in the region defined of U. S. strategic interests. Along with these areas, are increasingly expanding cooperation with developing countries, especially those which can serve as the core for regional stability in Africa and South East². Dominant to determine cooperation with such countries is that U. S. national interests are closely intertwined with the interests of developing world. However, the Strategy 2010 identifies the dependence of global security from a strong and responsible American leadership, emphasizing the dependence of international security on

---

¹ National Security Strategy. May 2010. *The White House*. <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf> (2014, January, 25)

² National Security Strategy. May 2010. *The White House*. <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf> (2014, January, 25)

the leading role of the United States. To maintain its influence, the United States promote the universal values of democracy, which will help countries prosperity and supporting a just peace, which will protect fundamental human rights. This mechanism was effective for American society. Support democracy as a universal human value, is a distinctive part of U. S. development assistance that distinguishes it from potential rivals for influence in the international arena, thus helping more intensive association of international actors and managing international security system. Thus, long-term U. S. security depends on the continued support of universal values. Supporting democracy is strengthened by intergovernmental cooperation, non-governmental organizations and other international institutions. United States willingly support the newly established democracies, which play a more active role in promoting democratic values in the region. Among the objectives of U. S. security is the support of strong partners. Whereas governments' inability to meet basic needs of its citizens and to fulfill its obligations by promoting safety in their country has a global impact and can directly threaten the American people. To avoid this, the U. S. should cooperate with local authorities to work out the economic and political problems that break the stability and threaten security. In conflict and post-conflict period, the building the security system, economic growth and good government management – is an essential way to ensure lasting peace and security. U.S. must strengthen security to conflict vulnerable states, for this great effort imposed on the reorganization of the activities of experts in the field of development assistance. National Security Strategy of 2010 identifies the following tasks: implementation of development assistance in health and education, food security, humanitarian assistance and economic growth promotion¹. So appealing to the importance of development assistance in security policy.

The complementarity of international security system focuses U. S. on strengthening international institutions that serve common interest and multilateral development assistance. As all countries are taking responsibilities for keeping the balance of power in the international arena. Strategy 2002 focused on counter-terrorism activities and thus determines that the category of developed democratic countries should make efforts to combat terrorism. Countries that depend on international stability must contribute to the prevention of proliferation of weapons of mass destruction. Meanwhile, countries that depend on international

---

¹ National Security Strategy. May 2010. *The White House*. <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf> (2014, January, 25)

assistance should have a competent government for effective foreign assistance implementation¹. U.S. commitments in this list are positioning their state as a leading manager in addressing global challenges, confirming its leadership in international development assistance.

The policy of isolationism never was successful for the United States, because issues of international development require the intensification of cooperation with other donors who share common interests. Promotion of common security interests is delivered through cooperation at the multilateral level with NATO, Forum for the Future, or other regional dialogues. If necessary, the United States used the training program for strengthening regional peacekeeping capabilities. The Strategy 2010 states that conflict prevention and maintaining global peace should include global, regional and national priorities. U.S. empowering regional organizations in forming a strategic approach to global security contribution. In particular, the Strategy 2010 defines the ongoing cooperation on global initiatives the OSCE, the Organization of Islamic Cooperation, African Union, ASEAN, Cooperation Council of Arab Gulf States and NATO that have potential to affect the efficiency of global security.

Conclusions and recommendations for further research. Thus, foreign assistance serves one of the main parts of the U. S. National Security Strategy along with diplomacy and defense as the U. S. can not remain in a state of peace, security and prosperity separated from global processes. U.S. basic security doctrine during 2002-2010 observes the range of tasks associated with different types of foreign assistance: humanitarian, economic, technical and military certifying the fundamental importance of aid in the security policy of the state. To improve development assistance effectiveness, the Strategies 2002-2006, implement institutional reforms, indicating a key role of the development assistance and its mechanism for the implementation of the U. S. national security. Promotion of democracy as a universal value stands for dominant among mechanisms programs and aims to create a coalition of international partners to address the global challenges of the international security system. According to this concern, the Strategy 2006 emphasizes on the recipient's transition from aid dependence to self-sufficiency imposing foreign governments to be responsible for the development of their country. In further studies, the policy of the United States, as a factor in the transformation of the system of international security should be analyzed.

---

¹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. *U.S. Department of State*. <<http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>> (2014, January, 12)

Иван Побочий, проф., д. полит. н.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА И НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ

The role of the nonviolent political struggle in the political process in Ukraine and the interrelation of political populism with nonviolent struggle are defined. It is proved that populism as a political appearance occurs in countries where democratic institutions have developed appropriately. In the field of nonviolent struggle, populism often appears in the form of civil disobedience, public campaigns, «hiking» in protest against the specific power outputs.

Нестабильные политические обстоятельства вызвали общее уныние людей во многих политических деятелях демократического направления, в лице которых люди больше не видят тех политиков, которые могли бы найти выход из сложной экономической, политической и социальной ситуации, в которой оказалась страна.

Анализ политической борьбы в процессах демократизации и фактическое расширение практики использования ненасильственных действий приводит к необходимости решения вопроса о месте и роли ненасильственной политической борьбы в политическом процессе Украины и соотношении политического популизма с ненасильственной борьбой. Актуальной на современном этапе является проблема формирования представления о возможности ненасильственной борьбы, ее значение для общественных институциональных структур.

Современный исследователь популизма М. Конован считает, что термин «популизм», в зависимости от контекста, можно относить ко многим разнообразным явлениям. Конован предлагает различать аграрный и политический популизм. В отношении стран, образовавшихся на территории бывшего СССР (в том числе и Украины), то тут речь идет о политическом популизме, который одновременно можно рассматривать с нескольких сторон: как идеологию, как социальное движение, «как в известной степени возрожденное самосознание, возникшее на почве различных исторических и географических контекстов как результат особой общественной ситуации», и как специфическую политическую психологию¹.

В условиях открытой политической борьбы успех претендента на выборную должность в значительной степени зависит от

¹ Conovan, M. (1981). *Populism*. New York, 13.

способности самого политического деятеля, который знает требования и настроения избирателей, может предложить понятную для большинства населения политическую программу, доступно донести его содержание до сознания различных социальных групп, заставить людей поверить в свои планы, выдвинуть лозунги, которые обеспечат приход электората на избирательные участки в день выборов.

Политический популизм на современном этапе создания государства имеет различные оттенки и приоритеты. Разнообразие популистских идей создает почву для демократических, консервативных и реакционных тенденций в украинской политике и, соответственно, для различных его оценок: «левый популизм», «правый популизм» и другие. Ключевым понятием левых популистов является «справедливость» в ее принудительно-распределительном варианте. У правых слово «порядок», как правило, ассоциируется с военно-полицейским режимом. Левые склонны эксплуатировать экологические проблемы или проблемы равенства-братства, тогда как правые чаще обращаются к национальным проблемам. Для умеренных левых популистов характерны стремление к уравниловке, для радикальных – возврат к распределительному прошлому, восстановление разрушенного СССР и советского строя. В последнее время политические лидеры, как правого, так и левого толка склоняются к патриотическому содержанию своих популистских заявлений и программ.

В наибольшей степени популизм распространен среди слоев населения с низким уровнем политической и правовой культуры, а также при неустойчивых структурах народовластия. Неспособность масс отличить демагогию от реалистических предложений, черно-белое видение мира, готовность обожествлять очередного кумира и возненавидеть его конкурентов – все эти симптомы невысокой политической культуры достаточно активно используются популистскими лидерами для мобилизации общественной поддержки.

Опасность чистого популизма для самого политика, который склонен к этой стратегии, заключается в том, что, выдвинув несколько популярных лозунгов, он быстро становится их заложником, а любую попытку корректировки или изменения курса его электорат воспринимает как измену. Поэтому, поскольку, как известно, настроения массы изменчивы, популистская политика выглядит бесцельным метанием из стороны в сторону. На самом деле здесь заложен точный и тонкий расчет: всегда быть в «команде» большинства. Меньшинство популистов не интересуется, поскольку

оно не «делает погоды» на выборах. Следовательно, популист всегда стает врагом плюрализма и консенсуса, достигаемого путем диалога со всеми общественными группами и их политическими представительствами.

В свою очередь, одна из самых больших опасностей популизма для общества заключается в том, что он является препятствием на пути нормального функционирования такой основополагающего начала, как делегирование властных полномочий общественной группой доверенному лицу. Это начало является основой демократии и его несоблюдение, по мнению выдающегося французского социолога П. Бурдые, непременно приводит к «фетишизации» политики, в условиях которой политик начинает жить, так сказать, «собственной» жизнью, в отрыве от реалий общественной группы выдвинувшей его и интересы которой он должен представлять. Ведь политики, которые обязаны своей популярностью избирателям, довольно быстро забывают о том, кто именно является источником власти. В целом можно утверждать, что рост популистских настроений в обществе и взлет популярности примитивных социальных рецептов свидетельствует о низком уровне гражданского сознания.

Природный властный инстинкт всегда подсказывает политикам, каким образом соблазнить электорат, на каких стереотипах можно сыграть и какие психологические механизмы использовать. Как своеобразный «крючок» чаще всего они выбирают национальную идею. История свидетельствует, что на волне национализма появилось немало политических лидеров, которые, как правило, претендовали на то, чтобы стать лидером нации. Легкость, с которой они поднимались на гребень политической волны, обусловлена, прежде всего, тем, что проблемы нации касаются всех, кто отождествляет себя с ней. Каждому национальные лозунги кажутся понятными и прозрачными. Поэтому большинство современных популистов обычно позиционируют себя в контексте национальной идеи и обращаются к национальным историческим мифам.

Популизмом иногда грешат как представители исполнительной власти, так и «народные избранники». Особенно благоприятным периодом для популистских шагов является избирательная кампания или период, непосредственно ей предшествует. Ярким примером политического популизма является принятие законов, выполнение которых невозможно ввиду отсутствия финансовых средств и т.п.

Избирательные кампании в Украине происходят под лозунгами взаимных обвинений в популизме. В случае большинства партий и политических блоков этот тезис оправдывает себя непосредственно.

Однако, как упоминалось выше, ввиду ограниченной возможности реализации предвыборных партийных проектов можно сказать, что все украинские политические силы, которые стартуют на выборах, является в определенной степени «популистами» – в том смысле, что их программы рассчитаны, прежде всего, на привлечение голосов электората без всякого шанса, как на реальное возвращение «долгов», так и на внедрение контроля за реализацией предвыборных обещаний со стороны гражданского общества.

Еще одной существенной чертой популизма в Украине как метода борьбы за власть является обвинение действующими властными структурами своих предшественников, которые каждый раз оставляют после себя тяжелое наследство. И это уже определенная традиция, унаследованная от советских времен. Все проблемы и трудности, с которыми сталкиваются граждане и с которыми не может справиться власть, адресуют предыдущим руководителям.

Итак, отметим, что популизм – это всегда уход от действительно актуальных проблем, от объективно существующих интересов и потребностей людей, который отвлекает общество от реальности и затягивает его в мир иллюзий, несбыточных мечтаний и ожиданий. Популизм всегда возникает на почве разочарования, причем на нем же зачастую и завершается. Задача политического популизма, по мнению французского мыслителя Р. Барта, заключается, прежде всего, в установлении простейших связей между видимым и сущим, создании такой общественной картины, в которой отсутствует любой намек на противоречия, т.е. нет фактора, который обуславливает реальное общественное развитие. Данный подход нивелирует также принцип общественной ответственности, которая является едва ли не важнейшей основой гражданского общества¹.

Характерной чертой украинского политикума сегодня является пролонгация популистских методов и после избирательного процесса. С одной стороны, это является чертой демократизации общества, противоборства власти и оппозиции, а с другой – совершенствованием популистской риторики, которая вплотную приближается к другому негативному явлению – демагогии.

Современная этимология понятия «демагогия» означает «обман с помощью всевозможных привлекательных, но лживых обещаний, извращение фактов», а демагог – лицо, которое пытается создать себе популярность недостойными средствами (лживыми обещани-

---

¹ Ярош, О. (2002). Політичний популізм: теорія і практика передвиборного “флірту”. *Контекст*, № 2 (14), 22-23.

ями, лестью, извращением фактов)¹. То есть понятие «демагогия» приобрело ярко выраженный негативный характер. В политическом смысле демагогия представляет собой оценку выступлений, вещей, заявлений политиков, которые не содержат конструктивных идей и предложений, или запутывают ту или иную проблему и отвлекают внимание от насущных проблем. Демагогия способствует внедрению в общественное сознание ложных представлений об истинном положении вещей в обществе, которые убеждают людей в позитивном движении без реальных на то оснований. Демагогами называют таких политических деятелей, которые создают себе популярность, добиваются собственных целей ложными и безответственными обещаниями, искажением фактов, обманом, лестью, манипулированием сознанием людей, спекуляцией на чувствах и стремлениях людей, введением их в заблуждение.

В политической борьбе популисты часто используют демагогические приемы, а это значит, что для них характерно обращение к суевериям толпы, лесть толпе, эксплуатация ее инстинктов, ложные обещания. В современной национальной политике без этих приемов не обходится ни один политический лидер. Политики, в том числе и либеральные, обращаются не только к разуму, но и к чувствам и инстинктам избирателей. И чем убедительнее в речах политика сочетаются эти обращения, тем он искуснее и политически весомее. Именно такова природа политической борьбы.

Некоторые российские политологи, в частности С. Марков, считают, что, «убеждая избирателей принять его точку зрения, политик не может обойтись без определенной степени демагогии»². Такое заявление не может не вызывать определенных сомнений. С одной стороны, если в понятие «демагогия» вкладывать его начальный смысл, то утверждение цитируемого политолога считаем бесспорным. Но, с другой стороны, если политик все время «немного» обманывает, искажает факты, то вряд ли с этим можно согласиться. Сущность политической риторики в условиях демократии составляет возможность обращения к политической аудитории за поддержкой. Такие завоевания демократии как возможность обращаться к людям, обманывать их, раздавать обещания, приманивать к себе можно отнести к сомнительным факторам. Особенно опасной демагогия является для общества, в котором только зарождаются демократические принципы. В развитом демократическом обществе влияние демагогии снижается за счет развития институтов, кото-

¹ Івченко, А. О. (2000). *Тлумачний словник української мови*. Харків, 91.

² Марков, С. А. (1999). Политические профессии. *Полития*, 2, 10-11.

рые защищают личность и меньшинства от подобной практики, что одновременно укрепляет и саму демократию. Политический опыт показывает, что все попытки искоренить демагогию как средство политической борьбы завершаются ограничением свободы слова, а это может повлечь диктатуру.

В современной Украине политики-демагоги опасны тем, что они могут объединить малоимущих, бедных граждан против крупных собственников. Если в зажиточной Европе это не опасно, поскольку подавляющее большинство составляет средний класс, которому есть что терять, основной массе украинского общества терять почти нечего. Имея право голоса, такие избиратели могут поддержать политика-демагога, как правило, ультралевого спектра, который подарит им надежду, даст шанс на успех. Политики, которые апеллируют к экономически неимущим слоям, становятся опасными для нестабильного общества. Много людей в новых экономических условиях склонны к умелой риторике демагогов, которые обещают им улучшения материального положения. Демагогические стремление политиков рассчитаны на избирателей, которые не осознают, что право голоса является инструментом борьбы за власть, что выборы – это высокая ответственность за будущее страны. Украина еще не прошла ту черту, когда ловкий политик, пообещав «улучшение жизни уже сегодня, всем и по справедливости» может захватить власть и при этом вполне легальным путем.

В отличие от демагогии, политический популизм однозначно негативно классифицировать нельзя. Устраиваться согласно мыслими избирателей, льстить толпе или упрощать проблемы можно, но не прибегая ко лжи, искажению фактов, обману. Быть демагогом и быть популистом – не одно и то же. Популизм предполагает менее отрицательный способ получения популярности у народа, чем демагогия. Многие политические деятели пользуются популистскими методами, поскольку в современной политической борьбе надо понравиться народу, для чего требуется умение общаться простым, понятным народным массам языком, говорить просто о сложных вещах, четко выражать мысли, освещать насущные проблемы, критиковать власть за ее просчеты. Все эти составляющие содержат элементы популизма.

Со временем популизм становится непременным атрибутом каждого политика. При этом его агрессивность уменьшается при повышении уровня политической культуры граждан, развитии гражданского общества, наличии в обществе толерантности и плюрализма мнений. Демагогия сохраняет статус остро негативного средства как в политической, так и в социальной сфере. Можно согласиться

с исследователями, которые считают, что популизм – это лишь составляющая демагогии. То есть любой популизм является демагогией, но не любая демагогия является популизмом. В этом случае демагогия первична, а популизм вторичен, поскольку он вышел из демагогии, воспользовался ее арсеналом средств и перешел на другой, более высокий уровень. Если популизм используют как метод политической борьбы даже известные и уважаемые политики, то одного только обвинения в демагогии иногда достаточно для падения рейтинга политического лидера, поскольку демагогия получила статус отрицательного эпитета для политиков. Демагогия имеет более широкую сферу применения, она случается в различных сферах человеческой деятельности. Популизм связан только с политикой, с борьбой за власть и является своеобразной формой проявления демагогии, а именно, как отмечает А. Малько, создает популярность с помощью социальной демагогии, привлечения масс на свою сторону демагогическими приемами и методами, предвыборными трюками¹.

Характерная черта популизма – прямой контакт между лидерами, которые способны влиять на умы и чувства людей, и массами без посредничества политических институтов. Популизм тяготеет к сильной личности, харизматическому лидеру, вождю, для которого важнее не программы, наработанные партийными или иными инстанциями, а «голос народа», реальные настроения и чаяния «простого человека», которые якобы и являются для него программой действий. Такие ориентации открывают широкие возможности для ловкого политика-демагога, что может привести к выхолащиванию демократического потенциала популизма – идей непосредственного участия народа в управлении и контроле за властью. Популизм использует типичные для демагогии средства: обманчивые клятвы в преданности народа, выдвижение безответственных программ и обещаний и одновременно клевета на тех, кто на самом деле действует во имя интересов общества. Популизм создает популярность субъекта политической борьбы с помощью социальной демагогии. Для лидера-популиста типично непосредственная апелляция к народу, выступление от имени «обычного человека», манипулирование формулой «Воля народа – высший закон». Основные идеи популизма: прямое участие народа в управлении, так называемая прямая демократия, недоверие к представительным государственным институтам, критика бюрократии, коррупции и т.п.

¹ Малько, А. В. (2002). *Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы*. Москва, 205-206.

Популисты выдвигают и прогрессивные, демократические требования, но в их методах преобладает иррационализм, поверхностность в объяснении экономических проблем народа. Поэтому популизм – это уход от реальных проблем, от объективно существующих интересов и потребностей людей, метод борьбы за власть, который отвлекает массы от реальности, которая их не удовлетворяет, затягивает их в мир несбыточных ожиданий. Популизм возникает на почве разочарования, им же и заканчивается.

Довольно часто популистскими методами пользуются радикально настроенные политики, поскольку в этом случае возникает определенная дистанция между целями и средствами, которые могут сформироваться со временем категорическим требованием: если поставлена цель, то должны быть и средства, нужно только их найти и применить. При этом чем более радикальный политик, тем в большей степени он применяет популистские приемы.

Стратегию политиков-популистов составляет позиция, что они не только не заботятся о последствиях, но и о своих возможностях в случае получения власти. Для них главное – получить как можно больше голосов избирателей на текущий момент. Затем наступают другие моменты, другие лозунги. Поскольку настроения толпы переменчивы, популистская политика со стороны выглядит бесцельной суетой. А на самом деле здесь точный и тонкий расчет, суть которого заключается в том, чтобы постоянно быть в фарватере большинства. Политические, религиозные, национальные меньшинства популистов не интересуют, поскольку они не «делают погоды» на выборах. Именно поэтому победа популизма тяготеет к упрочению тоталитарной диктатуры.

Как политологическое понятие популизм не может быть ни однозначно положительным, ни, безусловно, отрицательным. Характеризовать его можно по таким параметрам: степень влияния на сознание масс; эффективность воплощения в жизнь популистских лозунгов; конечные результаты популистской политики. Развитие популистских тенденций богато потерями из-за противоречивой природы самого популизма, отражающей противоречия массового сознания. При этом потери эти тем серьезнее, чем слабее демократические традиции общества. Но есть и положительный момент, а именно то, что общественно-политическая самодеятельность народа является лучшей школой демократии: она воспитывает у рядового человека чувство социальной ответственности и личного достоинства, расширяет его кругозор. Популистское сознание – это особый демократический компонент политической культуры, сутью которого является стремление широких народных масс к

настоящему и непосредственному участию в политическом процессе. В современной политической жизни в борьбе за власть любой публичный политик вынужден использовать популистские методы, придерживаться определенного политического стиля, поскольку полное игнорирование нужд и симпатий граждан приводит к политическим поражениям.

Следовательно, указанное выше позволяет констатировать, что популизм – это переходный тип политического сознания, который сложился исторически; термин, который используют для обозначения различных общественно-политических движений и идеологий, которые основываются на апелляции к широким народным массам; политическая деятельность, основанная на манипулировании популярными в народе ценностями и ожиданиями.

Таким образом, популизм не является целенаправленным практическим воплощением определенной идеологии, а скорее комплексом непосредственных политических реакций индивидов на развитие событий, которые постоянно ущемляют их ближайшие интересы. В сфере ненасильственной борьбы он зачастую проявляется в виде акций гражданского неповиновения, общественных кампаний, «походов» в знак протеста против конкретных мероприятий власти. Популизму присуща вера в возможность простейшего решения социальных проблем, которая выражается в приверженности к определенным экономическим и политическим средствам – вере в то, что одно или несколько простых мероприятий могут радикально изменить к лучшему всю общественную ситуацию.

Практика ненасильственной политической борьбы доказывает, что популизм как политическое явление возникает в странах, где сложились соответствующие демократические институты: всеобщее избирательное право, равенство граждан в правах, то есть там, где народные массы в качестве избирателей являются участниками политического процесса. Только при таких условиях попытки апеллировать к настроениям граждан, попытки настроиться соответственно массового сознания могут стать средством получения власти. Популизм распространен в большей степени среди слоев с низким уровнем политической и правовой культуры и в условиях слабых структур народовластия. Неспособность отличить демагогию от реалистических предложений, черно-белое видение мира, готовность обожествлять очередного кумира и пренебрежительное отношение к конкурентам – все это симптомы невысокой политической культуры, которые активно используются популистскими лидерами для мобилизации общественной поддержки.

Алёна Машевская

ЦЕЛЕВАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ТРАНСФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕДИА-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

The article reveals the characteristics of the purpose typologies of political advertising in the conditions of transitive society. Paid attention to the specifics of interpretation purpose load of multipartite political-advertising messages. Attention focused on the differences between the political advertising of society developed democracy and the transitive society. Justified approaches to the interpretation of targets within the political technology provision of the political process. Political motivation of the legal regulatory of political advertising in transition society investigated.

Политическая реклама по целевым признакам отражает основные направления деятельности политических субъектов в трансформационном обществе. Такими целями могут быть: получение конкурентных преимуществ в борьбе за власть, распространение информации о кандидате либо партии, деятельность по применению политических технологий. Именно рассмотрение целевых типологий политической рекламы позволяет увидеть мотивы и результаты ее применения в рамках системы политической коммуникации трансформационного общества. Целевая типология политической рекламы определяет необходимость предпринимаемых мер и многофакторное влияние на сознание и политическое поведение граждан как избирателей. Именно цель политического рекламирования делает его политическим явлением и позволяет рассматривать данное явление в системе понятий и категорий политической науки.

Соотношение цели и содержания политической рекламы и способов ее распространения в политических отношениях трансформационного общества до некоторой степени раскрывается на основе места и роли экономического рекламирования в экономических процессах.

Академические и прикладные разработки современных ученых уделяют внимание преимущественно техническим аспектам формирования и трансляции политико-рекламных сообщений, их роли и месту в пределах практик связей с общественностью, пропаганды и агитации. Большой вклад в разработку научной проблемы данной

статьи внесли американские аналитики М. Бёртон и Д. Ши¹, Т. Бредер², М. Абрахано³. Они изучали прикладные аспекты проведения рекламных кампаний. Российские ученые С. Лисовский⁴, С. Чубай⁵, И. Решетов⁶ рассмотрели влияние политико-рекламной коммуникации в современном трансформационном обществе. Украинские исследователи К. Луценко⁷, Н. Яковлева⁸, И. Шовкун⁹ уделили внимание проблемам политической рекламы как индикатора демократических преобразований в украинском обществе. Вместе с тем, важной частью **научной проблемы**, не исследовавшейся ранее, остается роль и место политического рекламирования как особого вида политической деятельности в контексте функционирования системы политической коммуникации транзитивного общества. **Целью исследования** является раскрытие специфических черт целевых типологий политической рекламы в условиях трансформационных обществ.

Основное содержание статьи

Целевые параметры политической рекламы целесообразно рассматривать на основе средств донесения политико-рекламных сообщений до потребителя. Средства коммуникации, используемые в современных политических процессах разнообразны. Среди них ведущее значение имеют вербальные средства. Политическая цель рекламного сообщения раскрывается на основе послания, которое содержится в тексте сообщения.

Итак, месседж – это маркер политической цели рекламного сообщения. Эту особенность увидели российские ученые,

¹ Burton, M. J., Shea, D. M. (2010). *Campaign Craft: The Strategies, Tactics, and Art of Political Campaign Management Praeger Series in Political Communication*. New York.

² Brader, T. (2006). *Campaigning for Hearts and Minds: How Emotional Appeals in Political Ads Work. Studies in Communication, Media, and Public Opinion*. Chicago.

³ Abrajano, M. (2010). *Campaigning to the New American Electorate: Advertising to Latino Voters*. Stanford.

⁴ Лисовский, С. Ф. (2000). *Политическая реклама*. Москва: ИВЦ «Маркетинг».

⁵ Чубай, С. А. (2007). *Диалогичность современной политической рекламы*: диссертация кандидата филологических наук. Волгоград, 218.

⁶ Решетов, И. К. (1999). *Политическая реклама в системе массовых коммуникаций*: диссертация кандидата политических наук. Москва, 163.

⁷ Луценко, К. В. (2006). *Політична реклама як іміджева технологія у системі комунікації та маркетинг*: автореферат дисертації кандидата політичних наук. Чернівці, 18.

⁸ Яковлева, Н. І. (2010). *Пропаганда як складова політичної комунікації*: автореферат дисертації кандидата політичних наук. Київ, 18.

⁹ Шовкун, І. В. (2004). *Політична реклама як комунікативний процес*: автореферат дисертації кандидата політичних наук. Львов, 17.

представляющие филологические науки. В частности, в работе А.Е. Филимонова¹ утверждается, что формальный аспект плакатов, листовок, брошюр и манифестов имеет определенное невербальное оформление. Например, логотип партии лейбористов Великобритании включает цветовую гамму этой партии, фиксированный набор фотографий и единый набор шрифтов. Что касается рекламных радио- и телевизионных роликов, то в этом случае единство невербального компонента обеспечивается одним и тем же музыкальным оформлением.

Цель политико-рекламных сообщений, согласно исследованиям в области современного языкознания², проявляется в повторении смысловых ударений в рамках политико-рекламной кампании. Эти акценты воплощаются в конкретных словах, выражающих общепринятые понятия, имеющие эмоциональную окраску и побудительное значение. Итак, цель текстового политико-рекламного сообщения – изменить настроение и способствовать изменению поведения реципиентов сообщения. Информационное содержание сообщения, содержащегося в тексте, также имеет манипулятивное значение. Единство семантического аспекта, согласно работе А. Е. Филимонова³, поддерживается одним и тем же набором ключевых слов и выражений, вне зависимости от жанра рекламного текста, которые отражают основные ценности и продвигаемые в той, или иной избирательной кампании. Например, «новые лейбористы – новая Великобритания» (лучшая Великобритания, с более сильными позициями в Европе).

Побудительная и эмотивная мотивации политико-рекламного текста воплощаются в конкретных формах подачи политико-рекламных сообщений. Продолжительность

---

¹ Филимонов, А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка): автореферат диссертации кандидата филологических наук. *Бесплатная Российская Библиотека*. <<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/ritoricheskie-osobennosti-teksta-politicheskoy-reklamy-na-materiale-anglijskogo.html>>(2014, июль, 20)

² Филимонов, А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка): автореферат диссертации кандидата филологических наук. *Бесплатная Российская Библиотека*. <<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/ritoricheskie-osobennosti-teksta-politicheskoy-reklamy-na-materiale-anglijskogo.html>>(2014, июль, 20)

³ Филимонов, А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка): автореферат диссертации кандидата филологических наук. *Бесплатная Российская Библиотека*. <<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/ritoricheskie-osobennosti-teksta-politicheskoy-reklamy-na-materiale-anglijskogo.html>>(2014, июль, 20)

информационно-коммуникационного воздействия на сознание определяется объемом сообщения и его синтаксической структурой. Привычка реципиентов получать максимально возможные объемы информации в коротких сообщениях побуждает авторов политической рекламы в зависимости от формы политико-рекламного сообщения либо информировать, либо прямо призывать к действию, либо изменять настроение. То есть цели политического рекламирования могут быть разнообразными и сочетаться в рамках одного сообщения.

Указанные взаимосвязи открывают перспективу проявления в одном политико-рекламном сообщении сразу несколько целей, корреспондирующихся с его отдельными элементами. Такую возможность определяют форма и стиль текстового или вербального послания. З. М. Байрамкулова¹ отмечает, что именно в листовках, относящихся к категории «негативного PR», текст играет вспомогательную роль, а основную смысловую нагрузку несет рисунок. Для материалов данной категории вообще характерна большая роль рисунка, поскольку, в отличие от текста, он позволяет определенно выразить компрометирующую идею, но при этом по рисунку сложнее сделать заключение о нарушении законодательства (разжигании национальной или социальной розни)... Кроме того, как указали эксперты, рисунок в негативном контексте более эмоционален и в силу этого имеет большее влияние на избирателей (представителей целевой группы)... Методы негативного PR иногда применяются на выборах в виде «отвлекающего маневра», либо маргинальными политическими группировками».

Кроме того, цель применения политической рекламы в транзитивном обществе определяется квалификацией самого субъекта политической коммуникации. «Коммуникатор, создавая сообщение определенного содержания и направляя его по определенным каналам, прогнозирует эффект коммуникации, который соответствует количеству сообщений и степени достигаемости целевых групп. Соответственно выделяются общие для всех коммуникативных технологий элементы управления коммуникацией: коммуникатор, сообщение, канал, аудитория. Цель, объединяющая эти технологии,

¹ Байрамкулова, З. М. (2013). *Невербальные коммуникации в структуре современных избирательных политических технологий*: автореферат диссертации кандидата политических наук. Пятигорск, 22.

состоит в инициировании действия коммуниканта в нужном для коммуникатора направлении», считает М. Г. Федотова¹.

Проблема целевой аудитории политико-рекламных текстов и эмоционально-образных сообщений, изображений, видеороликов проявляется в конкретной форме подачи информации. В этих случаях цель организатора политико-рекламных акций не всегда может иметь конкретную связь с политическим действием. Долгосрочные стратегии политико-технологической обработки избирателей включают много этапов и элементов изменения восприятия политического мира. В этом плане целевая нагрузка политико-рекламных сообщений может быть как комбинированной, так и содержать одну функцию, поддержание интереса к определенной политической партии или кандидата чтобы обеспечить ознакомление с ним. В любом случае особенности целевой аудитории (target group) определяют возможности каналов применения политического рекламирования. Поэтому цель политической рекламы может рассматриваться как связь с целевой группой.

Особенности канала передачи сообщений определяют формальный аспект рекламных текстов разных жанров. Так в печатной политической рекламе, которая включает рекламу в газетах и журналах, листовки, манифесты часто обыгрываются размеры и виды шрифтов и расположения текста. Для телевизионных роликов характерны возможности обработки содержания рекламного текста с помощью различных видео планов. Возможность использования музыки как особого средства создания ритма, который усиливает ситуационные и фонетические особенности политико-рекламного текста. Возможность использования различных голосов для озвучивания текстов, обогащает их фонетическое выражение, возможность использования местного диалекта при озвучивании текста (эта перспектива возможна лишь при использовании местного телевидения, как канала для передачи рекламного видеоролика) также достаточно точно ориентирует использование материалов на целевую аудиторию.

Целевая нагрузка политической рекламы может быть связана и с самим жанром политического рекламирования. Основная макромотивация политической рекламы – наиболее эффективное воздействие по изменению поведения – может обеспечиваться путем использования наиболее эффективных в плане влияния на массовое сознание информационных средств. При этом, если целью

---

¹ Федотова, М. Г. (2013). Манипулятивный потенциал коммуникативных технологий в транзитивном обществе. *Теория и практика общественного развития*, 7, 19.

информационных сообщений является распространение программных и идеологических ценностей, то эта цель должна осуществляться стандартными средствами. Содержание политико-рекламного сообщения согласуется с основными особенностями восприятия информации в данном обществе. В трансформационном обществе, в котором социальная структура является фрагментированной и атомизированной, политические рекламисты и их заказчики ищут наиболее универсальные и простые формы распространения информации

Массовая политическая реклама как источник информации ориентирована на среднего потребителя, предполагает общую доступность и простоту изложения материала. Требование демократичности языка обуславливает использование в рекламном сообщении значительного числа разговорных слов. Политико-рекламный текст должен быть коротким, что «обусловлено физическими характеристиками рекламных носителей, но при этом он должен заинтересовать реципиента, подтолкнуть его к определенным действиям. Отсюда максимальная краткость изложения, которая отражается на его синтаксической структуре в сочетании с яркой выразительностью и образностью, которые создаются в основном лексическими средствами. Это справедливо как для коммерческой рекламы, которая строго сегментирована по социальному, возрастному, национальному признаку, так и для политической, целевая аудитория которой нередко состоит из большинства дееспособных представителей электората», отмечает А. Е. Филимонов¹.

Сложность политико-рекламного сообщения вне зависимости от способа его передачи также может отображать его цель и мотивацию. В частности, эмоциональная окраска и призыв к действию проявляется в определенной форме построения предложений и их размещения на рекламных носителях. Этап рекламной кампании может отображаться в пределах эмоциональной окраски той или иной политико-рекламной продукции. Многосоставность политико-рекламного сообщения может отражать промежуточную или конечную цель политического рекламирования. Политико-рекламные стратегии, как показывает опыт трансформационных и развитых демократических обществ, объединяют несколько этапов

---

¹ Филимонов, А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка): автореферат диссертации кандидата филологических наук. *Бесплатная Российская Библиотека*. <<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/ritoricheskie-osobennosti-teksta-politicheskoy-reklamy-na-materiale-anglijskogo.html>>(2014, июль, 20)

и взаимосвязанных целей. Вместе с тем, соображения эффективности политико-рекламного воздействия требуют избегать сложных конструкций в трансляциях посланий. В своем исследовании З. М. Байрамкулова отмечает, что «снижение значения программных документов и рост влияния субъективного фактора восприятия кандидатов привели к изменению формата фотографий в материалах политической рекламы – лицо стало занимать на снимке больше места, чем ранее, в ущерб фону и другим дополнительным деталям. Данная тенденция появилась первоначально в газетах вне зависимости от уровня их политизации и отражала потребность читателя в «очеловечивании» графических средств невербальной коммуникации, а затем проникла в политический консалтинг»¹.

Коммуникативный и коммуникационный потенциалы политической рекламы раскрывается не только с точки зрения использования языковых и речевых средств, но и в раскрытии связей между основными институтами переходной политической системы. Цель политического рекламирования в транзитивном обществе заключается в выполнении широкой общественной функции – обеспечения связи между политической системой и ее внешней средой. Наряду с другими коммуникационными каналами политическое рекламирование определяет актуальный образ власти и ее взаимоотношений с обществом. Кроме того, политическая реклама формирует ответы и реакции на коммуникационный влияние со стороны властей.

По мнению С.А. Чубай, политическая реклама, отражая сущность политической платформы определенных политических сил, настраивая избирателей на их поддержку, формируя и вводя массовое сознание определенного представления о характере этих политических сил, образует желаемую психологическую установку на голосование. Поэтому «коммуникативная сущность политической рекламы заключается в установлении контакта между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и массой, совершенные определенным образом направленной адресным связью между ними с использованием предельно доступной для восприятия системы средств выражения»².

---

¹ Байрамкулова, З. М. (2013). *Невербальные коммуникации в структуре современных избирательных политических технологий*: автореферат диссертации кандидата политических наук. Пятигорск, 25

² Чубай, С. А. Диалогичность современной политической рекламы: автореферат диссертации кандидата филологических наук. *DisserCat – электронная библиотека диссертаций*. <http://www.dissercat.com/content/dialogichnost-sovremennoi-politicheskoi-reklamy> (2014, июль, 28)

Целевая типология политической рекламы учитывает также интенциональное содержание авторской интерпретации политических событий и непосредственных политических целей субъектов политического рекламирования. Как творческий процесс политическое рекламирование содержит в себе и установки журналиста и политику рекламного агентства, и восприятие политической ситуации руководством медиа-групп, которые сосредоточивают ресурсы трансляции политических сообщений.

Именно из-за многоэтапности передачи мотивов и целевых задач иногда цель конечного политико-рекламного сообщения может отличаться от замыслов основного заказчика. Поэтому целевая типология политической рекламы предполагает введение понятий прямой и косвенной целевой мотивации. В первом случае на основе политико-рекламного сообщения можно с достаточной достоверностью установить цель политического субъекта, во втором – ее интерпретация требует более значительных усилий. Особенно наглядно это видно на основе интерпретации, мотивации текстов печатной политической рекламы, которая размещается в заказных материалах. С. А. Чубай считает, что в «настоящее время не существует общепринятой типологии текстов политической рекламы, а также отсутствуют обоснованные критерии для определения их жанровой принадлежности»¹. Российский автор использует классификацию текстов политической рекламы, в основу которой положен признак «автор текста политической рекламы». В так называемых «Я» – текстах повествование ведется от первого лица, а именно, от имени кандидата, в «Я» – текстах представлена речевая сфера кандидата. В «Он» – текстах повествование ведется от лица журналиста (или другого лица), которое представляет интересы политика. В гибридных текстах политической рекламы (прежде всего, это тексты-интервью) представлен диалог журналиста и политика-кандидата. В гибридных текстах, согласно С. А. Чубай, эксплицированы речевые сферы журналиста и кандидата. Подобный подход, с одной стороны, дает возможность учесть специфику коммуникативного пространства текстов политической рекламы, с другой – уточнить политический характер, типы и идеологические средства в различных типах текстов.

¹ Чубай, С. А. Диалогичность современной политической рекламы: автореферат диссертации кандидата филологических наук. *DisserCat – электронная библиотека диссертаций*. <http://www.dissercat.com/content/dialogichnost-sovremennoi-politicheskoi-reklamy> (2014, июль, 28)

Таким образом, рассмотренный материал позволяет увидеть, что целевые факторы генерирования политико-рекламных сообщений и их использование строятся, с одной стороны, в соответствии с требованиями политической ситуации и стратегии. Но в основном они зависят от специфики использованных медиа-средств. Одним из ведущих факторов определения целевой нагрузки политической рекламы является текстуальная реальность, в которой действует та или иная политико-рекламная стратегия. Ограничением целеполагания каждого из политико-рекламных сообщений являются особенности языка конкретного трансформационного общества. С другой стороны, в пределах широкой политической стратегии или целостного рассмотрения кампании определенной политической силы есть возможности определить этапы использования политико-рекламных сообщений.

Реализация рекламных стратегий в политической сфере трансформационного общества предполагает целеполагание на основе идейных основ общественного сознания. Сочетание психологических и идеологических мотиваций политического поведения является приметой политической коммуникации трансформационного общества. Согласно диссертационного исследования А. В. Мухиной, политические идеалы играют большую роль в формировании политического сознания и определении высоко ценностных и мировоззренческих взглядов личностей и общества в целом. По мнению исследовательницы, «в современной психологии политические идеалы рассматриваются применительно к мотивационно – ориентационной стороне деятельности индивида, группы, класса, общества»¹.

Цель политического рекламирования в трансформационном обществе нередко определяется в специфических условиях идейного разнообразия и обновления идейных установок. Проблема влияния электронных СМИ на формирование политических идеалов государством на современном этапе недостаточно исследована. В связи с этим основной гипотезой исследования А. В. Мухиной является констатация наличия современном российском обществе глубинных процессов формирования новых политических идеалов, для которых «электронные средства массовой информации выступа-

---

¹ Мухина, О. В. Особенности психологического воздействия электронных СМИ на политические идеалы россиян: автореферат диссертации кандидата психологических наук. *DisserCat – электронная библиотека диссертаций*. <<http://www.dissercat.com/content/osobennosti-psikhologicheskogo-vozdeistviya-elektronnykh-smi-na-politicheskie-idealy-rossiya>>(2014, август, 6)

ют как актуализированные субъекты политико-психологического процесса»¹.

Таким образом, целевая типология политической рекламы в трансформационном обществе является важным инструментом исследования политико-рекламной деятельности как особого вида политической деятельности в специфических условиях демократического транзита. Цель отдельных политико-рекламных сообщений и масштабных политико-рекламных кампаний в обществе трансформаций определяется как на основе деятельности медиа-сообщества, так и в соответствии с функционированием институтов политической системы.

Несколько иными являются приоритеты определения целей политической рекламы с точки зрения существующей нормативно-правовой базы. Например, в современной Украине (как переходном обществе) политическая реклама как отдельная сфера деятельности еще не определена окончательно. В отличие от научных оценок, правовые акты, не устанавливая реальные властные мотивации политического рекламирования, стремятся ограничить его злоупотребления с точки зрения интересов общества и процессуальных аспектов. Вместе с тем, правовой подход существенно суживает целевые установки политической рекламы, называя конкретные виды данной сферы деятельности и ее результаты. По мнению украинской исследовательницы М. Царевой «под политической рекламой следует понимать распространение информации о политических деятелях, кандидатов на выборные должности, политические партии, блоки, способствует их популярности, предназначенной формировать или поддерживать интерес к объектам политической рекламы, их идей, взглядов, программ и планов»².

В связи с обсуждением факторов целеполагания политической рекламы в политико-правовой плоскости существенно актуализируется вопрос конкретной деятельности, которая является предметом правового регулирования. В этом контексте ключевое значение приобретает стиль распространения информации, который

¹ Мухина, О. В. Особенности психологического воздействия электронных СМИ на политические идеалы россиян: автореферат диссертации кандидата психологических наук. *DisserCat – электронная библиотека диссертаций*. <http://www.dissercat.com/content/osobennosti_psikhologicheskogo-vozddeistviya-elektronnykh-smi-na-politicheskie-idealy-rossiya> (2014, август, 6)

² Царевая, М. Политическая реклама: проблемы определения и законодательного закрепления. *Юридический портал pravotoday.in.ua*. <<http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/publications/pub-169>> (2014, август, 13)

в транзитивном обществе еще не приобрел устойчивого трактования. В связи с этим, считает украинский правовед, актуальным вопросом является «... направленность или цель, с которой осуществляется определенный вид деятельности – пропаганда или рекламирование»¹.

Нормативно-правовое определение целей политического рекламирования как целостного и комплексного вида деятельности предусматривает наполнение рекламного продукта конкретным содержанием. При этом общая направленность законодательного решения предусматривает выполнение политико-рекламными сообщениями общественно-полезной функции. По мнению М. Царевой, «целью агитации или пропаганды (я считаю в этом случае данные сроки синонимичными) должно быть обязательное побуждение к выбору – за или против соответствующей партии, блока или кандидата. Целью же политической рекламы должно быть информирование и разъяснительная деятельность относительно идей, целей, задач и реализации политической программы определенной политической партии»².

По сравнению с филологическими и психологическими разработками проблематики политической рекламы переходного общества, правововедческое направление определяет цель политической рекламы в соответствии с реально существующими явлениями политического процесса, а не в соответствии с косвенными признаками целеполагания, которые выводятся из стилистических особенностей текста рекламного сообщения. Вместе с тем, некоторые из современных взглядов на определение целей политического рекламирования склонны ставить перед ним макрополитические задачи, что, по нашему мнению, не в полной мере соответствует реальным целям политических игроков. «Давать законодательное определение политической рекламы, по моему мнению, следует исходя из особенностей и условий использования рекламных средств вне избирательного процесса при осуществлении политическими партиями информационной, разъяснительной деятельности, распространения информации, пропаганды своих идей и целей с целью выполнения политическими партиями своего конституционного

---

¹ Царева, М. Политическая реклама: проблемы определения и законодательного закрепления. *Юридический портал pravotoday.in.ua*. <<http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/publications/pub-169>> (2014, август, 13)

² Царева, М. Политическая реклама: проблемы определения и законодательного закрепления. *Юридический портал pravotoday.in.ua*. <<http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/publications/pub-169>> (2014, август, 13)

назначения – содействие формированию и выражению политической воли граждан», отмечает украинская исследовательница¹.

Попытки законодательно нормировать политический процесс рекламирования в современной Украине направлены прежде всего на создание равных и общепризнанных правил игры. Поэтому в междувыборный период делаются попытки ограничить возможности для явных злоупотреблений, которые давно преодолены в обществах стабильной демократии. В частности, в 2010 году Верховная Рада Украины предварительно приняла изменения в Закон Украины «О рекламе», существенно ограничивающие возможности выдавать скрытую политическую рекламу за социальную.

Перспективной формой правового регулирования целей политической рекламы в Украине может стать комплексный правовой акт, направленный на обоснование всех политических действий в рамках избирательного процесса. Парламентариями Украины в 2014 году внесен на рассмотрение Проект Избирательного кодекса Украины, в котором предлагается определение понятия «политическая реклама» (ст. 189). «Политическая реклама – это размещение или распространение материалов предвыборной агитации с помощью рекламных средств. К политической рекламе относится также использование символики партий (организаций партий) – субъектов избирательного процесса, фамилий кандидатов вне информационных сообщений, а так же сообщения в любой форме о поддержке кандидатом (кандидатами) или субъектом его (их) выдвижение зрелищных или других публичных мероприятий или привлечение внимания к участию в зрелищных мероприятиях определенных кандидатов или субъектов их выдвижения»².

Важным шагом вперед явился также запрет на скрытую политическую рекламу, которая является распространенным явлением политической манипуляции и PR. Вместе с тем, необходимым условием действенного и эффективного применения приведенных новаций является реальная практика оценки случаев нарушения целей политического рекламирования и смешивания политико-рекламной деятельности с другими сферами, например, производства товаров и услуг рекламного содержания. «Скрытая политическая реклама, а

¹ Царева, М. Политическая реклама: проблемы определения и законодательного закрепления. *Юридический портал pravotoday.in.ua*. <<http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/publications/pub-169>> (2014, август, 13)

² Проект Виборчого кодексу України ст. 189, розд. IX 4010а (2014) (Верховна Рада України). *Офіційний портал Верховної Ради України*. <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=51202>(2014, август, 13)

также размещение или распространение материалов предвыборной агитации, не обозначенных в соответствии с требованиями настоящего Кодекса, запрещается. Реклама печатных изданий (газет, журналов, книг), других товаров и услуг с использованием фамилий или изображений (портретов) кандидатов, названий или символики политических партий – субъектов избирательного процесса, считается политической рекламой»¹.

Таким образом, правовая перспектива определения целей политической рекламы в современной Украине приводит к пониманию различий между юридическим и политическим пониманием данного процесса в переходном обществе. В то время, как приоритетами правового целеполагания является обеспечение интересов общества (например, ограничение злоупотреблений), политическая ситуация выдвигает на первый план иные соображения. (Например, регистрация Проекта Избирательного кодекса в украинском парламенте направлена на ограничение применения финансового ресурса, который является средством достижения преимуществ в политической конкуренции).

Выводы

Группирование типов политической рекламы в соответствии с целью осуществляется в зависимости от политической мотивацией рекламодателя, специфики использования политических технологий, особенностей политической ситуации, а также в соответствии с внутренней логикой функционирования средств массовой информации.

Мотивацией рекламодателей политической рекламы в транзитивном обществе может быть как реальное участие в политическом процессе, так и демонстрация этого участия. Цель политико-рекламной деятельности переходного общества может определяться на основе субъективных факторов, среди которых важное место занимают уровень профессионализма специалистов в области политических технологий, финансовые ресурсы политических игроков, уровень применения административного ресурса. В связи с этим, политическое рекламирование в транзитивном обществе осуществляется в условиях неравного доступа политических субъектов к средствам распространения информации.

Объективной основой для выделения целевых типов политического рекламирования является технологическое обеспечение политического процесса. Данная группа типов включают

---

¹ Проект Виборчого кодексу України ст. 189, розд. IX 4010а (2014) (Верховна Рада України). *Офіційний портал Верховної Ради України*. <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=51202>(2014, август, 13)

информирование, направленное на распространение информации о кандидатах либо партиях, скрытое манипулирование, направленное на побуждение к определенным политическим действиям, тиражирование информации о политических субъектах, заполнение информационного пространства.

Следующая группа целевых типов определяется в соответствии с особенностями деятельности политических актеров. Политическое рекламирование может иметь целевую мотивацию стратегического наступления на электорат, зондирования электронного поля, установления обратной связи и получения отклика целевой аудитории на политико-рекламный продукт, наконец, имитирования политической деятельности в определенном регионе, либо округе.

Кроме того, целевое направление политического рекламирования может строиться в соответствии с общими условиями политической ситуации в конкретной стране и конкретными особенностями политической конкуренции переходного периода. Во-первых, политическое рекламирование может мотивироваться борьбой с административным ресурсом и информационным и организационным блокированием кандидата партии. Во-вторых, политическое рекламирование может иметь целью реагирование на внезапные изменения политических ситуаций, которые возникли вследствие правовых коллизий (например, вследствие применения «судебных» технологий). В-третьих, политическое рекламирование может использоваться с целью обеспечения информационного сопровождения избирательных процедур, например, увеличения явки избирателей на выборах.

Нормативно-правовое обеспечение политического рекламирования в трансформационном обществе также существенно влияет на определение целей применения рекламных средств. В трансформационном обществе, как видно на примере современной Украины, пропаганда, агитация и политическая реклама все еще пребывают в рамках единого синонимического ряда. Это вызывает проблемы в определении действительных мотиваций действий субъектов политического процесса. Новейшие усилия по правовому регулированию призваны исключить незаконные практики «социальной мимикрии» политического рекламирования.

Приведенные типологии политического рекламирования не исчерпывают разнообразия мотиваций политического процесса переходного общества. Однако, они дают представление об отличиях политической коммуникации переходного общества от условий устойчивой демократии.

Лидия Руженко

ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ И СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ

The article studies the main actors and strategies of public opinion in a democratic society. Determined that the democratic development of society requires the dynamic transformation of public opinion under the influence of political actors, civil society institutions, bureaucracy and media. Using a historical approach and system analysis studied nature of the process of shaping public opinion on different stages of the policy process. It was determined that as subjects of public opinion were aristocracy, religious leaders, representatives of the government, the leaders of revolutions, political elites and leaders, parties, intellectuals, community leaders and others. It was found that in the information age leading role in the political process belongs to the media, and one of the subjects of public opinion becomes mediakratiya.

Для исследований современного политического процесса в Украине актуализируются проблемы взаимодействия власти и общества, государственных и общественных институтов. Это обуславливает теоретическую и практическую необходимость исследования общественного мнения, определение основных политических субъектов и стратегий ее формирования.

Политические трансформации последних десятилетий, если рассматривать и анализировать их в рамках модели перехода к демократии, предусматривают выработку и внедрение эффективных механизмов взаимодействия власти и общества, учет динамики общественного мнения не только во время избирательных кампаний (модель «электоральной демократии») но и в процессе управления и реализации публичной политики. Одной из главных составляющих демократической формы правления выступает мнение граждан, позиция общества, и / или отдельных общественных групп относительно деятельности власти и оппозиции, состояния внутренней и внешней политики.

Возникновение самого термина «общественное мнение» (англ. «public opinion») связывается с возникновением парламентской демократии, политической борьбой парламентов с абсолютными монархиями в Европе. Общественное мнение понималось как выражение моральной поддержки со стороны общества действий парламента, защита обществом позиций своих представителей в политике. Период непосредственного употребления термина «общественное мнение» начинается со второй половины XVIII в.

В индустриальном обществе, которое характеризуется демократией и рыночной экономикой роль общественного мнения значительно возрастает, что объясняется следующими факторами. Во-первых, ростом возможностей различных общественных групп («публики») влиять на политику, проводимую правящими кругами, благодаря таким механизмам, как выборы, референдумы, деятельность групп давления в парламенте или правительстве, актам гражданского неповиновения и др.

Во-вторых, современные демократические общества характеризуются мощным влиянием информационной сферы на деятельность власти и формирование общественного мнения. Они становятся своеобразной «четвертой властью» общества и обладают средствами формирования общественного мнения через апелляцию к массовой аудитории, сочетание развлекательной и аналитической информации, альтернативности и оперативности информации.

При этом следует учитывать, что политические акторы не только принимают во внимание мнение населения, но и пытаются его активно формировать, используя различные коммуникативные каналы, технологии и стратегии. Усложнение и разнообразие массовых коммуникаций в современном мире связаны с несколькими большими группами факторов, среди которых следует отметить: «1) диверсификации источников информирования; 2) увеличение акторов политического взаимодействия; 3) совершенствование технического снабжения власти и граждан»¹.

Данный процесс имеет определенную специфику на постсоветском пространстве. Власть и государственный аппарат остаются еще с советских времен основным субъектом формирования общественного мнения. В отличие от стран консолидированной демократий, властные элиты часто пытаются контролировать других участников процесса формирования общественного мнения – масс-медиа, религиозные объединения, неправительственные организации, партии (в частности, воспроизводя квазиполитическую организацию – «партию власти»), исследовательские центры и научные учреждения.

В современном мире это означает, прежде всего, контроль над информационной сферой, следовательно – именно в поле масс-медиа происходит основная борьба между различными субъектами влияния на формирование общественного мнения: властью и

¹ Яковлев, Д. В. (2009). *Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація*. Одеса: Астропринт, 54.

оппозицией, партиями, различными ветвями государственной власти (парламент, президент, правительство, суды), общественными организациями и объединениями. В исследовании феномена общественного мнения в условиях посткоммунизма актуализируются проблемы и противоречия становления государственности, развития гражданского общества, происходит осмысление деятельности субъектов формирования общественного мнения на пути украинского общества от авторитаризма к демократии. Исследование феномена общественного мнения с точки зрения политических наук имеют длительную историю. Определение субъектов и стратегий формирования общественного мнения связывается со следующими факторами:

- процессом институционализации власти и гражданского общества;
- сложностью и мультидисциплинарной феномена общественного мнения, динамикой и направлением ее развития;
- трансформациями механизмов влияния общественного мнения на власть в связи с процессами демократизации;
- усилением влиянием масс-медиа на общественное мнение, медиатизацией политики и информатизацией общества.

Именно поэтому одной из актуальных задач для политической теории и практики выступает исследование субъектов и стратегий власти – как государственных, так и негосударственных – общественных институтов и отдельных акторов, определяющих состояние и характеристики общественного мнения.

Особого внимания заслуживают социальные и политические трансформации, которые вызывают изменения отношений между обществом и государством.

Проблема субъектного измерения процесса формирования общественного мнения, институционального оформления и трансформации субъектов формирования общественного мнения в направлении модернизации и демократизации, их влияния на динамику политического процесса в целом исследовалась в работах таких зарубежных авторов, как Г. Алмонд, М. Вебер, Л. Даймонд, Р. Даль, Д. Истон, Т. Карозерс, Дж. Кин, А. Лейпхарт, Д. Растоу, Дж. Сартори, А. Степан, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер и др.

Разворачивая анализ исследуемой проблемы, автор опирается на достижения таких украинских ученых как Г. Бирюков, Н. Головатый, Е. Головаха, В. Журавский, Г. Зеленько, Ф. Кирилук, А. Колодий, Л. Кормич, В. Кремень, М. Михальченко, И. Онищенко, В. Полохало, Ф. Рудич, С. Рябов, Н. Томенко, Д. Яковлев, В. Якушик и др.

В периоды трансформации политической системы, особенно когда она проходит точку бифуркации, возрастает роль субъективных факторов в процессе формирования общественного мнения.

На современном этапе динамика и результат политического процесса, особенно в избирательный период, во многом определяется влиянием субъективного фактора, когда политические акторы пытаются конструировать общественное мнение, исходя из собственных индивидуальных эгоистических мотивов.

Основу демократического политического процесса, который формируется под влиянием деятельности политических субъектов, составляет функционирование таких политических институтов, как: регулярные демократические выборы, выборность должностных лиц, свобода мысли и высказываний, равный доступ граждан к масс-медиа (включая сеть Интернет), обеспечение автономии общественных объединений и организаций, соблюдение принципа верховенства права.

Проблема институционализации субъектов власти тесно связана с легитимацией их деятельности, в том числе – через формирование общественного мнения, понимание значительной частью общества необходимости определенного института и границ его полномочий и наличия информации о деятельности основных политических субъектов. Это, в свою очередь, невозможно без полноценной (горизонтальной и вертикальной) коммуникации власти и граждан.

В процессе формирования общественного мнения важная роль принадлежит государственным институтам и бюрократии как классу, определяющему реальные механизмы функционирования государственной власти. Демократический политический процесс характеризуется взаимным влиянием и взаимозависимостью между деятельностью бюрократического аппарата, управленческой и политической элиты и институтами гражданского общества. Одним из условий формирования общественного мнения в демократическом обществе выступает политическое участие граждан, преодоления их отчуждения от деятельности власти.

В процессе перехода от авторитаризма к демократии, борьба за влияние на общественное мнение разворачивается не только между индивидуальными акторами и экономическими и политическими группами, а и между ветвями государственной власти. Эта тенденция особенно рельефно проявилась после внедрения конституционной реформы с 2005 по 2010 годы.

Правила политической конкуренции были перенесены в пространство взаимодействия между органами государственной власти.

Это привело к соревнованию за установление приоритетов повестки дня и формированию общественного мнения, характеризовалось принятием противоречивых решений, саботированием деятельности оппонента, отсутствием желания договариваться и осуществлять единый внешнеполитический и внутривластный курс.

Одним из основных институтов, который влияет на формирование общественного мнения через каналы постоянной обратной связи с избирателями выступает парламент. Формы работы депутата напрямую связаны с аргументированными ответственными действиями, предусматривают работу в комитетах, участие в пленарных заседаниях, парламентские запросы, парламентские слушания, следственные комиссии и т. д.

При этом следует подчеркнуть принципиальную важность парламента в демократическом политическом процессе, который выступает в роли посредника между обществом и исполнительной властью и формирует политику на основе представительства интересов, выполняя функции артикуляции, агрегации и интеграции интересов. По мнению Д. Яковлева, «Ведущая роль в формировании пространства демократической политики принадлежит парламенту, депутаты представляют интересы соответствующих политических, социальных, региональных групп. Роль парламента как политического института заключается, среди прочего, в формировании пространства дискуссий, диалога на основе представительства структурированных групп интересов на государственном уровне. При этом парламент становится не просто дискуссионной площадкой, он имеет достаточно рычагов влияния для принятия законов и контроля за их реализацией, выполняет функции относительно создания рациональной политики на основе аргументативной дискуссии»¹.

Демократизация политического процесса требует развития взаимодействия между гражданским обществом и властью, которое опирается на диалог и нормативно-правовую базу.

Таким образом, для обеспечения демократического процесса формирования общественного мнения необходимым условием выступает не только институционализация субъектов власти, а и развитие общественной инициативы, которая кристаллизуется в деятельности политических объединений и, главным образом – политических партий и общественных организаций.

---

¹ Яковлев, Д. В. (2009). *Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація*. Одеса: Астропринт, 104.

Политические партии выступают одним из главных субъектов формирования общественного мнения в демократическом обществе. Для политического процесса посткоммунистических стран характерно избирательная «открытость» партий к мнению общественности. Партийные лидеры в избирательной риторике фокусируются на актуальных проблемах, которые действительно беспокоят граждан. А вот в поствыборный период, получив власть, пытаются использовать административную структуру государственной власти, пренебрегая обратной связью с обществом, общественным мнением и позицией тех общественных организаций, которые их поддерживали.

Процесс формирования общественного мнения в демократическом обществе не может ограничиваться периодом избирательных кампаний. Само проведение регулярных и свободных выборов является необходимым условием демократизации, выработки и внедрение демократических механизмов формирования общественного мнения со стороны политических партий и их лидеров.

Для более эффективного воздействия на общественное мнение политические партии должны сохранять и развивать сеть связей с общественными организациями, принимать меры не только с целью электоральной мобилизации, а и сохранения поддержки общества в поствыборный период. В том числе, «... четко формулировать политические цели, для осуществления которых они стремятся получить властные полномочия. Иначе политика партий будет основываться на племенных, этнических связях, не требующих партийной идеологии»¹.

Институты гражданского общества также участвуют в формировании общественного мнения. С одной стороны, они призваны критически оценивать деятельность власти, выступать от имени общественных групп в диалоге с государством. С другой стороны, должны формировать «повестку дня» общества, прямо влиять на общественное мнение.

Развитое гражданское общество имеет сложную внутреннюю структуру, в которую входят институциональные и культурные составляющие. К институтам, образующих структуру гражданского общества следует отнести добровольные общественные организации и общественные движения, политические партии, независимые масс-медиа, в определенном аспекте – выборы и референдумы,

¹ Козьма, В. (2008). Трансформація політичних інститутів в умовах демократизації. *Віче*. 2. <<http://www.viche.info/journal/810/>>

когда они служат средством формирования общественного мнения и защиты групповых интересов.

Становление и развитие гражданского общества в Украине происходит в двух измерениях – горизонтальном и вертикальном. Вертикальное измерение связывается с процессом институционализации и характеризуется формальным признаком количества общественных объединений и политических партий. Горизонтальное измерение – это разветвленная сеть реально функционирующих объединений, сложная функциональная система, обеспечивающая коммуникативное взаимодействие между властью и обществом. Стоит согласиться с А. Полишкаровой в том, что «... в Украине... преобладает скрытая форма структурирования, т.е. различные латентные образования – группы давления, кланы, олигархические группировки, которые культивируют в обществе теневые способы интеракции, отношения подчиненности и субординации. Изменение способа структуризации со скрытой формы на открытую, даст положительный импульс развитию украинского общества в направлении к демократии»¹.

При анализе общественного мнения, как многофакторного динамического феномена политического процесса необходимо учитывать, что деятельность отдельных субъектов может приводить к институциональным изменениям. Так, общественное мнение меняется под влиянием такого фактора, как мотивация политических лидеров. Одновременно общественное мнение выступает не просто результатом совместной деятельности граждан, а институтом, который формируется организациями публичной сферы.

Политическая оппозиция является одним из важнейших и наименее изученных субъектов формирования общественного мнения. Институт политической оппозиции выступает как организованная форма выражения интересов, альтернативных или противоположных интересам власти, это организованная группа лиц – субъектов влияния на формирование общественного мнения, ведущих борьбу за обладание доминирующим политическим ресурсом страны – государственной властью.

В процессе формирования общественного мнения политическая оппозиция выступает каналом выражения недовольства официальной политикой, инструментом контроля за деятельностью правящей партии, стимулятором перехода от одного политического курса

---

¹ Полішкарлова, О. О. (2002). *Політична структуризація в умовах становлення громадянського суспільства в Україні*. Чернівці: Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича, 5.

к альтернативному. Кроме того, политическая оппозиция выступает инструментом самоорганизации гражданского общества, обеспечивая его постоянный контакт с органами власти и повышая качество принятия политических решений.

В этом контексте следует отметить такого специфического субъекта формирования общественного мнения в переходном обществе, как представители «крупного капитала» – финансово-промышленные группы, обладающие медиа-ресурсами. Их влияние реализуется в закреплении статус-кво: монопольные условия экономической деятельности, зависимость бизнеса от власти и власти от бизнеса, увеличение давления на малый и средний бизнес, клиентелизм и государственные преференции.

В условиях становления информационного общества формирование общественного мнения имеет свою специфику. Эта специфика заключается в следующих положениях.

Во-первых, виртуализация политики и борьбы за политическую власть. Политическая деятельность и избирательные соревнования виртуализируются. Партии и другие политические институты превращаются в «бренды», которые создаются и развиваются по законам информационных технологий, теряя функцию представителей общественности. Политическая борьба за формирование общественного мнения между субъектами постепенно переносится из сферы идеологии, организаций и программных положений в пространство конструирования виртуальных имиджей.

Во-вторых, появляется феномен электронной демократии и е-управления. Они призваны оптимизировать систему управления государством, улучшить коммуникации между акторами. Электронная демократия создает технологические возможности для принятия основных политических решений непосредственно гражданами и расширяет пространство их политического участия.

В-третьих, в результате использования в политической борьбе информационных технологий общественное мнение может быть на стороне тех субъектов, кто удачно использует возможности телевидения, а не на стороне тех, кто реально способен повысить эффективность управления.

Обобщая результаты исследований субъектов формирования общественного мнения в демократическом обществе следует отметить следующее.

В начале 90-х годов XX века формирование новых политических институтов (органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, институций гражданского общества и

др.) и установление системы правовых и политических отношений между ними стало одной из определяющих характеристик политического процесса в Украине.

В этот период в процесс формирования общественного мнения активно включились такие субъекты, как органы государственной власти (прежде всего – парламент, правительство и Президент), органы местного самоуправления, политические партии (парламентские и непарламентские), политическая оппозиция, представители масс-медиа и гражданского общества.

Литература:

---

1. Козьма, В. (2008). Трансформація політичних інститутів в умовах демократизації. *Віче*. 2. <<http://www.viche.info/journal/810/>>
2. Полішкарлова, О. О. (2002). *Політична структуризація в умовах становлення громадянського суспільства в Україні*. Чернівці: Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федькович.
3. Яковлев, Д. В. (2009). *Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація*. Одеса: Астропринт.

Фариз Абасов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ

The economy of every country is known to consist of elements such as resources, finance, and methods of their usage. The system of economic relations that historically formed in the Republic of Azerbaijan is currently developing in the context of growing interdependence and integration, as well as different political threats and counterbalances. The development of the economy is also shaped by its technical and technological side, the quality of human potential, openness to innovation and general development. Finally, an emphasis should be laid on the systemic nature of economic relations, their relationship with all parties of public relations, including the spiritual and moral relations. The development of the ICT sector is an important indicator of the development of not only economic relations, but also all of the information society as a whole.

Сегодня основные характеристики экономического развития непосредственно связаны с основными цивилизационными показателями современного общества; это – развитие техники и технологий, в том числе информационно-коммуникационных. Начиная от научных разработок в различных сферах экономики, кончая маркетингом и рекламой, все основывается на применении возможностей обработки информации, ее передачи накопления. Не случайно в статистических отчетах каждой страны появились разделы, связанные с проблемами формирования информационного общества, хотя многие считают пока этот термин спорным. К примеру, считается, что информационное общество пока что существует лишь в Японии, США и странах Западной Европы¹ и связано с развитием постиндустриального общества. Другие страны, в основном относящиеся к разряду развивающихся стран, пока что не имеют необходимого экономического и научного потенциала, чтобы достичь подобного уровня развития.

Однако тенденции движения к такому обществу стремительно нарастают. Этому способствует всеобщая глобализация мирового пространства, в том числе информационного. Рассмотрим на примере Азербайджанской Республики особенности влияния указанных процессов на упрочение, как экономических показателей, так и

¹ Мартин, У. Дж. (1990). Информационное общество (Реферат). *Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник АН СССР. ИНИОН*, 3, 115.

социального развития в целом. Формирование макроэкономических показателей в рамках страны основано на исторических предпосылках становления экономики страны, ее социально-политического развития, в региональном и международном измерениях.

Укрепление экономических показателей как процесс носит комплексный характер, опирается на социально-экономические и политические решения, принимаемые руководством страны в зависимости от внешнеполитических процессов и внутренних предпосылок социального развития. Все это исходит из баланса стратегических потребностей страны в развитии той или иной сферы экономики и возможностей уже достигнутого уровня этого развития. Рассмотрим, прежде всего, ряд противоречий в развитии макроэкономических показателей страны, которые непосредственно сказываются на становлении информационного общества.

Известна нефтяная стратегия Азербайджана, как ведущее звено в развитии экономической мощи страны. Вместе с тем, как подчеркивают эксперты, «в долгосрочной перспективе риски для стабильности азербайджанской экономики связаны с теми обстоятельствами, которые сейчас обеспечивают ее устойчивость, – гипертрофированной ролью нефтегазового сектора, который составляет более 50% ВВП и предоставляет бюджету около 70% его доходов»¹.

Кроме того, необходимо усиление внимания к инфраструктуре, в частности, связанной с развитием регионов. Именно этот сектор экономики наиболее тесно связан с ИКТ, поскольку развитие и распространение этих технологий опираются на сеть дорог, транспорта, сферу обслуживания и т.д. В целом показатели макроэкономического развития в 2014 году достаточно обнадеживающие, чтобы можно было сделать вывод о том, что указанный сектор в перспективе имеет достаточно высокий потенциал для развития. За первые пять месяце указанного года производство ВВП выросло на 23,4 млрд. манатов, что больше по сравнению с указанным периодом прошлого года на 2,8%. ВВП создан на 61,2% за счет производственной сферы, 31,7% за счет сферы обслуживания, 7,1% же за счет дальнейшего развития натурального налога на продукцию и экспорт. В расчете на душу населения было произведено ВВП на сумму 2499,8 манатов (в пересчете на доллары это составило 3187,4 американских долларов). Прибавочная стоимость на 55,5% была произведена за счет непроеиз-

---

¹ Текущее состояние экономики Азербайджана. <<http://www.webeconomy.ru/index>>

водственного сектора и выросла за указанный период на 8,3%, а нефтяном секторе уменьшилась на 3,6%¹.

Следует отметить также, что за указанный период наблюдается некоторое снижение активности в секторе домохозяйств и физических лиц – на 2,1% по сравнению с подобным периодом прошлого года. В целом производство продукции в ненефтяном секторе возросло на 3,4%, а нефтяном уменьшилось на 3,0%². В целом на благоприятном фоне роста ВВП наблюдается в целом также и рост применения средств ИКТ как среди населения, так и производственных предприятий, учреждений и организаций. Создание конкурентно способной экономики в немалой степени основано именно на использовании знаний и технологий, заключенных в ИКТ. Как показывает практика, все это способствует резкому повышению эффективности экономики, увеличению прибыли и доходов в целом, понижению цен, повышению качества продукции и услуг, росту электронных услуг населению и т.д.³

Рост числа компьютеров наиболее очевиден в административной и вспомогательной сферах. Следует отметить, что порой рост этого показателя в регионах порой опережает рост в центральных городах страны: к примеру, за 2012 год число компьютеров в Баку выросло на 18,7%, в Апшеронском экономическом районе – на 20,9%, соответственно Гянджа-Газахском – 11,3%, Шеки-Закатальском – 12,0%, Ленкоранском – 9,2%, губа-Хачмазском – 12,8%, Аранском – 8,9%, Даглыг-Ширванском – 9,3%, Нахчыванском – 10,5%⁴.

Распространение и применение ИКТ в социальной сфере общества идет по нескольким направлениям: в качестве составного элемента учебных курсов и программ в средних общеобразовательных школах, вузах и т.д.; применение их в процессе производственной деятельности, в сфере обслуживания, и т.д.; деятельность организаций, специализирующихся на распространении ИКТ; потребление населением услуг, которые возможны лишь на основе ИКТ (Интернет, компьютеры, мобильная связь и т.д.).

Уже, начиная с 2001 года, в Азербайджане в сфере применения ИКТ начали реализовываться ряд проектов; работа в указанном

¹ 2014-cü ilin yanvar-may aylarında ölkənin iqtisadi və sosial inkişafının makroiqtisadi göstəriciləri. <<http://www.stat.gov.az/news/>>

² 2014-cü ilin yanvar-may aylarında ölkənin iqtisadi və sosial inkişafının makroiqtisadi göstəriciləri. <<http://www.stat.gov.az/news/>>

³ Azərbaycanada informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 5.

⁴ Azərbaycanada informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 54.

направлении продолжается до сих пор. Следует назвать проект, разработанный азербайджанским правительством совместно с ООН «Стратегия развития ИКТ в Азербайджане и их применение на первоначальном этапе», и др. К примеру, проекты по использованию услуг Интернета возглавляли и частные фонды, такие, как Фонд Сороса («Internet Access training Program»), создавались и другие частные проекты, к примеру, Бакинский Центр Инновационных Технологий, и проч.

Впервые в Азербайджане в 2007 году был создан Центр электронного обучения, в соответствии с проектом «Развитие информационного общества на Южном Кавказе». Соучредителями стали Az PENA, Бакинский государственный университет и немецкая компания IMC AG. В настоящее время здесь готовятся кадры тьюторов для вузов страны.

Обратимся опять к статистике. Основные инфраструктурные показатели следующие: число всех видов телефонов в сети общего назначения на каждые сто человек составляет 17, а сотовых телефонов – 105 номеров. На начало 2013 года имелось 1463,8 тысяч (в 2011 году – 1111,2 единицы) персональных компьютеров, в том числе в домохозяйствах 947,4 тысячи, у юридических лиц – 266,4 тысячи, у предпринимателей – 250 тысяч¹. Известно, что Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union), специализированное подразделение ООН, определяющее стандарты в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), исследовал развитие ИКТ в 152 странах мира в период с 2008 по 2010 год. Результатом этого исследования стал доклад «Измерения информационного общества 2011», содержащий рейтинг развития 152 стран в сфере ИКТ – ICT Development Index (IDI)². По Азербайджану этот показатель составил в 2010 году 3,78. Как подчеркивают составители доклада, развитие ИКТ в значительной степени зависит от уровня экономического развития страны; обычно в этом отношении лидируют развитые страны. Для улучшения показателей в указанной сфере необходимо также увеличение вложений в данную сферу и понижение расценок услуг, что будет способствовать улучшению общих показателей. Именно в указанном направлении и строит свою политику правительство Азербайджана в лице Министерства связи и высоких технологий, которое претворяет в жизнь

---

¹ Azərbaycanca informasiya səmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 8.

² Международный союз электросвязи: индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира в 2011 году. <<http://gtmarket.ru/news>>

ряд проектов, в целом работающих на повышение уровня использования ИКТ во всех сферах жизни. В частности, среди них следует назвать транснациональную фиброволоконную оптическую связь между евразийскими странами (TASIM), электронное правительство, всеобщая компьютеризация населения, создание сети инфраструктуры для передачи сведений в пределах страны (Az Data Com), создание технопарков, которые могут дать толчок для инновационной деятельности предпринимателей (Региональная инновационная зона), структура, дающая возможность использования электронных подписей (Центр услуг по национальным сертификатам), создание космической промышленности в Азербайджане (запуск первого космического спутника связи – Azərkosmos), система централизованного автоматического радиомониторинга, реализация в пределах страны цифрового телевидения, оказание финансовых услуг через почтовую систему, т.е. развитие финансовых услуг, создание и применение лингвистических услуг по азербайджанскому языку, и т.д.¹

Известно также, что в стране проводится определенная работа в сфере ядерных технологий, учитывая, что их использование в мирных целях соответствует требованиям времени и национальным интересам. В частности, решением руководства страны (Распоряжение от 8 мая 2014 года) создано закрытое акционерное общество «Национальный центр ядерных исследований». Помимо этого, в целях доведения до широкой общественности внешней и внутренней политики государства, сущности социально-экономических и культурно-созидательных процессов создан «Фонд знаний» при Президенте Азербайджанской Республики. Распоряжением Президента также создан Парк высоких технологий. Другим распоряжением Президента, в целях развития предпринимательства в сфере ИКТ, привлечения в эту сферу местного и иностранного капитала, интеграции в местную экономику новых технологий, инноваций, улучшения научных исследований создан Государственный Фонд Развития Информационных Технологий².

Для укрепления достигнутых успехов принята концепция развития «Азербайджан-2020: взгляд в будущее». Согласно этой концепции, в последующие 8-10 лет предполагается увеличение ВВП за счет ненефтяного сектора в 2 раза, за счет создания в стране инновационно направленной экономики, основанной на новых знаниях. Одной из основ подобного развития является ИКТ. Принят также еще один важный документ: «Национальная стратегия по развитию

¹ Layihələr. <<http://www.mincom.gov.az/layiheler/>>

² Abbasov, Əli. (2014). İKT əsaslı biliklər iqtisadiyyatına doğru. “Azərbaycan” qəzeti.

в Азербайджанской Республике информационного общества в 2014-2020 годы». Предполагается также широкое развитие электронных услуг с целью охвата не менее 80% населения в ближайшие 10 лет. Важную роль в достижении поставленных задач также должна сыграть «Национальная стратегия по развитию науки в Азербайджанской Республике в 2009-2015 годы», согласно которой предполагается достижение тесной связи между наукой и производством¹.

Вместе с тем, несмотря на то, что из года в года растет число компьютеров на рабочих местах в промышленных организациях, учреждениях и организациях, следует отметить, что в целом эта цифра на 2013 год составила, если взять всех работающих, 18,5%, если взять организации и учреждения, снабженные компьютерами – 31,2%. Здесь, как и раньше, выделяется сектор финансовых работников, где указанный процент выше и составляет 73,1%. То есть по роду своей деятельности для передачи информации они используют различные виды коммуникаций, причем этот показатель растет из года в год. Число пользователей компьютером в Баку составляет немногим больше половины всех пользователей страны (56,6%)².

Положительная тенденция просматривается также в использовании возможностей Интернета. Те учреждения и организации, где используется компьютер, на 57,8% подключены к Интернету. Как всегда, около 60% их находится в городе Баку. Замечено, что в учреждениях с числом сотрудников более 250 человек к Интернету подключены 100% сотрудников. Чем меньше организация, тем больше этот показатель приближается к 50%, но не ниже³. Кроме того, наблюдается положительная тенденция роста числа пользователей Интернет в организациях и учреждениях примерно на 25-29% ежегодно. Определено, что больше половины пользователей Интернета в учреждениях – женщины (51,9%). В учреждениях, чей род деятельности связан с финансами и страхованием, используют выход в Интернет 67,5%, меньше всего пользуются Интернетом в органах здравоохранения и социальных услуг – 4,3%⁴.

Было выявлено, что Интернетом пользуются с целью создания связи с правительственными органами (22,8%), оказания банков-

¹ Azərbaycanda informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 47.

² Azərbaycanca informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 54.

³ Azərbaycanca informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 55.

⁴ Azərbaycanca informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 57.

ских и финансовых услуг (16,9%), для обучения и образования (5%), для определения конъюнктуры рынка (3,5%), и других целей. Интернетом активно пользуются также для передачи различных документов и информации по адресу¹.

Отметим, что одним из ярких показателей использования возможностей ИКТ является создание Интернет-сайтов. По числу созданных сайтов в Азербайджане лидируют информационные сайты (114), Интернет-магазины (94), туризм (79), гостиницы и отели (76), производство (63), веб-студии и фриланстеры (56), недвижимость и ремонт (55), рестораны и кафе (53), банки (48), доски объявлений (31) и т.д. представлены многие сферы торговли, обслуживания, банковского дела, реклама, маркетинг, логистика, и проч. Достаточно много сайтов медицинских и спортивных учреждений, женских организаций и т.д.² На 1 января 2013 года в Азербайджане было зарегистрировано всего 1247 веб-сайтов³. Вместе с тем содержание многих сайтов оставляет желать лучшего, имеющаяся информация преподносится недостаточно ярко, она не обновляется и т.д. Многие авторы предпочитают заимствовать информацию, давать ее без ссылок, тем самым лишая возможности проверить ее достоверность. В особенности это касается сайтов на азербайджанском языке. Богатство сайта состоит в его оригинальности и работоспособности, т.е. ее эффективности. Именно в этом направлении стоит работать владельцам сайтов. Это касается в особенности официальных сайтов министерств и ведомств, различных учреждений и организаций. Известно, что наличие работающего, полезного и привлекательного сайта во многом способствует созданию правильного имиджа организации, в особенности, если это связано с бизнесом.

Поскольку анализ роли ИКТ в формировании экономических показателей предполагает также и рассмотрение сектора выпуска продукции в данной сфере, то рассмотрим, как формируется указанный сегмент азербайджанской экономики и за счет каких приоритетов. На 2012 год выпуск продукции и оказание услуг в сфере ИКТ развивались под влиянием определенных приоритетов в условиях конкуренции мировых производителей ИКТ-продукции. Речь идет в основном о производстве звукозаписывающих и видеоустройств, продаже в розницу и оптом телекоммуникационной и электронной продукции и частей к ним. Расширяется телефонная связь, растет

¹ Azərbaycanada informasiya səmiiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 60.

² Архив сайтов Азербайджана. <<http://www.weblast.az/>>

³ Azərbaycanada informasiya səmiiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 132.

программное обеспечение, появилась такая сфера, как беспроводная телекоммуникационная деятельность, деятельность по созданию и проектированию средств защиты информации, наблюдается расширение телекоммуникационной деятельности в целом. Производятся кассовые аппараты, электрические провода определенного напряжения, и т.д.¹.

Таким образом, можно сделать вывод из данного обзора о том, что в стране больше делается в сфере использования возможностей ИКТ в разных направлениях, а производство этих средств пока является уделом развитых стран мира и ряда международных корпораций и фирм. Тем не менее, как видно из приведенных фактов, основными приоритетами в экономической политике страны является развитие не нефтяного сектора, причем с использованием всех возможностей ИКТ, поскольку лишь на этой основе можно получить экономические выгоды в разных сферах данного вида социальной деятельности.

В целом более успешному продвижению по пути к информационному обществу мешают такие обстоятельства, как относительно слабое развитие в регионах страны Интернета, более низкие запросы относительно информации у населения сельской местности, недостаточный уровень развития среднего класса, ограниченность провайдерских услуг, слабое внимание к данным проблемам ряда министерств и ведомств и т.д.

Литература

---

1. Мартин, У. Дж. (1990). Информационное общество (Реферат). *Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник АН СССР. ИНИ-ОН*, 3, 115-123.
2. Текущее состояние экономики Азербайджана. <<http://www.webeconomy.ru/index>>
3. 2014-cü ilin yanvar-may aylarında ölkənin iqtisadi və sosial inkişafının makroiqtisadi göstəriciləri. <<http://www.stat.gov.az/news/>>
4. Azərbaycanada informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*.
5. Международный союз электросвязи: индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира в 2011 году. <<http://gtmarket.ru/news>>
6. Layihələr. <<http://www.mincom.gov.az/layiheler/>>
7. Abbasov, Əli. (2014). İKT əsaslı biliklər iqtisadiyyatına doğru. «Azərbaycan» qəzeti.
8. Архив сайтов Азербайджана. <<http://www.weblast.az/>>
9. Boloniya Deklarasiyasının prinsipləri uğurla həyata keçirilir. «Bakı Universiteti», 15.12.08.

---

¹ Azərbaycanada informasiya cəmiyyəti. İnformasiya-kommunikasiya texnologiyaları (2013). *Statistik məcmuə*, 138.

Olga Melnychuk, PhD

SYSTEMS APPROACH IN THE URBAN LEGAL SYSTEM AFFIRMATION

The article deals with the theoretical basis of using systematic approach to the study of urban legal system. On this basis, it is shown that conceptually the urban law and the municipal law are different. It is proved that the urban legal system becomes the cut of legal reality, which is closer than any other to the people in the cities and which exposes the valued-normative distinctiveness of every separate city. Based on systematic interpretation of the principle of pluralism, the features of the urban legal system are demonstrated.

Making emphasis on the actuality of the city law problems in modern historical aspect is the reflection of progress of the modern state trends. It is undeniable that today state institutes begin to lose their monopoly on the law which leads to the acceptance of the idea of legal pluralism and awareness of the fact that law is formed as a product of the society's vital functions, but not of the law-makers' activity. Thus, on the way of the modern urban legal system theory formation we ought to use all the arsenal of methodological tools, which the legal science can offer. At the same time, it is impossible to conduct such research without the use of general scientific methodology, which, in this case, is presented by the systems approach.

The purpose of the article is to explore the theoretical basis for the use of the systems approach in the urban legal system affirmation, as well as for the description of its main features.

In general, theoretic discourse, the issues of the urban legal system have remained quite scantily studied until now. However, the separate aspects of this topic were revealed in the works by R. A. Romashov, M. I. Korniyenko, V. V. Tabolin, A. V. Kornev and others.

Definition of the urban legal system specifics requires from us to apply not only the urban methodology, as the special multi-disciplinarian research programme, but also the system methodology, by means of which the structural-functional analysis of the urban law is made possible. Here we should agree with L. A. Luts' assertion that without methodology of systems analysis any judgments on the legal system are doomed to superficiality¹. At the same time it is possible to accept the judgments, that considering law as a system implies many different approaches, as

---

¹ Луць, Л. А. (2001). Категорії системного аналізу – методологічні основи дослідження правової системи. *Вісник Львівського університету. Серія «Право»*, 36, 47–53.

the legal system is not the unique display of the systematic character of law. For this reason, we have to distinguish the sense in which the urban law will be understood as a system.

While researching the legal systems at the level of general theoretic jurisprudence, the important question is the matter of correlation between the notions of «law» and «legal system». With regards to the above mentioned issues, three basic approaches were formed:

a) the concepts «legal system» and «law» are identical on a volume and can be used as synonymous. For example, such statement of the question is often used in the sphere of comparative law, when it is possible to use concepts «the Ukrainian law» and «Ukrainian legal system», «the French law» and «French legal system» (and others like those) as identical ones. The basic feature of this approach is that law is researched as really existing one only then, when it is embodied in a certain institutional formation. In other words, there is no strict distinction between the law as it essentially is and the actual operating law;

b) the concept of «legal system» is wider than that of «law». Such point of view prevails today, which is linked, above all things, with the positivist tradition in perception of the contents of law. Typical are the assertions according to which «law... is the kernel of the legal system»¹. Indeed, if we limit law only with the system of norms, then such approach can be justified. However, if we include into law some other elements connected with the existence of law, for example, legal relations, legal consciousness, legal values and others like those, such an approach does not work;

c) the third approach, is the one in which the concept of «law» is interpreted as a wider concept, than «legal system»². Here, in addition, to the interpretation of law in the wide sense (when, except norms, it includes some non-normative elements of legal reality)³, another argument is used. Law appears as an idea, a system of images of that how the society must be organized. The legal system is a special case of fulfillment of this idea. Thus, law can have other forms of its existence, for example, legal culture, legal life, legal reality and others.

---

¹ Матузов, Н. И., Малько, А. В. (2001). *Теория государства и права: курс лекций*. Москва: Юристъ, 528.

² Колесниченко, В. В. (2011). Категориальный статус правовой системы. *Правове життя сучасної України, I*. Одеса: Фенікс, 53–54.

³ Ромашов, Р. А. (2005). Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания. *Известия высших учебных заведений. Правоведение, I*, 5.

According exactly to the third variant of correlation between law and legal system the issues of the urban legal system will be examined.

The concept of the system, in particular, is extraordinarily multifaceted and pluralistic. Thus, as A. Y. Tsofnas noticed, it is necessary to differentiate the systems approach from the systematic method, as they are two different methodological units. The systems approach is used not only by those, who consciously apply some of the numerous theories of the systems, but also by those, who consider the subject of their studies as the system, distinguishes it from other systems or from anything that, on their opinion, is not a system, and gets certain results from it. At the same time, the systematic method is the conscious application of certain theory of the systems, when one can be limited by the presentation of the subject as a system and its specific system description, or can move forwards and apply the theory of systems in full – with all its distinctions, with clearly sequenced steps and operations, determined to gain some new knowledge or a particular practical result¹.

Turning to the systems approach within the framework of humanitarian and social science, we get the grounds for the contemporary understanding of various phenomena. The development of general theory of the systems in philosophical works, with the reference to its features of language of ternary description, is really valuable². The use of the theory of the systems in jurisprudence creates the new possibilities in order to reveal and determine the parameters of any subject of research. Thus, the effectiveness of this process can be related not only to the clear exposure of the features of a phenomenon being researched, but also with its formal definiteness.

The assumption that any subject is the system, provided that some relations between its components can be realized within this subject and that it has some certain characteristics, enables us to verify or to falsify it in the scope of jurisprudence. Also, a system is studied from the position of the three basic notions: a concept that is the idea from the point of which the system is understood; a substrate, which consists of the elements that this concept is realized on; a structure, which means the aggregate of connections between the elements of the substrate.

Study of a city within the framework of general theoretic jurisprudence is one of the factors that confirm understanding of urban law as a legal system. Positioning a city as a concept in the center of the certain system

¹ Цофнас, А. Ю. (1999). *Теория систем и теория познания*. Одесса: Астропринт, 26-27.

² Уёмов, А., Сараева, И., Цофнас, А. (2001). *Общая теория систем для гуманитариев*. Варшава: Wydawnictwo Universitas Rediviva, 42.

gives the grounds for the construction of the special model of the system of urban law, which can be supported by the arguments of its existence both in historical, and in modern context.

As it has already been marked, the urban law is the display of legal pluralism, as in fact it exists alongside and parallel with other systems, such as national law, integrative law and others like that. Nevertheless, the idea of pluralism often is not accepted because of its closeness to eclecticism, i.e. the simple aggregate of methods, approaches and conceptions, connected only by the occasion. For this reason, it is important to clarify the contents of the principle of methodological pluralism. For this purpose, the use of methodology of general theory of the systems is justified. From this point of view, pluralism appears to be the meta-principle, and it can be formulated in two ways: «pluralism is the possibility of construction of the same system on the basis of different concepts»; or «pluralism is the possibility of construction of the different systems on the basis of one concept»¹.

Certainly, law is a complicated system, and that is why, it is impossible to define the unique concept, that means the only sense, in which we understand it as a system. For this reason, there is no single presentation of law as a system which can claim to be the absolute truth. This thesis can be explained especially by a logical way, without turning to the ideas of pluralism of legal understanding. The prominent logician of the 20th century A. Tarskiy, one of the authors of the non-positivist interpretation of the truth, asserted that for the highly developed languages (both natural and artificial) the unique criterion of truth cannot exist. This conclusion is supported by the incompleteness theorem by Godel: a system of deductive judgements cannot have the unique criterion of the truth, if a system is not completed (not closed); it implies that even the most well-organized system of deductive judgements (for example, mathematical theory) is impossible to be reduced to the unique logically veritable judgement².

Even such a superficial look at the pluralism from the point of the systems approach demonstrates that law is pluralistic in a greater measure, than it used to be talked about, as in fact, it is not a totally deductive system. Attempts to reason law from the positions of the deductive systems, which were traditional for the soviet jurisprudence, are hard to be considered successful because law is the open system the

---

¹ Уёмов, А. И. (1978). *Системный подход и общая теория систем*. Москва: Мысль, 245.

² Тарский, А. (1999). Понятие истины в языках дедуктивных наук. *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. Москва: Мысль, 14–178.

essence of which is not confined to the judgments (normative or non-normative).

Presentation of a city as a concept of the urban law, which exists along with the other levels of law (national, integrative and international), provides a basis for more in-depth study and categorical justification of the urban legal space. In this case, the possibility to use the systems approach is obvious; hence, the city will be the concept, the substrate of the system will be the urban legal space, and its axiological, normative, subjective, institutional and communicative fullness will be its structural components.

Applying the systems approach to the definition of category status of the city legal system also results in the clear differentiation of the urban and municipal law. A great number of specialists who study the municipal law accepted the point that the municipal law is the complex branch of law, the subject of which is local self-government¹. Thus, the municipal law equates with the urban law, and the notion of «urban» law becomes written in brackets, explaining the priority of municipality². However, the use of the systems approach to determination of municipal and urban law helps to discover the substantial differences between them.

The interesting fact is that the basis for the other understanding can be built on the ideas of A. V. Korniev who, referring to the urban law in historical context, claims that it contains the norms of the civil, tax, financial, criminal, constitutional, municipal and international law³. That means that a city as an economic, cultural, political and legal subject (as a concept in the framework of parametric theory of systems), in the course of its existence, has been able to create such a unique phenomenon as the urban law which regulates relations both within the city's area and beyond its boundaries.

So, the municipal law is a part of the legal system of a state, an element in the public legal life of a society on the whole, its norms and values are spread on all the administrative-territorial units of the state (not only on cities but also on villages, settlements, areas etc.). The urban law exists, above all, at the level of cities. Thus, it is independent from the state,

¹ Корнієнко, М. І. (2005). *Муниципальне право України. Концептуальні та організаційно-правові питання*. Київ: Алерта, 14.

² Таболин, В. В., Корнев, А. В. (2000). *Муниципальное городское право. Правовые и организационные основы деятельности органов местного самоуправления*. Москва: Формула права.

³ Корнев, А. В. (2008). К вопросу об исторических предпосылках формирования городского самоуправления и городского права. *Город как явление социокультурной и экономико-правовой реальности*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 112.

formed and changed not by the legislative activity, but in the process of activity of its residents and the city authority.

This implies that it would be inaccurate to reduce the urban law to local self-government, since historically the urban law defined not only the right of a city to elect its power institutions and make laws but also to judge the citizens and to maintain legal order. So, a feature of self-regulation that cannot be reduced only to self-government is immanent to the urban law. Moreover, a city is a specific space in which the occasional connections between the different agents are possible, and it already urges to determine some systematic parameters (e.g., stability or instability) in researcher's methodology of the urban law.

Thus, if the urban law is considered only as a part of the municipal law, this will narrow and limit the potential of legal science. On the contrary, the urban law is a complex phenomenon which, considering its historical prerequisites as well as its modern vision, can be regarded to be a new self-sufficient direction in the jurisprudence.

According to this, the urban law, its structure which corresponds to the concept (the city), also includes the features of the legal status of a city, its typology, its impact on the legal sphere and on the specifics of the city dweller's legal image. Law in this context is seen as creation of the urban culture. With regard to this, it is important to highlight the fact that law as the historically constituted value-normative system is primarily thought to be an urban phenomenon, and the whole history of the archaic law is, in its essence, the history of the urban law. It should be noted, that today a city is the central core not only in the territorial development, but also in the legal and state development. Therefore, the urban law is the legal system with its components in the form of special subjects, legal sources, institutions, set of functions, value-normative grounds and multi-level legal relations, which can be substantiated only from the point of its understanding through the prism of the systems approach.

So, the urban law and the municipal law are different systems, as they are based on two different concepts. The concept for the municipal law is the municipality (local self-government), and the concept for the urban law is the city.

Studies on the urban law as the special legal system allow us to assert that it forms the legal systems of a new type: urban legal systems. They include the legal systems of a city and the urban legal systems:

a) the legal system of a city is made in the process of formation of the institutes in the urban legal space, when within the limits of a city some special rules of conduct are created, and get their normative legal fixing and social recognition. The legal system of a city is also related to

selection of some special organizational institutes which operate within the limits of this or that city. Thus, in historical aspect a lot of European cities were formed by their own urban legal systems, many of them exist until now (in particular, in England, France, Germany, the Czech Republic, and also in the cities which own their autonomous status in the state – for example, Macao and Hong Kong in China). If we talk about Ukraine, then today the prospect of forming the autonomous legal system is owned by the city of Kyiv, as such an opportunity is given to it at the legislative level. Other cities can realize this opportunity to create the legal systems only at embryonic level – by the implementation of the statutes of the territorial communities in the cities, which (the statutes) in a great deal are very alike and represent the specific of that or another city rather poorly. It should be hoped that as a result of the decentralization of city declared by the Government they will have wider opportunities in order to form the autonomous legal systems;

b) the urban legal system exists as the legal system of a city, which went beyond the boundaries of its legal space, and is used as a standard for the construction of other cities' legal systems. So, many models of the city legal systems are historically known – Magdeburg Law, Gotland Law, Riga Law and others. Formed and sharp-cut in the so-called maternal cities, they later began to be used according to trans-frontal principle (that is, the existence of the city legal systems was not related to the legislation of one or another state, those legal systems existed as the paralleled).

Thus, the use of the systems approach in understanding of the urban law leads to the recognition of the urban legal system (Calm law, the Freeports' law etc.) and the legal system of a city which includes the urban law of a particular city (Lviv city law, Kyiv city law, Odessa city law etc.). Accordingly, the urban law is the urban legal system or the legal system of a city, which consists of the particular relevant components, such as: subjective (status), axiological, normative, institutional and communicative ones.

The urban law can deal, from one side, with the legal relations between a city and a state, between the cities, a city and an individual city dweller and others like that, where a city acquires its special legal status. On the others hand, the concept of the municipal law is too wide, as it embraces the questions of local self-government not only in the cities. Consequently, there are two different systems with their own concepts, which, correspondently, have their different structural organization.

Different system peculiarities of the municipal and the urban law are also explained by the fact that the urban law has its specific teleological

features. As it was marked by B. V. Malyshev, the legal system always appears as an integral autonomous internally coordinated aggregate of the legal phenomena, which functions with the purpose to achieve the public ideals (values) of justice, equality, freedom and humanism¹. Another interpretation of the special determination of the legal systems is given by Z. K. Ayupova, who studied the legal system as a multi-system complex of normative, ideological and organizational levels of the legal reality, binding it to the integrative, regulatory and communicative functions which are used with the purpose of strengthening the legal order. Also, the author claims that the main function of the legal system is integrative, which makes her points rather different from the wide-spread opinion considering the regulatory function to be the main function of law².

As a rule, the purpose of one or another element of the legal reality in the normative measuring is set in the preamble of a legal-normative act. As it is said in the preamble to The Law of Ukraine «On the local self-government in Ukraine», «this Law, in accordance with the Constitution of Ukraine, determines the system and guarantees of the local self-government in Ukraine, principles of organization and activity, legal status and responsibility of the organs and public servants of the local self-government»³. At the same time, one can see that the key teleological description of the urban law is maintenance of the integrity of the city legal space, provision of the uniqueness and cultural originality of every city, and also development of the cities on the basis of the inclusive system of city management.

Taking everything into consideration, we can state that in order to form the urban law theory the general theory of the systems ought to be used, which will enable us to reveal the features of the modern urban legal development. The urban law becomes that cut of the legal reality which is the closest to the residents of the cities today; it exposes the value-normative definiteness of every separate city. And the system methodology, in particular, allows us to give conceptual, substrate and structural descriptions of the city law and to define the place of this phenomenon in the variegated legal field of the transient modern world.

---

¹ Малишев, Б. В. (2012). Цілеспрямованість правової системи (теоретичні аспекти). *Європейські перспективи*, 4(1), 16.

² Аюпова, З. Н. (2005). Структура и функции правовой системы. *Современное право*, 10, 49.

³ Про місцеве самоврядування в Україні 1997 (Верховна Рада України). *Відомості Верховної Ради України*, 24, 170.

Bibliography:

1. Луць, Л. А. (2001). Категорії системного аналізу – методологічні основи дослідження правової системи. *Вісник Львівського університету. Серія «Право»*, 36, 47–53.
2. Матузов, Н. И., Малько, А. В. (2001). *Теория государства и права: курс лекций*. Москва: Юристъ, 528.
3. Колесниченко, В. В. (2011). Категориальный статус правовой системы. *Право-ве життя сучасної України, 1*. Одеса: Фенікс, 53–54.
4. Ромашов, Р. А. (2005). Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания. *Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1*, 5, 4-12.
5. Цофнас, А. Ю. (1999). *Теория систем и теория познания*. Одесса: Астропринт.
6. Уёмов, А., Сараева, И., Цофнас, А. (2001). *Общая теория систем для гуманитариев*. Варшава: Wydawnictwo Universitas Rediviva.
7. Уёмов, А. И. (1978). *Системный подход и общая теория систем*. Москва: Мысль.
8. Тарский, А. (1999). Понятие истины в языках дедуктивных наук. *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. Москва: Мысль, 14–178.
9. Корнієнко, М. І. (2005). *Муниципальне право України. Концептуальні та організаційно-правові питання*. Київ: Алерта.
10. Таболин, В. В., Корнев, А. В. (2000). Муниципальное городское право. Правовые и организационные основы деятельности органов местного самоуправления. Москва: Формула права.
11. Корнев, А. В. (2008). К вопросу об исторических предпосылках формирования городского самоуправления и городского права. *Город как явление социокультурной и экономико-правовой реальности*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 112-115.
12. Малишев, Б. В. (2012). Цілеспрямованість правової системи (теоретичні аспекти). *Європейські перспективи, 4(1)*, 16.
13. Аюпова, З. Н. (2005). Структура и функции правовой системы. *Современное право, 10*, 45-51.
14. Про місце самоврядування в Україні 1997 (Верховна Рада України). *Відомості Верховної Ради України, 24*, 170.

Владимир Завальнюк, проф., к. ю. н.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

The paper investigates the fourth generation of human rights. Applied anthropological approach to the fourth generation of human rights. The conclusion about the need for inclusion of somatic rights to a group of individual human rights. The system of somatic human rights enshrined in the Ukrainian legislation. The necessity of further improvement of the legal framework of Ukraine is in the context of the anthropological approach to the fourth generation of human rights.

Дискурс «тела», как неотъемлемого атрибута «человеческого», продолжается века и имеет многочисленные интерпретации, вписанные в социокультурный контекст. Большое количество экспликаций «телесного» образует в современном поле философских и научных исследований пестрое разнообразие подходов и парадигм. И, наоборот, правовой дискурс тела и телесности только зарождается, что является ответом на появление новейших технологий, способных изменить то, что казалось, издавна является, незыблемым, статическим в понимании человека.

Современная отечественная юриспруденция во многом сохранила социоцентрическую парадигму права, согласно которой целью, центром и правового регулирования были общественные отношения, человек же рассматривался как участник общественных отношений, поведение которого регулировалось с помощью различного рода норм, главное место среди которых занимало право. Отсюда трактовка человека в большинстве отраслей права как «физического лица» и «гражданина». Более сложная по своему строению и содержанию концепция биосоциальной природы человека, признанная психологией и другими гуманитарными науками, практически не находила своего применения в праве. Эта ситуация в корне изменилась под влиянием последней (пока) технологической революции в истории человечества – информационной. Она стала таким же толчком для формирования нового поколения прав человека, как индустриальная революция для формирования системы социальных прав.

Научно-технический прогресс, в частности достижения медицины, генетики, биологии и химии, поставил человека в качественно иное положение. Появилась реальная возможность не только влиять

на окружающий мир и трансформировать его, но и менять само человеческое тело. Человек получил возможность приостанавливать свою жизнь или жизнь своих близких, выбирать сексуальную ориентацию и даже пол. Работодатель на основании генетических данных может отказать в приеме на работу. Люди одного пола могут вступать в брак и усыновлять ребенка или благодаря репродуктивным технологиям иметь своего ребенка. Для поддержания жизни человека можно использовать сложные механизмы, для восстановления функций организма – трансплантировать ткани и органы, для обновления организма и улучшения качества жизни – использовать стволовые клетки.

Эта новая ситуация порождает проблемы, имеющие большое моральное, социальное, юридическое, религиозное, экономическое значение. Одно из измерений этой новой общественной ситуации – появление и юридическое оформление категории соматических прав человека. Термин «соматический» имеет древнегреческое корни (от греч. soma – тело). Он был введен в научный оборот немецким зоологом А. Вейсманом в XIX в. для обозначения тела организма, его «смертной» части. Термин «соматические права» обязан своим появлением российскому правоведу В. И. Круссу, который выводит их из уверенности в обладании человеком правом самостоятельно распоряжаться своим телом¹.

Теоретические, конституционно-правовые и отраслевые проблемы соматических прав человека рассматривались в работах А. А. Абашидзе, А. И. Ковлера, Ю. А. Дмитриева, А. Е. Старовойтовой М. А. Лаврика, А. В. Дерипаски, В. С. Капинус, Т. И. Тарахонич, А. М. Цалиева и А. Т. Сланова, А. Р. Шишки, С. Г. Стеценко, Я. Сенюты и др. По убеждению О. Э. Старовойтовой, сегодня можно говорить о формировании новых направлений в науке – правовой соматологии, правовой трансплантологии и правовой танатологии².

По мнению М. А. Лаврика, термин «соматические права» является полисемантическим и может использоваться: 1) в дискуссиях о телесности человека с позиций прав человека; 2) для обозначения притязаний человека к обществу относительно самостоятельного

¹ Крусс, В. И. (2000). Личностные («соматические») права человека в конституционном философско-правовом измерении: к постановке проблемы. *Государство и право*, 10, 43.

² Старовойтова, О. Э. (2006). *Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ*: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 8, 14.

распоряжения собственной телесностью (часть этих притязаний может получить статус субъективных прав); 3) в сугубо юридическом смысле – как признанную обществом и государством возможность распоряжения человеком собственным телом¹.

Целью статьи является выяснение места соматических прав в системе прав человека с позиций юридической антропологии и их положительного оформления в национальном праве.

Исследователи соматических прав в поисках надлежащего им места в системе прав человека, как правило, указывают на их личностный характер (сначала В. И. Крусс использовал термины «соматический» и «личностный» как синонимы). А. И. Ковлер вообще избегает термина «соматические права», используя термин «личностные права». По его мнению, личностные права является разновидностью личных прав². Отметим, что используемый в украинском и российском праве и правовой науке термин «личные права» имеет свой аналог в международном праве, где он звучит как «гражданские права», неотделимые от человека.

Представляется, что термин «личностные права» является неудачным потому, что все права (гражданские, политические, социальные, экономические и т.д.) принадлежат личности – то есть человеку. Этот термин не показывают различий прав по распоряжению своим телом от других групп прав человека. Поэтому более целесообразным и корректным является использование термина «соматические права». Под соматическими правами понимается юридически закрепленное разрешение на распоряжение человеком своим телом. Формы юридического закрепления соматических прав могут быть разными (нормативно-правовой акт, нормативный договор, судебная практика, особенно это касается практики международных и региональных судов). Различными есть и уровни закрепления соматических прав (М. А. Лаврик выделяет международный и государственный (национальный), который в свою очередь делится на федеральный и уровень субъектов федерации³). Как и в отношении иных прав человека, возможно установление определенных юридических ограничений на пользование соматическими правами, главное здесь – принципиальное признание таковых.

¹ Лаврик, М. А. (2005). К теории соматических прав человека. *Сибирский юридический вестник*, 3.

² Ковлер, А. И. (2002). *Антропология права*. Москва: Норма, 427.

³ Лаврик, М. А. (2005). К теории соматических прав человека. *Сибирский юридический вестник*, 3.

Нередко место соматических прав в системе прав человека определяют через категорию четвертого поколения прав человека¹.

В литературе отмечается, что к четвертому поколению прав относятся такие права, как: право на защиту человека от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетики человека, открытиями в области биологии; информационные права и технологии и права человечества (право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические и пр.)². Также существуют и другие мнения относительно перечня прав человека, относящихся к четвертому поколению.

Представляется, что при отнесении соматических прав к тому или иному поколению прав человека, следует учитывать, что третье поколение прав человека по своей природе содержит права, присутствующие не индивиду, а сообществам – нациям, народам, национальным меньшинствам (право народа на развитие, право нации на самоопределение и т.д.). К тому же третье поколение прав человека онтологически происходит и принадлежит международному праву прав человека, тогда как первое и второе, а теперь и четвертое поколение прав человека, формируются, прежде всего, в рамках национальных правовых систем.

По нашему мнению, место соматических прав в системе прав человека следует определять, руководствуясь принципом дихотомии, согласно которому в соответствии с их субъектом-носителем различают индивидуальные и коллективные права. В этом смысле соматические права следует поставить на первое место среди индивидуальных прав, несмотря на то, что все остальные, так или иначе, реализуются в правовых отношениях с другими субъектами (в том числе – с государством и его органами, трудовыми коллективами, объединениями граждан). И только соматические права – это «человеческое, слишком человеческое».

О. Э. Старовойтова к соматическим правам относит право на трансплантацию органов и тканей, на аборт, клонирование, репродуктивования, на распоряжение жизнью собственного тела³.

¹ Абашидзе, А. А., Солнцев, А. М. (2009). Новое поколение прав человека: соматические права. *Московский журнал международного права*, 1, 69-82.

² Головистикова, А. Н., Грудцына, Л. Ю. (2006). *Права человека*. Москва: Эксмо, 60.

³ Старовойтова, О. Э. (2006). *Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ*: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 7.

Более развернутую классификацию соматических прав разработал российский правовед М. А. Лавриков, включивший в данную категорию:

- 1) право на смерть – свобода человека сознательно и добровольно прекратить свою жизнь избранным и доступным для него способом;
- 2) право человека на распоряжение своими органами и тканями;
- 3) сексуальные права человека (что означает возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуального образования, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, решать вопросы о добровольных сексуальных контактах, вступление в брак; вопрос о легализации проституции, оборот порнографической продукции и правовое регулирование положения сексуальных меньшинств);
- 4) репродуктивные права человека (позитивного характера: искусственное оплодотворение и негативного характера: аборт, стерилизация, контрацепция);
- 5) право на смену пола;
- 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов (т. е. репродуктивное и терапевтическое клонирование);
- 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ¹.

Прежде всего, отметим, что приведенный М. А. Лавриковым перечень является продуктом обобщения не столько норм позитивного, сколько природного права. Также представляется, он сформирован на основе концепции поколений прав человека, что обуславливает его неполноту, поскольку автор не относит к этому перечню права явно соматического характера в силу того, что они уже отнесены к первому поколению прав человека. Так, таким определяющим первичным правом является право на жизнь. Некоторые соматические права автор вообще не рассматривал. Так, в частности, в перечень не вошли право человека на уважение его физической и психической целостности, указанные в ст. 3 Хартии основных прав Европейского Союза, право на изменение внешности и т. п.

Отметим также недостатки других формулировок автора. Так, формулировка «право на смерть» невозможно вывести из права на жизнь, поскольку смерть является отрицанием жизни; смерть

---

¹ Лаврик, М. А. (2005). К теории соматических прав человека. *Сибирский юридический вестник*, 3, 16-26.

как неизбежное явление само по себе не нуждается в юридической регламентации, тем больше защиты. Отдельно отметим, что в большинстве государств мира на сегодня такое неестественное прекращение жизни, как самоубийство (если оно не обусловлено посторонним влиянием), стоит за пределами правового регулирования (и не запрещено, и не разрешено). Поэтому, как представляется, более корректно говорить не о праве на смерть, а о праве на прекращение жизни без страданий и боли (эвтаназию). Эвтаназия признана правомерным действием только в нескольких странах. В большинстве – наоборот, она строго запрещена под страхом уголовной ответственности.

Права человека на распоряжение своими органами и тканями, как представляется, является, скорее, не правами, а правовым институтом, который, в свою очередь, включает субинституты прав донора, прав реципиента, нормативного регулирования трупного донорства.

И, наконец, формулировка права на употребление наркотиков и психотропных веществ представляется неудачным, поскольку создает иллюзию о правомерности этого поведения. Сам автор подразумевает законодательное разрешение на употребление легких наркотиков в некоторых странах. Как представляется, это, скорее, должно быть право на медицинское употребление наркотиков и психотропных веществ. А это право, в свою очередь, является разновидностью права человека на лечение своего тела или, по крайней мере, на улучшение качества его жизни (таким, например, является употребление наркотиков инкурабельным онкобольным). К этому праву следует отнести институт прав пациента.

Как и другие права, соматические права является мерой возможного поведения, с акцентом на слове «мера». То есть, на наш взгляд, все они могут быть ограничены (хотя существует и противоположная точка зрения – притязания соматического характера направлены на физиологию личности, ее тело. Поэтому вопрос об этом должен решаться самостоятельно, и свобода в этом случае не должна быть ограничена законом, поскольку это ведет к насилию над индивидуальной природой человека)¹. Так, ко всему комплексу соматических прав – «прав человеческого тела» – вводятся следующие правила: неготовность распоряжаться (моего тела нельзя касаться без мое-

¹ Цалиев, А. М., Сланов, О. Т. (2008). Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав. *Право и политика*, 2, 403.

го согласия), запрет на торговлю (нельзя торговать человеческим телом), невозможность рассмотрения тела человека как имущества).

Уровень признания соматических прав в различных государствах неодинаков. В нижеприведенной таблице показано состояние закрепления соматических прав в украинском законодательстве.

В итоге отметим, что категория соматических прав должна найти свое место в рамках теории и философии права, антропологии и социологии права.

	Право	Законодательное закрепление
1.	право на жизнь	закреплено ст. 27 Конституции Украины. Охраняется уголовно-правовыми запретами
2.	право на целостность личности (физическую и психическую целостность)	отсутствует прямое закрепление, косвенно закреплено Основами законодательства Украины о здравоохранении
3.	право на внешность	
3.1.	право на неповторимость внешнего вида	косвенное закрепление в. 121 Уголовного кодекса Украины
3.2.	право на изменение внешнего вида	частично урегулировано приказом Министерства здравоохранения СССР от 28.12.1982 г. N 1290 «О мерах по совершенствованию предоставления косметологической помощи населению»
4.	права на донорство	закреплено ст. 46-47 Основ законодательства о здравоохранении, в. 290 Гражданского кодекса Украины, Законом Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человеку»
4.1.	право на трансплантацию тканей и органов от живого донора	закреплено ст. 12-14 Закона Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человеку»
4.2.	право на трупную трансплантацию	закреплено ст. 16 Закона Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человеку»
4.3.	презумпция согласия на трупное донорство	отсутствует
5.	сексуальные права человека	отсутствует прямое закрепление
5.1.	свобода выбора сексуального партнера	отсутствует прямое закрепление
5.2.	право на добровольные сексуальные контакты	косвенное закрепление путем запрета сексуальных домогательств и наказания за преступления, посягающие на половую свободу
5.3.	право на вступление в брак	закреплено ст. 51 Конституции Украины
5.4.	легальность проституции	отсутствует
5.5.	оборот порнографической продукции	запрещен ст. 2 Закона Украины «О защите общественной морали»
5.6.	право на выбор сексуальной ориентации	отсутствует прямое закрепление. Косвенно признается наличие такого права

	Право	Законодательное закрепление
6.1.	право на искусственное оплодотворение	закреплено ст. 48 Основ законодательства об охране здоровья
6.2.	право на суррогатное материнство	косвенно закреплено в ст. 48 Основ законодательства об охране здоровья и ст. 123 Семейного кодекса Украины, ст. 281 Гражданского кодекса Украины
6.3.	право на искусственное прерывание беременности	закреплено ст. 50 Основ законодательства о здравоохранении, в. 281 Гражданского кодекса Украины
6.4.	право на контрацепцию	отсутствует прямое закрепление. Косвенно признается наличие такого права
6.5.	право на стерилизацию	закреплено ст. 49 Основ законодательства о здравоохранении, в. 281 Гражданского кодекса Украины
7.	право на изменение (коррекцию) пола	закреплено ст. 51 Основ законодательства об охране здоровья
8.	право на клонирование	
8.1.	репродуктивное клонирование	запрещено Законом Украины «О запрете репродуктивного клонирования человека»
8.2.	терапевтическое клонирование	не урегулировано
9.	право на медицинское употребление наркотических и психотропных веществ	закреплено ст.ст.21-22 Закона Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах»
10.	право на распоряжение своей жизнью	
10.1.	право пожертвовать своей жизнью	не закреплено
10.2.	эвтаназия	запрещено ст. 53 Основ законодательства о здравоохранении, в. 281 Гражданского кодекса Украины

Нельзя не согласиться с В. И. Крусс, указывающего на назревшую необходимость перейти от исследования отдельных, более или менее узких фрагментов, к фундаментальному комплексному анализу проблем соматических прав в целях выработки не только научного, но и общего нормативного решения¹. Антропологический подход к этой категории прав человека, как представляется, способен выдвинуть реально, а не декларативно, в центр правовой системы человека, способствует смещению акцентов при его изучении с социоцентрической на персоноцентричную концепцию.

¹ Крусс, В. И. (2000). Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хесле. *Медицина, этика, религия и право*. Москва, 174.

Литература:

---

1. Крусс, В. И. (2000). Личностные («соматические») права человека в конституционном философско-правовом измерении: к постановке проблемы. *Государство и право*, 10, 43-50.
2. Старовойтова, О. Э. (2006). *Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ*: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург.
3. Лаврик, М. А. (2005). К теории соматических прав человека. *Сибирский юридический вестник*, 3, 16-26.
4. Ковлер, А. И. (2002). *Антропология права*. Москва: Норма.
5. Абашидзе, А. А., Солнцев, А. М. (2009). Новое поколение прав человека: соматические права. *Московский журнал международного права*, 1, 69-82.
6. Головистикова, А. Н., Грудцына, Л. Ю. (2006). *Права человека*. Москва: Эксмо.
7. Цалиев, А. М., Сланов, О. Т. (2008). Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав. *Право и политика*, 2, 400-403.
8. Крусс, В. И. (2000). Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хелле. *Медицина, этика, религия и право*. Москва, 171-189.

Olga Rybak

ERLEDIGUNG DES RECHTSHILFEERSUCHENS UND DAS KONZEPT DER ORDER PUBLIC

The concept of the order public (public policy) and its main features, abidance of an order public (public policy) in the execution of a letter of request and classification peculiarities of a letter of request by the parties and types of a participation are analyzed in the article. The approaches of a various scholar to the definition of the «order public» are dealt with. The author focuses on the analysis of judicial decisions which deal with the issue of compliance with a order public main principles and a consequences of it not abidance (not compliance with this principle).

I. Problemstellung (Einleitung). Die Schwierigkeit der Anerkennung des Begriffes „Ordre Public« stammt aus seiner Rechtsnatur. Was demzufolge die Verletzung der Staatspolitik darstellt, ist die Frage, die in jedem einzelnen Fall unabhängig beantwortet werden sollte. Als Ziel der Errichtung der öffentlichen Ordnung wird der Schutz der fundamentalen Werte des Rechtssystems eines Landes angenommen, z.B. das Land der Erledigung des Rechtshilfeersuchens. Die Prozesshandlungen bzw. deren Erledigung dürfen auf keine Weise die innere oder internationale Ordre Public stören.

Die Internalisierung weist immer häufige Ersuchen beim Zivilinstitut des Prozessrechtes für Rechthilfe auf, und selbst die Realisierung des Prozessrechtes demonstriert auch einige praktische Probleme.

Ziel der Verfassung dieses Artikels ist die Untersuchung des Konzeptes der öffentlichen Ordnung, sowie auch die Analyse der einzelnen Gerichtssachen, die mit dem internationalen Bestandteil und mit Arten und Besonderheiten des Institutes für Rechtshilfe der gerichtlichen Behörden eines ausländischen Staates belastet ist.

II. Darlegung des Grundstoffes und bisherigen Kommentare

1. Folgen der Erledigung eines Rechtshilfeersuchens.

Das Rechtshilfeersuchen ist ein Dokument der bestimmten prozessualen Form, das als Instrument für die Gewährung der internationalen Rechtshilfe in Zivil – und anderen Sachen verwendet wird, es ist auch eine Form des Ersuchens um gerichtliche Handlungen bei einer ausländischen gerichtlichen Behörde. Es ist darauf hinzuweisen, dass auch die ersuchte Gerichtsbehörde, das Ersuchen zur Erledigung nur dann entgegen nimmt, wenn es den Grundlagen der staatlichen und öffentlichen Ordnung dieses Staates nicht zuwiderläuft. Die Einhaltung des genannten

Prinzip hat eine große Bedeutung beim Ersuchen um die Rechtshilfe. Als Folgen der Erledigung eines Rechtshilfeersuchens können sich folgende Resultaten ergeben:

- die unverzügliche Erledigung des Rechthilfeersuchens;
- das Rechtshilfeersuchen wird nur teilweise, gemäß der Anforderungen der nationalen Gesetzgebung und internationalen normativen Rechtsakten erledigt (in jenem Teil, wo die Integrität, Ordre Public des Staates nicht verletzt werden);
- die Ablehnung der Erledigung des Rechtshilfeersuchens gemäß den vorhandenen normativen Rechtsgründen (Artikel 12 der Haager Übereinkommen über die Beweisaufnahme im Ausland in Zivil – oder Handelssachen vom 18. März 1970);
- das Rechthilfeersuchen kann nicht angenommen werden, oder an die zuständige Behörde weitergeleitet werden (Artikel 6 der Haager Übereinkommen über die Beweisaufnahme im Ausland in Zivil – oder Handelssachen vom 18. März 1970. Ist die ersuchte Behörde nicht zuständig, so wird das Rechtshilfeersuchen von Amts wegen unverzüglich an die nach den Rechtsvorschriften ihres Staates zuständige Behörde weitergeleitet).

2. Der Begriff der öffentlichen Ordnung und die bisherigen Kommentare

Aus diesen Gründen erlangt die Frage des Wesens der öffentlichen Ordnung ihre Wichtigkeit. Wie Christoph Liebscher vermerkt, könnte man «public policy» (öffentliche, gemeinschaftliche Ordnung) als die Gesamtheit der allgemeinverbindlichen Regeln und Prinzipien charakterisieren, deren Verletzung nicht zulässig sei. Die Verletzungen dieser Regeln und Prinzipien dürften weder vom nationalen Rechtssystem, noch in internationalen Sachen angenommen werden (die Sachen, die mit dem internationalen Bestandteil belastet sind).¹

Im Teil 8, Punkt 12 der Verfügung des Plenums des Obersten Gerichtes der Ukraine vom 24. Dezember 1999, Num.12 „ Zur Praxis der Behandlung von Gerichtsbehörden die Klagen über die Anerkennung und die Erledigung der Beschlüssen der internationalen Gerichtsbehörden und Schiedsgerichten, und über die Aufhebung der gefassten Beschlüssen nach den Regeln des internationalen Handelsschiedsgerichten auf dem Territorium der Ukraine« wird die Ordre Public erklärt. Die Ordre Public sei als rechtliche Ordnung des Staates zu verstehen, deren Grundlagen und Prinzipien den Grund der bestehenden Staatsordnung schaffen

---

¹ Liebscher, Christoph (2003). The Healthy Award: Challenge in International Commercial Arbitration. *Kluwer Law International*, 1, 315.

(sie betreffen die Unabhängigkeit, Integrität, Selbstständigkeit und Immunität des Staates, sowie auch seine Grundverfassungsrechte, Freiheiten, Garantien usw.).¹

Im Kommentar zum Gesetz „Über das internationale Privatrecht“ wird angegeben, dass die Ordre Public aus folgenden Elementen besteht: a) fundamentale Grundprinzipien des nationalen Rechtes der Ukraine, die die imperativen Normen des öffentlichen, privaten und prozessualen Rechtes einschließen; b) allgemein anerkannte Prinzipien der Moralität und Gerechtigkeit, die wichtig für die ukrainische Rechtsordnung sind, und in der ukrainischen Gesellschaft herrschen; c) gesetzliche Interessen der ukrainischen natürlichen und juristischen Personen, des ukrainischen Staates und der ukrainischen Gesellschaft, deren Schutz die Aufgabe des ukrainischen Rechtssystems darstellt; d) allgemein anerkannte Prinzipien und Normen des internationalen Rechtes, die als Bestandteil des ukrainischen Rechtssystems gelten, sowie auch die internationalen rechtlichen Standards der Menschenrechten.²

Unter der öffentlichen Ordnung sollte man aus unserer Sicht die offiziell angenommene Rechtsordnung des Staates, Grundprinzipien und Grundlagen, die die Basis der bestehenden Staatsordnung errichten verstehen (sie betreffen die Unabhängigkeit, Integrität, Selbstständigkeit und Immunität des Staates, sowie auch seine Grundverfassungsrechte, Freiheiten, Garantien usw.).

Der Inhalt des geklärten Begriffes umfasst folgende Bestandteile:

- grundlegende Prinzipien des inneren und internationalen Rechtes;
- die Einhaltung der Verfassungsrechte und der grundlegenden gesetzlichen persönlichen Interessen.

Es gibt das positive und das negative Konzept der öffentlichen Ordnung. Die Anwendung des negativen Konzeptes lässt sich meistens bei der Erledigung des Rechtshilfeersuchens einer ausländischen Behörde finden, weil sich dieses Konzept auch durch die Existenz der Rechtsprinzipien zu Stande kommt.

¹ Die Verfügung des Plenums des Obersten Gerichtes der Ukraine vom 24. Dezember 1999, Num.12 „Zur Praxis der Behandlung von Gerichtsbehörden die Klagen über die Anerkennung und die Erledigung der Beschlüssen der internationalen Gerichtsbehörden und Schiedsgerichten, und über die Aufhebung der gefassten Beschlüssen nach den Regeln des internationalen Handelsschiedsgerichten auf dem Territorium der Ukraine“. <<http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/194B10EBE603EBE0C2256CA6004DAC62?OpenDocument&CollapseView&RestrictToCategory=194B10EBE603EBE0C2256CA6004DAC62&Count=500&>>

² Dowgert, A. (2008). *Das internationale Privatrecht. Der wissenschaftliche praktische Kommentar zum Gesetz*. Kharkiv: TOW «Odisej», 98.

3. Erledigung des Rechtshilfeersuchens und das Konzept der *Ordre public*

Man unterscheidet auch die innere und internationale *Ordre Public*. Die innere *Ordre Public* gehört zum nationalen System des Zivilrechtes, sie heißt *ordre public interne* und bezieht sich ausschließlich auf Sachen ohne internationales Bestandteil. Die internationale *Ordre Public* betrifft den Schutz der Rechte und Interesse des Staates in Sachen, an denen die ausländischen Subjekte teilnehmen.¹ Um das Vorhandensein der genannten Begriffe geht auch in der wissenschaftlichen Erforschung von Krochalew S. W. Auf solcher Weise werden von französischen Richtern die imperativen Normen, deren Anforderungen die Individuen weder mit ihren Handlungen noch in Verträgen vermeiden (ausschließen) dürfen, als Anforderungen an innere *Ordre Public* verhandelt. Die internationale *Ordre Public* unterscheidet sich im Bereich der privaten Verhältnisse mit dem ausländischen Bestandteil durch den wesentlich engeren Inhalt.²

Es lässt sich ein unmittelbarer Zusammenhang zwischen der Einhaltung des Prinzips der öffentlichen Ordnung und der Erledigung des Rechtshilfeersuchens feststellen. Wenn dieses Prinzip verletzt wird, entsteht unmittelbar die Möglichkeit für die Ablehnung der Erledigung des Rechtshilfeersuchens.

Wenn wir zum Beispiel die Erfahrung von Kanada analysieren, so hätten wir sofort darauf hinzuweisen, dass die zuständigen Behörden in Kanada die Rechtshilfeersuchen nicht erledigt werden, falls sie:

– *Ordre Public* von Kanada durch den Gegenstand des ausländischen Ersuchens, oder durch die Natur und den Umfang der angefragten Nachweise verletzen.

Es wird auch von der zuständigen Behörde verhandelt werden, ob das übermittelte Gesuch den Verfassungsrechten des Zeugen nicht zuwiderläuft, ob die Rechte der dritten Personen nicht verletzt werden (z.B., wenn die Sache eine medizinische Dokumentation betrifft), ob durch dieses Gesuch die dritten Personen mehr als durch kanadische Gesetzgebung nicht belastet werden.³

---

¹ Steiner, S. (2012). *Public Policy as ground for refusal of recognition of foreign arbitral awards with special Focus on Austria and Hungary*, 15-16.

² Крохалев, С. В. (2005). *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе: Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 17.

³ Grandpré, Vincent M. de and Brierley, Alyssa (student-at-law), *Torys LLP What you should know about enforcing Foreign letters rogatory in Canada?* <http://www.cba.org/cba/cle/PDF/IP10_deGrandpre_paper.pdf>

Andere Frage, die durch die Problematik der öffentlichen Ordnung auftritt, ist das spezielle Recht auf Datenschutz. Als Beispiel könnte man die Sache von «CSI Wireless» (Kanada) anführen: als an König`s Gericht von Albert das Ersuchen um Prozesshandlungen übermittelt worden war, das das Recht auf Datenschutz zwischen dem Rechtsanwalt und seinem Kunden störte. Die zuständige Behörde von Kanada hat das Ersuchen abgelehnt, da es gegen kanadische Ordre Public verstoße, und hat das Recht auf Datenschutz zwischen dem Rechtsanwalt und seinem Kunden als quasi Verfassungsstatus definiert.¹

Die beedete schriftliche Aussage hätte etwaige Fragen der zuständigen Behörde bezüglich des Rechtshilfeersuchens zu klären, falls das Rechtshilfeersuchen gegen die Integrität oder Ordre Public von Kanada verstoße. Das ausländische Gesuch darf nur dann erledigt werden, wenn es die Ordre Public des ersuchten Staates und seine Rechtsordnung nicht stört, Schäden beim Staat oder seinen Bürgern und deren und zu kennen Rechten führt. Beim weiteren Analysieren der Gerichtspraxis könnte man noch einen Vorfall erwähnen, als in den Vereinigten Staaten von Amerika das Rechtshilfeersuchen abgelehnt worden war. Grundlage der Ablehnung war folgende: da die Person in USA beklagt worden war, sollten die ersuchten Beweise gegen diese Person bei amerikanischen Behörden angewendet werden.²

III Die Arten des Rechtshilfeersuchens

1. Die allgemeine Klassifikation des Rechtshilfeersuchens

Von großer Bedeutung sind auch die Arten des Rechtshilfeersuchens. Nach unserer Meinung hat die Klassifizierung der Rechtshilfeersuchen nach Unterarten gemäß Subjektgruppen eine wesentliche theoretische und praktische Bedeutung. In der Praxis benötigt man ziemlich oft die Schwierigkeiten beim Vernehmungsverfahren für einige Personen gelöst zu haben, wenn diese keine der Parteien im Zivilprozess vertreten. Man müsse dabei die Aussagen von diesen Personen unbedingt erlangen, weil sie über bestimmte Information oder Beweise verfügen, die für die erörternde Sache von großer Bedeutung sind.

Nach allgemeinen Regeln betrifft das Gesuch um die Rechtshilfe gerade die Personen, das Erlangen der Beweise und die Übergabe der Unterlagen. Im Ganzen kann man die Rechtshilfeersuchen, die sich auf Personen beziehen, in zwei allgemeine Gruppen einteilen (allgemeine Klassifikation):

¹ *CSI Wireless LLC v. Harris Canada Inc.* (2003), 342 A.R. 57 (Q.B.) [CSI Wireless] at para. 55.

² *Bonnie Roberts Enforcing letters rogatory in Canada.* <<http://apps.americanbar.org/buslaw/newsletter/0044/materials/pp1.pdf>>

– nach Streitparteien, die an dem Zivilprozess bereits beteiligen sind, d.h. die ersuchten Prozesshandlungen sollten gegen betroffene Partei/Parteien unternommen werden (z.B. gegen den Beklagten);

– nach weiteren Prozessmitgliedern, die keine der Streitparteien darstellen (weder den Kläger noch den Beklagten).

2. Die Klassifikation des Rechtshilfeersuchens nach Kriterien des Subjektbestandes

Aus dieser Sicht möchten wir folgende erweiterte (detaillierte) Klassifikation der Unterarten des Rechtshilfeersuchens nach Kriterien des Subjektbestandes anbieten. Die klassifizierten Unterarten der Rechtshilfeersuchen gelten für die betroffenen Personen wie im nationalen, so auch im internationalen Zivilprozess:

– Rechtshilfeersuchen um Durchführung der Prozesshandlungen, die die Parteien im Zivilprozess betreffen;

– Rechtshilfeersuchen, die sich auf die dritten Personen beziehen;

– Rechtshilfeersuchen, die sich auf die Personen oder die entsprechenden Machtorgane beziehen, die gesetzlich zum Schutz der Rechte und Interessen der anderen Personen bevollmächtigt sind.

Die Entgegennahme der Zeugenaussagen als eine Art der Prozesshandlungen betrifft auf dieser Weise wie die Prozessparteien, so auch die Personen, die keine der Prozessparteien vertreten, worum eigentlich im Rechtshilfeersuchen handelt. Die Vernehmung dieser Personen gemäß dem Rechtsersuchen ist nicht verboten, falls sie mit wichtigen Tatsachen vertraut sind, oder über einige Dokumente verfügen, deren Übergabe zur Anwendung im bereits unternommenen Zivilprozess notwendig ist.

Die Anforderung der Beweisaufnahme oder der Entgegennahme der Aussagen kann sich nicht nur auf die Prozessparteien (auf den Kläger oder den Beklagten), sondern auch auf dritte Personen beziehen.

Daneben gibt es in der kanadischen Gesetzgebung solche Bestimmungen, die etwas anders als die beschriebene Situation regeln. Für die Vernehmung einer Person, die keine Prozessparteien ist, sollte eine Erlaubnis besorgt werden, und diese Person ist vorher entsprechend zu benachrichtigen. Dieses Abwicklungsverfahren ist nur im Fall zu verwenden, wenn das Gericht anerkennt, dass die klagende Person die Information auf anderer Weise und von anderen Personen, oder von anderen zu vernehmenden Personen nicht erhalten könne.¹

---

¹ *The Sedona Canadatm commentary on enforcing letters rogatory issued by an american court in Canada: best practices & key points to consider. A Project of The Sedona Conference* (2011). Working Group 7 (“Sedona Canadatm”). Public Comment Version, 6.

3. Die Klassifikation der Rechtshilfeersuchen nach Unterarten anbieten

Aufgrund der Analyse des Institutes der prozessualen Mittäterschaft können wir folgende Klassifikation der Rechtshilfeersuchen nach Unterarten anbieten. Die Rechtshilfeersuchen um die Übergabe der Unterlagen an Prozessparteien oder um die Entnahme der Aussagen lassen sich in folgende Unterarten, abhängig von der Art der prozessualen Klägern (abhängig davon, welche der Parteien der Mittäter vertritt) einteilen:

- das Rechtshilfeersuchen, das bei der passiven Kläger verwendet wird (Mehrheit von Beklagten);
- das Rechtshilfeersuchen, das bei der gemischten Kläger verwendet wird.

Es ist auch zu betonen, dass das Rechtshilfeersuchen von jeder gerichtlichen Behörde gestellt werden kann, die diese Sache behandelt. Das Rechtshilfeersuchen darf nicht von dem Kläger initiiert werden, weil das Rechtshilfeersuchen um die Prozesshandlungen im internationalen Zivilprozess lediglich die Subjekte (den Kläger und den Beklagten) angeht, die sich außer der Gerichtsbarkeit dieser Behörde befinden. Auch wenn es die Notwendigkeit auf die Beweisaufnahme im Ausland besteht, wird natürlich das Rechtshilfeersuchen nicht an Kläger weitergeleitet, sondern die betroffene Behörde soll die Stellung des Rechtshilfeersuchens übernehmen.

4. Schlussbemerkung.

Das internationale Ersuchen wird als erledigt werden, falls es nicht gegen die Ordre Public der Gerichtsbarkeit des Staates verstößt, zu keinen Schäden beim Staat und seinen Bürgern nicht führt, und ihre Rechte nicht verletzt. Es gibt einen direkten Zusammenhang zwischen der Einhaltung des Prinzips order public und der Erledigung des Rechtshilfeersuchens, und insbesondere wird dieser Zusammenhang beim Analysieren der gerichtlichen Praxis klar, als die Rechtshilfeersuchen von zuständigen Behörden auf dem Grunde deren Verstoß gegen die Ordre Public abgelehnt worden waren. Aus dieser Erfahrung lässt sich die Existenz der Präsomption der Nichtwiderspruch der öffentlichen Ordnung abwickeln. Der Begriff „Ordre Public« ist breiter als der Begriff „internationale Ordre Public«.

Die ersuchte Beweisaufnahme soll lediglich für die Zwecke der effizienten Sachverhandlung verwendet werden. Die Rechtshilfeersuchen können noch in Gruppen nach dem Subjektbestand (Personen, die Sache beteiligen/ und Personen, die zur Sachverhandlung beitragen), und nach der Kläger im Zivilprozess eingeteilt werden. Als unmöglich gilt das Rechtshilfeersuchen um die Einbeziehung einer Person zur Sache bei

der aktiven Mittäterschaft, weil ein Rechtshilfeersuchen um die Prozesshandlungen selbst den Kläger nicht betreffen kann (der Kläger befindet sich in der Gerichtsbarkeit der Behörde, von der diese Sache verhandelt wird, und das Rechtshilfeersuchen wird ausschließlich um jene Prozesshandlungen gestellt, die der Gerichtsbarkeit einer anderen Behörde unterliegen).

Die Klassifikation der Personen betreffenden Rechtshilfeersuchen hat eine praktische Bedeutung (die uns die gerichtliche Erfahrung aus Kanada und USA zeigt) bei der rechtlichen Ausgestaltung oder bei der Entnahme der Aussagen bei Prozessparteien oder bei Nichtbeteiligten. Das gibt uns recht, das Existieren von zwei Gruppen und dementsprechend von zwei besonderen Verfahren der Beweisaufnahme, der Entnahme der Aussagen bei beteiligten und nicht beteiligten Personen, zu behaupten.

Auflistung der verwendeten Quellen

---

1. Liebscher, Christoph (2003). *The Healthy Award: Challenge in International Commercial Arbitration*. *Kluwer Law International*, 1, 315.
2. Die Verfügung des Plenums des Obersten Gerichtes der Ukraine vom 24. Dezember 1999, Num.12 „Zur Praxis der Behandlung von Gerichtsbehörden die Klagen über die Anerkennung und die Erledigung der Beschlüssen der internationalen Gerichtsbehörden und Schiedsgerichten, und über die Aufhebung der gefassten Beschlüssen nach den Regeln des internationalen Handelsschiedsgerichten auf dem Territorium der Ukraine«. <<http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/194B10EBE603EBE0C2256CA6004DAC62?OpenDocument&CollapseView&RestrictToCategory=194B10EBE603EBE0C2256CA6004DAC62&Count=500&>>
3. Dowgert, A. (2008). *Das internationale Privatrecht. Der wissenschaftliche praktische Kommentar zum Gesetz*. Kharkiv: TOW «Odissej», 98.
4. Steiner, S. (2012). *Public Policy as ground for refusal of recognition of foreign arbitral awards with special Focus on Austria and Hungary*, 15-16.
5. Крохалев, С. В. (2005). *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе: Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. Екатеринбург, 17.
6. Grandpré, Vincent M. de and Brierley, Alyssa (student-at-law), *Torys LLP What you should know about enforcing Foreign letters rogatory in Canada?* <http://www.cba.org/cba/cle/PDF/IP10_deGrandpre_paper.pdf>
7. *CSI Wireless LLC v. Harris Canada Inc.* (2003), 342 A.R. 57 (Q.B.) [CSI Wireless] at para. 55.
8. *Bonnie Roberts Enforcing letters rogatory in Canada*. <<http://apps.americanbar.org/buslaw/newsletter/0044/materials/pp1.pdf>>
9. *The Sedona Canada™ commentary on enforcing letters rogatory issued by an american court in Canada: best practices & key points to consider. A Project of The Sedona Conference* (2011). Working Group 7 («Sedona Canada™»). Public Comment Version, 6.
10. Federal rules of civil procedure (FRSP), USA 1938 (as amended to December 1, 2013). <<http://www.law.cornell.edu/rules/frcp/>>

Сергей Витвицкий, к.ю.н.

ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

The author of a comprehensive study of the problem of the historical development of the institution of state control. Disclosed the relationship functioning of the institutions of state control and civil society institutions. Based on the study, the state apparatus must, first of all, to create mechanisms to coordinate state and society that will ensure the effectiveness of state control, its effectiveness. The author determines that the control relations in modern society should be seen primarily as legal. Control plays a significant role in the activities of the state, should be carried out within the framework of procedural and substantive law.

Комплексное исследование такой масштабной и значимой проблемы, как совершенствование правовых основ контрольных механизмов, невозможно без применения исторического метода. Принцип историзма предполагает рассмотрение существующих государственно-правовых явлений не только под углом зрения их настоящего, но и с позиций их прошлого и будущего. Актуальность исследования обусловлена и тем фактом, что современные правовые реалии во многом определяются правовым прошлым. В свою очередь, правовые реалии сегодняшнего дня в значительной степени предопределяют завтрашний день права¹. Таким образом, историко-правовой метод позволяет ответить на вопросы, касающиеся причин возникновения того или иного государственно-правового явления, условий их развития в прошлом и настоящем, основных перспектив и тенденций их эволюции в будущем.

Следует констатировать тот факт, что в сфере права термин «контроль» определяется по-разному: как средство и гарант обеспечения законности, как форма осуществления управленческой функции, как стадия управленческого цикла, как деятельность исполнительных органов, как регулятор общественных отношений, институт, правомочие и т.д. Сущность его состоит в том, что субъект управления осуществляет с точки зрения законности и целесообразности учет и проверку того, как управляемый выполняет установленные нормативными правовыми актами предписания, правила, ограничения, а в случае выявления нарушений может применить меры административного принуждения. Исходя из вышеуказанного, контроль

¹ Ялбулганов, А. А. (2001). Зарождение государственного контроля в России во второй половине XVII-XVIII вв. (историко-правовое исследование). *Государство и право*, 10, 89.

представляет собой один из важнейших каналов получения объективной информации о жизни общества в целом, о тех политических, экономических и социальных процессах, которые происходят в государстве, о деятельности его органов власти и управления¹.

Исторический анализ свидетельствует, что зарождение такого феномена, как «государственный контроль» по мнению отдельных специалистов, имеет более чем тысячелетнюю историю². Так, А. Андрухович видит в ней систему счетоводства и контроля, уходящую своими корнями в Древнюю Русь³. А. Тарасов также считает, что в данный период шло зарождение и совершались первые шаги формирования и развития государственного контроля, но еще не было сложившейся системы. Полагаем, более правильно говорить о становлении органов управления на Руси в ходе первых правовых реформ, проводимых княжеской администрацией периода XI-XIV вв.⁴

После объединения Руси вокруг Москвы создаются специальные учреждения для руководства хозяйственными делами – приказы. В свою очередь, З. Ключевский отмечает, что Судебник 1497 г. отражает приказы в период их превращения из личных поручений в постоянные ведомства⁵. Н. Платонова считает, что в России государственный контроль зародился с образованием централизованного государства⁶. Однако только с XVII в. появляется государственный контроль, главным образом в виде финансового. Большинство действовавших в XV-XVII вв. в Российском государстве приказов в той или иной мере наделялись функцией финансового управления и, следовательно, контрольными полномочиями. Таким образом, о зарождении контроля в России и начале его формирования как отдельного института государственного механизма следует вести речь с момента появления первых приказов⁷. Некоторые ученые считают,

¹ Пахомова, Г. Н. (1994). Реформы государственного контроля. *Контроллинг*, 2, 39.

² Белов, Н. Г. (1988). *Контроль и ревизия в сельском хозяйстве*. Москва: ВО Агропромиздат.

³ Андрухович, А. (1997). Единство триады: счетоводство, отчетность, контроль. *Президентский контроль. Информационный бюллетень*, 1, 75.

⁴ Тарасов, А. М. (2002). Становление и развитие государственного контроля на Руси (дооктябрьский период). *История государства и права*, 2, 6.

⁵ Ключевский, В. О. (1988). *Курс русской истории: Сочинение: в 9 т., 2*. Москва, 317.

⁶ Платонова, Н. В. (2000). *Государственный контроль (фискалите) в России русское общество в первой четверти XVIII века*: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 72.

⁷ Петров, К. В. (2000). *Приказная система управления в России в конце XV-XVIII в.*: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 72.

что история контроля датируется образованием Главного управления ревизии государственных счетов от 28 января 1811 г. В 1836 г. Главное управление ревизии государственных счетов было преобразовано в Государственный контроль. Таким образом, институт государственного контроля в России оформился организационно и получил юридическое закрепление. Полагаем, что есть все основания именно с 1836 г. вести отсчет деятельности государственного контроля в Российском государстве, который берет свое начало в качестве финансового.

Государственный контроль распространял свои полномочия на все государственные учреждения, обладающие денежными средствами, которые должны были отчитываться перед Государственным контролем о сделанных ими финансовых операциях. Исследование данного исторического этапа обнаруживает, что «государственный контроль, задумывался как противодействие безответственности бюрократии, как узда, способная удержать чиновников от бесконтрольного расходования и разворовывания бюджетных денег»¹. Нужно отдельно заметить, что кредитные учреждения, воспитательные дома и другие благотворительные заведения, находившиеся под патронажем императора и императрицы, изымались из-под государственного контроля. Государственный контроль в начале своей деятельности переживал значимые трудности. Так, например, не был закреплен законодательно перечень документов, которые следовало контролировать.

Для ревизии деятельности местных государственных органов в распоряжение государственного контроля привлекались казенные палаты. С самого начала счетные отделения казенных палат должны были войти в ведение Государственного контроля. Этого не произошло, и контроль не имел своих структур на местах.

В 1862 г. в период реформ Государственный контроль подвергается коренным преобразованиям. На этот орган возлагается наблюдение за законностью и правильностью распорядительных и исполнительных действий по приходу, расходу и хранению капиталов, находившихся в распоряжении отчетных перед ним государственных учреждений.

«Образование государственного контроля» 1836 г. к 70-м годам XIX в. совершенно устарело и не отвечало современным усло-

¹ Владимирова, О. В. (2003). *Государственный финансовый контроль России в XVII-XIX вв. (историко-правовое исследование)*: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 28.

виям, что, в свою очередь, порождало вопрос об издании нового законодательного акта о Государственном контроле.

В 1889 г. был подготовлен проект «Учреждения государственного контроля». После переработок и согласований, рассмотрения в Государственном совете он «удостоился Высочайшего утверждения» и вступил в действие 28 апреля 1892 г.

После 1901 г. каких-либо существенных изменений в структуре Государственного контроля более не проводилось, если не считать создания временных комиссий по проверке расходов, связанных с Русско-японской и Первой мировой войнами.

После Октябрьской революции Государственный контроль был заменен Центральной контрольной коллегией, формируемой ВЦИК (решение от 14 ноября 1917 г.), а местные контрольные палаты – учетно-контрольными коллегиями, создаваемыми местными советами¹.

В результате установилась новая общественно-экономическая формация, новые отношения государственной власти и народа. Появились новые формы самоорганизации общества, которые стали основой государственной власти, – Советы народных депутатов. И что еще важнее, осуществился прорыв в формировании народного контроля и участия народа в управлении всеми сторонами экономического производства, быта и социального развития.

Советское общество и государство предложили свой вариант организации контроля, посредством чего был накоплен огромный опыт не только контрольно-ревизионной работы, но и привлечения и обучения страны делу управления государством.

К концу 1919 г. фактически в государстве функционирует три системы контроля: народный комитет госконтроля, ведомственные контрольные органы при главках, центрах, рабоче-крестьянские инспекции. Выполняемые ими функции нередко пересекались.

Последующий этап формирования государственного контроля приводит к экономическому развитию состояния СССР до 1940 года. Реформирование данной структуры происходит также в 1946 г., 1956 г., 1961 г., 1977 г., о чем свидетельствуют Законы и положения, принятые в это время.

В связи с возникновением путаницы в полномочиях контролирующих органов, дуближе, возникает необходимость разделения контрольных функций в государстве. Часть контрольных полномочий государство стремится передать непосредственно народу.

---

¹ Шахов, И. Б. (1987). *Контроль как правовая форма деятельности*. Москва.

В результате чего возникает народный контроль, который на первый взгляд содержал черты общественных и государственных начал. Вместе с тем он имеет черты государственной функции. Его основой является воля партийно-государственного аппарата, выраженная в правовых актах и проводимой политике и вбирании в себя всех основ жизнедеятельности общества. На лицо проблема обеспечения баланса власти и свободы, поскольку, с одной стороны, реальная свобода личности невозможна вне сильной государственности, с другой – сильное государство, не обеспечивающее последовательную защиту свободы, обречено на вырождение в тоталитарный режим¹. Данное явление было свойственно советской действительности.

Начало формированию общественного контроля в СССР было положено созданием в 1957 г. Комиссии советского контроля Совмина СССР.

Конституция 1977 г.² закрепила в ст. 9, что усиление народного контроля является одним из основных направлений развертывания социалистической демократии, а в ст. 48 закреплено право граждан СССР на участие в управлении государственными и общественными делами.

Основными направлениями деятельности органов народного контроля являлось: контроль за выполнением государственных планов экономического и социального развития и плановых заданий, выявление резервов народного хозяйства, повышение эффективности общественного производства и качества работы, внедрение в производство достижений науки и техники. Они призваны добиваться экономичного использования трудовых и материальных ресурсов, денежных средств, рационального использования и улучшения охраны природных ресурсов, борьбы с нарушениями государственной дисциплины, ведомственного подхода к делу, бесхозяйственностью и расточительством, волокитой и бюрократизмом, любыми попытками обмана государства, посягательствами на социалистическую собственность.

Государственный и народный контроль закрепленный Конституцией СССР практически без изменений просуществовал до 1991 года.

Таким образом, советскому обществу, достигшему относительно благополучия, так и не удалось отстоять систему самоуправления

¹ Чиркин, В. Е. *Государствоведение*. Москва, 359.

² *Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР* (1978). Москва, 21-22.

и действенного контроля «низов» над «верхами», без эффективной работы, которой оно оказалось беззащитным перед диктатурой партийных вождей и всевластием партийно-государственной элиты.

Реформы начала 90-х годов XX в. положили начало глубочайшим социальным и политическим изменениям. Возникает угроза автократии, когда правящая элита начинает задумываться только о лично-корыстных интересах. Общество, преодолевая экономические трудности, повышало свое самосознание. Гарантией реализации прав и свобод граждан в постиндустриальном обществе является функционирование институтов гражданского общества.

Гражданское общество является основой существования правового государства, а государство является правовым потому, что общество не дает ему выйти из этих рамок и всегда имеет возможность отстаивать свою свободу от государственного вмешательства.

Современное государство функционирует по аналогии с административным учреждением, и то, как понимается осуществление контроля государственными административными органами и контроль деятельности государственных административных учреждений, – одно из последствий происходящих изменений. Технические методы и приемы контроля в современном государстве отражают скорее маркетинговые принципы, нежели рациональность закона. Отсюда – приемлемость стимулирующих инструментов, наиболее эффективно работающих в таких условиях.

В обществе все очевиднее факт тотального электронного наблюдения¹. Защитники гражданских прав утверждают, что гарантий невмешательства органов государственного контроля в частную жизнь простых граждан теперь явно недостаточно.

У современного государства возникают несвойственные ему функции, что тем самым приводит к дисфункциональности. Государственное развитие должно идти по пути минимизации функций, возрастания организационного потенциала и сокращения контрольно-ревизионной деятельности. Чем меньше государство надзирает и контролирует, чем больше доверяет обществу, тем сильнее государство и легитимность его деятельности. Сокращение контрольно-ревизионной деятельности, возрастание организационного потенциала и минимизация функций – все это придает государственной власти свойство легитимности.

---

¹ Сунгуров, А. Ю. (2006). Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решения. *Публичная политика*. Санкт-Петербург.

Еще одной тенденцией является усиление публичных начал в государстве, что проявляется в выделении некоторыми учеными контрольной ветви власти. Контроль трансформируется в самостоятельную ветвь власти¹. Это видно и по требованиям высших органов государства, и по законодательному оформлению организационной самостоятельности контрольных органов, приданию им автономного характера, выделению особых органов в структуре государственного управления.

Большинство исследователей исходят из того, что контроль должен функционировать, прежде всего, как эффективный инструмент стабилизации всех ветвей власти, средством обеспечения их воздействия на общество. Контроль (президентский, парламентский, правительственный, ведомственный) призван сегодня сохранять автономность и самостоятельность ветвей власти, и служит средством обеспечения системы «сдержек» и «противовесов»; предотвращает выход властных структур за пределы действия разрешительного порядка действий той или иной из них².

Чтобы контроль в системе управления стал более эффективным, необходимо блокировать возможные негативные тенденции при осуществлении контрольных функций. Одна из таких тенденций – увеличение роли контрольных функций, которая выражается в обособлении, автономизации контрольных функций, их превращении из вспомогательных в основные. Так, вместо того чтобы обслуживать производство, контроль подчиняет его себе. Как это ни парадоксально, но уже производство начинает обслуживать систему контроля. Тенденция к обособлению и преувеличению роли контрольных функций вызвана избытком власти и недостатком ответственности у контролирующих инстанций.

С другой стороны, реализуя контрольные полномочия, государственный орган должен обладать этими полномочиями в точном значении этого слова. То есть, по сути, данные властные полномочия должны быть обеспечены силой государственного воздействия. В противном случае контроль превращается в фикцию или формальное средство, не отражающее реалий государственно-правовой жизни.

Многообразие форм и средств осуществления контрольной деятельности в современном обществе диктует необходимость

¹ *Парламентський контроль в Україні* (2004). Київ: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова.

² *Судебный конституционный контроль в Украине* (2001). Киев: Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины.

сочетания, комбинирования моделей государственного контроля. Разветвленность действующей системы государственного контроля вызывает необходимость обеспечить правильное сочетание на практике различных видов контроля, четкое разграничение компетенции между многочисленными контрольными органами, координацию их деятельности, а также концентрацию объемной информации, получаемой в результате проведения контроля¹. Решение этих вопросов позволит избежать параллелизма и дублирования в работе органов, осуществляющих контрольную функцию, повысить эффективность контрольных мероприятий.

В современных условиях контроль утрачивает свое профилактическое значение для общества; контроль выступает, как правило, регистратором нарушений, а не инструментом их предупреждения². Данная тенденция объясняется, прежде всего, невозможностью контрольных органов выполнять превентивные функции, а силу содержания их деятельности и в целом карательного уклона проводимых контрольных мероприятий. Основной целью проводимых контрольных мероприятий становится не выявление отклонений, нарушений, профилактика конфликтной среды, а пресечение, ограничение, выражающееся в санкционировании тех или иных поступков.

В юридической науке есть и противоположные мнения. Так, Д. Пожарский отмечает, что в современном государстве контрольная функция – это и сигнализирующий, и сдерживающий фактор, обеспечивающий реализацию функции управления обществом³.

Современный этап развития общества и государства характеризуется определенными изменениями как в сфере государственного управления в целом, так и в сфере осуществления государственного контроля над обществом. Особенным трансформациям подвержен сегодня государственный контроль в социально-экономической и политико-юридической сферах. Государство пытается передать часть контрольных функций самому обществу, пытается сделать работу контролирующих органов открытой, гласной. Естественно, при проведении любой реформы общество и государство сталкиваются с трудностями, которые в рассматриваемой сфере проявляются, прежде всего, в отсутствии собственного правового опыта.

---

¹ Авер'янов, В. Б. (заг. ред.) (2003). *Державне управління: проблеми адміністративно-правової теорії та практики*. Київ, 342.

² Шахов, И. Б. (1987). *Контроль как правовая форма деятельности*. Москва.

³ Пожарский, Д. В. (2003). Контрольно-надзорная деятельность как функция современного государства. *Государственная власть и местное самоуправление*, 4, 33.

Должно пройти время, чтобы механизм заработал, и тогда государство освободится от несвойственных ему функций, а общество будет в постоянном диалоге с властью.

В связи с этими мероприятиями должна решиться одна из проблем организации и функционирования контрольных органов – их множественность. Контрольно-надзорная функция чуть ли не самая обременительная для бюджета государства. Потому что количество людей, работающих в государственных учреждениях и осуществляющих именно контроль и надзор, – это целая армия¹. Данная проблема влечет за собой ряд иных проблем: это дублирование полномочий контрольных органов, нечеткость границ государственного контроля, его неэффективность, отчуждение общества от государства и др.

Помимо передачи обществу части контрольных полномочий запущен механизм создания общественных структур при органах государственной власти, которые должны обеспечить диалог общества и государства. Последнее – залог эффективности государственного контроля.

И. Грошева, рассматривая проблемы социального контроля, выделяет следующие тенденции, характерные для нашего общества. Во-первых, это отсутствие целостности характера и форм социального контроля, что выражается в неадекватности его механизма по отношению к новой социальной обстановке, неспособности адаптироваться к быстрым трансформационным изменениям в социальной структуре. Во-вторых, происходит дезориентация и дезинтеграция ценностно-нормативных основ социального контроля, что приводит к использованию в обществе неинституциональных средств, которые отражают интересы девиантных слоев населения и провоцируют на девиантные поступки населения в целом. В-третьих, происходит декриминализация некоторых форм поведения, ранее считавшихся преступными, что приводит к расширению сферы социального контроля с одной стороны, и смещению центра внимания в сферу самоконтроля – с другой². В целом можно согласиться с автором и признать, что данные проблемы находят отражение и в сфере государственного контроля над обществом.

В современном обществе государственный контроль, призванный сдерживать проявление социальных отклонений, побуждая индивида соблюдать установленные нормы, сам порождает определенные

¹ *Адміністративне право України: підручник* (2000). Харків, 222.

² Грошева, И. А. (2009). Проблема организации социального контроля в России. *Вестник Тюменского государственного университета*, 4, 138.

отклонения. Это вызвано, прежде всего, ростом массива законодательных норм, формализующих, детализирующих сферу государственного управления. Субъект, реализующий данные правовые положения, часто оказывается в ситуации, когда просто не успевает отслеживать те или иные изменения. Мало того, субъект, подпадая практически постоянно в сферу наблюдения государства, начинает противостоять этому. Это совершенно нормальное явление, так как в обществе, где нет согласия, есть сопротивление внешнему контролю, сопротивление стандартам и т.д.

Рассмотренный механизм должен учитывать преемственность государственно-правового развития, умело сочетая данный фактор с новациями, заданными современными реалиями. Государственный контроль играет важнейшую роль в обеспечении данного процесса.

Усиление государства – это, с позиций государственного контроля, отнюдь не развертывание его полицейских функций, а повышение эффективности работы государственного аппарата. Известно, что сегодняшней забюрократизированный и коррумпированный госаппарат не мотивирован на позитивные изменения, а тем более – на динамичное развитие. В результате происходит системное повреждение механизмов принятия общественно значимых решений, поскольку при наличии нескольких возможных альтернатив бюрократия выбирает ту, которая выгодна чиновникам, но не обязательно обществу в целом.

Эффективное и правильное функционирование системы государственного контроля требует достаточно высокого уровня развития гражданского общества и совершенно иного уровня социальной активности и ответственности людей, как обычных граждан, так и лиц, занимающих государственные посты. Исходя из этого, государственный аппарат должен в первую очередь создать механизмы координации общества и государства, что обеспечит эффективность государственного контроля, его действенность. С этой точки зрения государственный аудит является наукой социального оптимизма, поскольку он видит своим конечным «потребителем» не столько профессиональных политиков, сколько простых избирателей, налогоплательщиков, обладающих активной гражданской позицией¹.

Опыт развитых стран показывает, что открытость, прозрачность, подотчетность органов государства обществу является для любой действующей власти одним из эффективных способов получения

---

¹ Калюжный, Р. А. (2009). Организационно-правовые формы обеспечения государственных интересов. *Бюллетень Министерства юстиции Украины*, 4-5, 99-106.

кредита доверия граждан. С этой точки зрения независимый государственный контроль, обеспечивающий общество объективной, надежной и доступной информацией, – один из специальных механизмов обеспечения легитимности власти и подтверждения законности ее действий.

Еще одной проблемой является дисбаланс между усложняющимися проблемами управления и неадекватной ресурсной базой. Можно установить действенную модель государственного контроля, но она не окажется действительной в силу необеспеченности профессиональными кадрами, материально-техническими средствами, либо само общество не будет готово к сотрудничеству с государством либо просто в этом не заинтересовано.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что контрольные отношения в современном обществе следует рассматривать, прежде всего, как правовые. В любом государстве контроль эффективен только в том случае, если в его основе лежат правовые нормы, которые определяют права и обязанности как контролирующего, так и подконтрольных отношений. Контроль, играющий значительную роль в деятельности государства, должен осуществляться в рамках процессуального и материального права.

Проведенный исторический анализ является основой для дальнейших научных разработок в данной сфере. Наличие и эффективность государственного контроля в современных государствах становятся как для власти, так и для населения некими индикаторами результативности действий правительства, характеризующими прочность и стабильность институциональной структуры общества. Ключевыми принципами новой парадигмы социального контроля должны выступить взаимоотношения государства и общества, обеспеченные правовыми механизмами.

Денис Цихоня

СУБЪЕКТЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

The article is devoted to research of particular aspects of the realization of the right to appeal against decisions of the Court of first instance. The main focus is on the analysis of the subject structure features of the appeal right. Analysis of the current legislation allows us to make the conclusion that the subjects of appeal may be persons who participate in the case, and those who were not involved in the case if the Court resolved the issue of their rights and obligations, which suggests that the range of persons who may apply to the Court of appeal is not limited by the law. On the basis of this the questions are analyzed regarding the legal interest of a core group of persons which are involved in the case, also there is defined the legal status of persons who were not involved in the case, but are subject of appeal, if the Court resolved the issue of their rights and obligations.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, т.е. выдвижение на передний план во взаимоотношениях государства и личности именно личности, уважение к личности и ее защита – главные критерии правоустановительной и правоохранительной деятельности государства, определяющие смысл, содержание его деятельности¹.

Конституция Украины, стремясь развивать и укреплять демократическое, социальное, правовое государство, в ст. 3 главной обязанностью государства провозгласила утверждение и обеспечение прав и свобод человека, определяющих содержание и направленность деятельности государства. Права и свободы человека и гражданина, в соответствии с ч. 1 ст. 55 Основного Закона Украины, защищаются судом.

Гарантируя судебную защиту прав и свобод каждому, Конституционный Суд Украины в своем решении от 25.12.1997 г. № 9-зп² признал, что суд не может отказать в правосудии, если гражданин Украины, иностранец, лицо без гражданства считают, что их права

---

¹ Курпас, М. В. (2011). Право на обжалование судебных решений – составной элемент конституционного права на судебную защиту (проблемы реализации, перспективы развития). *Конституционное и муниципальное право*, 12, 16-23.

² Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадян Проценко Р.М., Ярошенко П.П. та інших громадян щодо офіційного тлумачення статей 55, 64, 124 Конституції України (справа за зверненнями жителів міста Жовті Води) від 25.12.1997 року № 9-зп. *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v009p710-97>>

и свободы нарушены или нарушаются, созданы или создаются препятствия для их реализации или имеют место другие ущемления прав и свобод. Отказ суда в принятии исковых и других заявлений, жалоб, оформленных в соответствии с действующим законодательством, является нарушением права на судебную защиту, которое согласно ст. 64 Конституции Украины, не может быть ограничено.

Одним из основных принципов судопроизводства, в соответствии с п. 8 ч. 3 ст. 129 Конституции Украины, является обеспечение апелляционного обжалования решения суда. Конституционный Суд Украины в своем решении от 27.01.2010 года № 3-рп/2010¹ признал право на апелляционное обжалование судебных решений в контексте положений ч. 1, 2 ст. 55, п. 8 ч. 3 ст. 129 Конституции Украины составляющей права каждого на обращение в суд и отметил, что апелляционное обжалование судебного решения возможно во всех случаях, кроме тех, когда закон содержит запрет на такое обжалование.

Одним из условий реализации права апелляционного обжалования является принадлежность лица к кругу субъектов, имеющих право подавать апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции. В связи с чем вопросы, связанные с реализацией права апелляционного обжалования, в частности, с определением круга лиц, имеющих право на обращение в суд с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции, приобретают научно-практический интерес.

В целом, апелляционное обжалование судебных решений традиционно является предметом активных исследований в науке гражданского процессуального права таких ученых как, в частности: М. М. Бородин, Л. Е. Гузь, К. В. Гусаров, М. А. Гурвич, Е. В. Демьянова, А. Ф. Клейнман, В. В. Комаров, В. А. Кройтор, Д. Д. Луспенюк, Р. Н. Минченко, В. И. Тертышников, Д. М. Чечот, Ю. С. Червоный, М. С. Шакарян, П. И. Шевчук, К. С. Юдельсон и др. Несмотря на достаточное количество работ как отечественных так и зарубежных исследователей, многие аспекты данной проблематики продолжают оставаться актуальными и дискуссионными.

Соответственно, целью данной статьи является исследование и анализ проблемных вопросов определения круга лиц, имеющих

¹ Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням гр. Заїченка В.Г. щодо офіційного тлумачення положення п. 18 ч. 1 ст. 293 ЦПК України у взаємозв'язку зі ст. 129 Конституції України (про апеляційне оскарження ухвал суду) від 27.01.2010 року № 3-рп/2010. *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v003p710-10>>

право на апелляционное обжалование решения суда первой инстанции.

Прежде всего следует отметить, что право апелляционного обжалования судебных решений реализуется теми лицами, которым оно предоставлено и, соответственно, за которыми данное право закреплено в нормах гражданского процессуального законодательства. В частности, на законодательном уровне вопрос о субъектах права на апелляционное обжалование разрешен в ст. ст. 13, ч. 1 ст. 292 ГПК Украины. Общие положения о субъектах апелляционного и кассационного производства регламентированы в ст. 13 ГПК Украины, в соответствии с которой лица, участвующие в деле, а также лица, не участвовавшие в деле, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях, имеют право на апелляционное и кассационное обжалование судебных решений в случаях и в порядке, установленных настоящим кодексом.

Ч. 1 ст. 292 ГПК Украины предусматривает, что стороны и другие лица, участвующие в деле, а также лица, не участвовавшие в деле, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях, имеют право обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции полностью или частично. Соответственно, субъектами апелляционного обжалования могут быть как лица, участвующие в деле, так и лица, не участвовавшие в деле, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях, что свидетельствует о том, что круг лиц, которые могут обратиться в суд с апелляционной жалобой, законодательством не ограничен.

Основную группу субъектов апелляционного обжалования составляют лица, участвующие в деле. Состав лиц, участвующих в деле, на законодательном уровне определен в ст. 26 ГПК Украины. Системный анализ положений указанной статьи дает возможность прийти к выводу, что лицами, участвующими в деле, являются: 1) стороны, третьи лица, представители сторон и третьих лиц – по делам искового производства; 2) заявители, другие заинтересованные лица, их представители – по делам приказного и особого производства. Понятие «другие заинтересованные лица», как справедливо отмечается в доктрине гражданского процессуального права, носит собирательный характер, поскольку охватывает всех лиц, прав, свобод и интересов которых в той или иной мере может касаться принятое по делу особого производства решение¹. Ч. 3 ст. 26

---

¹ Шакарян, М. С. (2003). *Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации*. Москва: ТК Велби, Изд-во «Проспект».

ГПК Украины предусматривает, что в делах могут также принимать участие органы и лица, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы других лиц.

Возможность обращения лица в суд за защитой обусловлено, в частности, наличием у него юридической заинтересованности. Юридическая заинтересованность – это объективная связь между решением по данному делу и предполагаемыми правами, обязанностями и охраняемыми законом интересами лица¹. Заинтересованным в гражданском процессе признается лицо, которое обращается в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и интересов, охраняемых законом и в силу этого подлежащих судебной защите. Итак, если обращение лица в суд обусловлено другими корыстными целями, что нередко имеет место в судебной практике, отсутствует заинтересованность в указанном выше смысле².

Основной группой лиц, участвующих в деле, являются стороны, обладающие юридической заинтересованностью. Сторонами в гражданском процессе, в соответствии с ч. 1 ст. 30 ГПК Украины, являются истец и ответчик. Заинтересованность сторон, как справедливо отмечается в правовой доктрине, является своеобразной, поскольку касается их личной сферы. При этом личная юридическая заинтересованность сторон имеет и материально-правовую, и процессуальную направленность – это и заинтересованность в получении благоприятного материально-правового результата, и заинтересованность в возможности участия в процессе³. В отличие от сторон юридическая заинтересованность их представителей имеет исключительно процессуальный характер.

Разным является характер юридической заинтересованности третьих лиц, поскольку законодатель выделяет два их вида: 1) третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 34 ГПК Украины); 2) третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 35 ГПК Украины).

Сравнивая характер юридической заинтересованности третьих лиц С. В. Васильев пришел к выводу, что различие в юридическом интересе этих двух видов третьих лиц заключается в том, что третье

¹ Гукасян, Р. Е. (2009). *Избранные труды по гражданскому процессу*. Москва: Проспект.

² Короед, С. О. (2011). Юридична заінтересованість у цивільному процесі. *Судова апеляція*, 4, 86-93.

³ Тертишников, В. І. (2007). *Цивільний процесуальний кодекс України: науково-практичний коментар*. Харків: Видавець СПД ФО Вапнярчук Н.М.

лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, имеет относительно предмета спора непосредственный юридический интерес, поскольку является субъектом спорного материального правоотношения (или считает себя таковым), а третье лицо без самостоятельных требований имеет относительно предмета спора не прямой юридический интерес, поскольку не является субъектом спорного материального правоотношения¹.

Помимо лиц, участвующих в деле, субъектами апелляционного производства являются также лица, не участвовавшие в деле, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях (ч. 1 ст. 292 ГПК Украины).

О. В. Иванова под лицами, не привлечёнными к участию в деле, права которых нарушены решением суда, подразумевает субъектов спорного материального правоотношения, не наделённых процессуальным статусом при производстве по делу в суде первой инстанции. При этом характерными чертами таких лиц выделяет следующие: 1) неучастие в деле (в суде 1 инстанции) как фактическое, так и юридическое; 2) появление в процессе после вынесения решения судом первой инстанции; 3) нарушение прав и охраняемых законом интересов таких лиц решением суда; 4) наличие как материальной, так и процессуальной заинтересованности в исходе дела, выступление в защиту собственных интересов².

Предоставление права апелляционного обжалования субъектам, не участвующим в рассмотрении дела судом первой инстанции, означает возможность обжалования решения в апелляционном порядке лицами, которые не имеют статуса лиц, принимавших участие в деле, и не были уведомлены о времени и месте судебного рассмотрения при условии, если в решении суда разрешен вопрос об их правах и обязанностях³.

В данном контексте существенного теоретического и практического значения приобретает вопрос относительно приобретения субъектом статуса лица, участвующего в деле. По данному поводу

---

¹ Васильев, С. В. (2008). *Цивільний процес*: навчальний посібник. Харків: ТОВ Одиссей.

² Иванова, О. В. *Лица, не привлеченные к участию в деле, права которых нарушены решением суда, в российском гражданском и арбитражном процессе*: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.15: гражданский процесс, арбитражный процесс. <<http://www.dissercat.com/content/litsa-ne-privlechennye-k-uchastiyu-v-dele-prava-kotorykh-narusheny-resheniem-suda-v-rossiisk>>

³ Гусаров, К. В. *Обжалование по правилам ГПК Украины судебного решения лицами, не принимавшими участия в деле, относительно прав и обязанностей которых суд вынес решение*. <http://www.juristlib.ru/book_3810.html>

С. С. Бычкова отмечает, что гражданского процессуального правового статуса лиц, участвующих в делах искового производства, физические и юридические лица, государство, а также другие участники правоотношений, дела по которым рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства, приобретают с момента открытия производства по делу, а если они вступают в гражданский процесс после открытия производства в нем – с момента привлечения или допуска их к участию в деле¹.

В частности, гражданский процессуальный статус третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, возникает в участников правоотношений, дела по которым рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства, не с момента открытия производства по делу, а с момента их вступления в дело или привлечения к участию в деле по ходатайству сторон, других лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда².

Традиционно в науке гражданского процессуального права элементами гражданского процессуального статуса определяются гражданские процессуальные права и гражданские процессуальные обязанности. Процессуальный статус лиц, участвующих в деле, определяет широкий круг их прав и обязанностей, закрепленных в ст. 27 ГПК Украины. Что касается лиц, не участвующих в деле, если суд разрешил вопрос об их правах, свободах либо обязанностях, то они в соответствии с ч. 9 ст. 6 ГПК Украины имеют право на получение в суде устной или письменной информации о результатах рассмотрения соответствующего дела, а также имеют право знакомиться с материалами, делать из них выписки, снимать копии с документов, приобщенных к делу, получать копии решений и определений. Тем самым законодатель создает возможность для активного участия по делу указанных лиц в суде апелляционной инстанции.

Вопрос о предоставлении права апелляционного обжалования лицам, не участвовавшим в деле, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях, является одним из противоречивых вопросов с точки зрения и теории, и практики.

В частности, судебной практикой право апелляционного обжалования лицами, не участвовавшими в деле, воспринято положительно и закреплено в п. 1 постановления Пленума Верховного

¹ Бычкова, С. С. (2011). *Цивільний процесуальний правовий статус осіб, які беруть участь у справах позовного провадження*. Київ: Атіка.

² Бычкова, С. С. *Порядок вступу в цивільну справу третьої особи, яка не заявляє самостійних вимог щодо предмета спору*. <http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Nvknuds/2012_5/buchkova.htm>

Суда Украины от 24.10.2008 года «О судебной практике рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке». Реализация данного права, согласно позиции специалистов Верховного Суда Украины, обусловлена условием, а именно возможностью апелляционного обжалования решения суда первой инстанции указанными лицами только в случае, если суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях.

Предоставление лицам, не принимавшим участия в рассмотрении дела, права на апелляционное обжалование решений судов, касающихся их прав и интересов, выглядит более чем оправданным и с точки зрения Ю. Радзиевского, поскольку единственной возможностью защиты своих прав и обязанностей в случае несогласия с содержанием соответствующего решения для указанных выше лиц является обжалование такого решения в апелляционном порядке. Вместе с этим ошибкой законодателя, а не осознанным решением, и с этим стоит согласиться, ученый отмечает отсутствие в ГПК нормы, устанавливающей право лиц, не принимавших участия в рассмотрении дела, на обжалование определений, касающихся их прав и обязанностей¹.

К. В. Гусаров отмечает, что поскольку ст. 292 ГПК Украины не ограничивает круг субъектов апелляционного обжалования, то в суд с жалобой может обратиться любое лицо, считающее, что его права нарушены решением суда, которое обжалуется. В связи с чем ученый не исключает возможность злоупотребления процессуальными правами с целью задержания вступления решения в законную силу со стороны любого лица, по мнению которого судебное решение затрагивает его права или интересы².

Подобные утверждения относительно вероятности необоснованного обращения в суд апелляционной инстанции любого лица, которое считает, что суд первой инстанции допустил ошибку В. А. Кройтор считает преувеличением, «... поскольку большинство граждан вряд ли будет тратить время и средства на обжалование решения суда, в действительности не затрагивающего их прав и обязанностей. Единичные же случаи необоснованного обращения в суд, несомненно, встречаются и в практике судов первой инстанции». Предоставление возможности обжаловать решение суда первой инстанции лицам, не участвовавшим в деле, когда суд разрешил

---

¹ Радзиевский, Ю. *Право на обжалование: третий лишний?* <<http://www.yurpraktika.com/article.php?id=10007846>>

² Комаров, В. В., Бігун, В. А., Баранкова, В. В. та ін. (2011). *Курс цивільного процесу*. Харків: Право.

вопрос об их правах и обязанностях, по мнению ученого, является оправданным и способствует не только защите прав и интересов таких лиц, но и реализации принципа процессуальной экономии, поскольку не вынуждает лиц, которых касается решение, разрешать свою проблему, созданную решением суда, через суд первой инстанции¹.

Н. И. Балюк, Д. Д. Луспенюк считают, что если суд принял решение непосредственно о правах, свободах или обязанностях лиц, не участвовавших в деле, то они являются лицами материально заинтересованными в исходе дела в апелляционной инстанции, то есть они имеют процессуальный законный интерес. Выступают в суде апелляционной инстанции от своего имени и в защиту своих прав².

Указанные лица в обязательном порядке должны обосновать свое право на апелляционное обжалование ссылкой на то, какие именно права и обязанности разрешил суд³.

Пленум Верховного Суда Украины в п. 8 постановления «О судебной практике рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке» отметил, что при подаче апелляционной жалобы лицом, не участвовавшим в деле, о правах и обязанностях которого суд первой инстанции вопрос не разрешал, подачи жалобы на постановление суда, которое не подлежит апелляционному обжалованию, судья-докладчик выносит определение об отказе в принятии апелляционной жалобы. Позиция Пленума Верховного Суда Украины нашла поддержку и в правовой доктрине. Некоторые процессуалисты отмечают возможность отказа в принятии апелляционной жалобы в случае обращения в суд апелляционной инстанции лица, не принимавшего участия в деле, о правах и обязанностях которого суд вопрос не разрешал.

Однако такие выводы, по нашему мнению, являются преждевременными, необоснованными и не соответствующими предписаниям действующего гражданского процессуального законодательства, которое не предусматривает возможности для суда апелляционной инстанции отказывать в принятии апелляционной жалобы в слу-

¹ Кройтор, В. А. (2009). Принцип забезпечення апеляційного та касаційного оскарження рішення суду. *Право і безпека*, 1, 198-205.

² Балюк, М. І., Луспенюк, Д. Д. (2008). *Практика застосування цивільного процесуального кодексу України (цивільний процес у питаннях і відповідях). Коментарі, рекомендації, пропозиції*. Харків: Харків юридичний.

³ Мінченко, Р. (2010). Деякі питання апеляційного провадження в цивільному судочинстві України. *Юридичний вісник*, 4, 65-68.

чае обжалования решения суда лицами, которые не имеют права на такое обжалование.

Таким образом, одним из условий реализации права апелляционного обжалования является принадлежность субъекта к кругу лиц, имеющих право обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции. Судебная защита, в том числе и защита в суде апелляционной инстанции, гарантируется каждому, а именно лицам, участвующим в деле, а также лицам, которые не принимали участие в деле, при условии, что суд разрешил вопрос об их правах и обязанностях. Расширение действующим гражданским процессуальным законодательством круга лиц, имеющих право апелляционного обжалования, безусловно, явление прогрессивное, способствующее защите прав, свобод и охраняемых интересов таких лиц.

Литература:

---

1. Курпас, М. В. (2011). Право на обжалование судебных решений – составной элемент конституционного права на судебную защиту (проблемы реализации, перспективы развития). *Конституционное и муниципальное право*, 12, 16-23.
2. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадян Проценко Р. М., Ярошенко П. П. та інших громадян щодо офіційного тлумачення статей 55, 64, 124 Конституції України (справа за зверненнями жителів міста Жовті Води) від 25.12.1997 року № 9-зп. *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v009p710-97>>
3. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням гр. Заїченка В. Г. щодо офіційного тлумачення положення п. 18 ч. 1 ст. 293 ЦПК України у взаємозв'язку зі ст. 129 Конституції України (про апеляційне оскарження ухвал суду) від 27.01.2010 року № 3-рп/2010. *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v003p710-10>>
4. Шакарян, М. С. (2003). *Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации*. Москва: ТК Велби, Изд-во «Проспект».
5. Гукасян, Р. Е. (2009). *Избранные труды по гражданскому процессу*. Москва: Проспект.
6. Короед, С. О. (2011). Юридична заінтересованість у цивільному процесі. *Судова апеляція*, 4, 86-93.
7. Тертишніков, В. І. (2007). *Цивільний процесуальний кодекс України: науково-практичний коментар*. Харків: Видавець СПД ФО Вапнярчук Н. М.
8. Васильєв, С. В. (2008). *Цивільний процес: навчальний посібник*. Харків: ТОВ Одісей.
9. Иванова, О. В. *Лица, не привлеченные к участию в деле, права которых нарушены решением суда, в российском гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.15: гражданский процесс, арбитражный процесс*. <<http://www.dissercat.com/content/litsa-ne-privlechennye-k-uchastiyu-v-dele-prava-kotorykh-narusheny-resheniem-suda-v-rossiisk>>

10. Гусаров, К. В. *Обжалование по правилам ГПК Украины судебного решения лицами, не принимавшими участия в деле, относительно прав и обязанностей которых суд вынес решение*. <http://www.juristlib.ru/book_3810.html>
11. Бичкова, С. С. (2011). *Цивільний процесуальний правовий статус осіб, які беруть участь у справах позовного провадження*. Київ: Атіка.
12. Бичкова, С. С. *Порядок вступу в цивільну справу третьої особи, яка не заявляє самостійних вимог щодо предмета спору*. <http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Nvknvvs/2012_5/buchkova.htm>
13. Радзиевский, Ю. *Право на обжалование: третий лишний?* <<http://www.yurpractika.com/article.php?id=10007846>>
14. Комаров, В. В., Бігун, В. А., Баранкова, В. В. та ін. (2011). *Курс цивільного процесу*. Харків: Право.
15. Кройтор, В. А. (2009). Принцип забезпечення апеляційного та касаційного оскарження рішення суду. *Право і безпека, 1*, 198-205.
16. Балюк, М. І., Луспеник, Д. Д. (2008). *Практика застосування цивільного процесуального кодексу України (цивільний процес у питаннях і відповідях). Коментарі, рекомендації, пропозиції*. Харків: Харків юридичний.
17. Мінченко, Р. (2010). Деякі питання апеляційного провадження в цивільному судочинстві України. *Юридичний вісник, 4*, 65-68.

Ольга Кулинич

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ

The scientific article is devoted to disclosing the constitutional and legal basis of the mechanism of the right to education. The author discussed the etymological, philosophical meaning of the term «mechanism» that served as the basis for the provision of the essential characteristics of the constitutional and legal framework of the rights and freedoms of man and citizen.

Highlighted in scientific approaches to the relationship between the concepts «implementation mechanism» and «mechanism to ensure» the rights and freedoms of man and the purpose of their grazhdaninas distinction and create a scientific basis for the establishment of the nature and structure of the constitutional and legal framework of the right to education.

Конституционное закрепление права на образование является одним из важных факторов, способствующих развитию личности, осуществляет непосредственное влияние на уровень общества, укрепляет авторитет нашего государства в международном сообществе.

Однако, только закрепление права в Конституции Украины, которая требует наличия системы определенных условий и возможностей, соответствующих правовых, организационных, материальных, финансовых и других средств, недостаточно для его реализации, что и обуславливает необходимость существования действенного и эффективного механизма реализации этого права, в том числе права на образование.

Актуализация изучения конституционно-правовых основ механизма реализации права на образование обусловлена тем, что понятие «конституционно-правовой механизм реализации права на образование» требует особого внимания с точки зрения методологической обработки, поскольку, во-первых, в современных исследованиях практически отсутствуют научные труды относительно этого вопроса, во-вторых, методологическая четкость и однозначность понимания указанного механизма позволят избежать многочисленных проблем при практической реализации конституционного права на образование.

Специальная научная проработка механизма реализации и / или механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в том или ином объеме и аспектах освещена в работах таких ученых, как: Ю. Анохин, В. Боняк, Г. Босхомджиева, В. Васьковская, М. Витрук,

К. Волынка, Г. Давтян, М. Егупов, М. Мархгейм, А. Олейник, А. Пушкина, И. Ростовщиков, А. Халёта и др.¹. Работы этих авторов заложили фундамент современного понимания теории механизма реализации прав и свобод человека и гражданина, однако нельзя утверждать, что все теоретические и практические вопросы, касающиеся реализации, обеспечения, охраны, защиты, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, полностью освещены. В правовой доктрине отсутствует единый подход к освещению понятия, структуры и элементов конституционно-правового механизма реализации и механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Современное состояние развития науки конституционного права свидетельствует об отсутствии комплексных исследований конституционно-правового механизма реализации права на образование, что свидетельствует о необходимости научного поиска в

¹ Анохин, Ю. В. (2007). *Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации)*: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов.; Боняк, В. О. (2005). *Конституційне право людини і громадянина на освіту та його забезпечення в Україні*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Київ.; Босхомджиева, Г. Г. (2007). *Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов.; Васильковська, В. П. (2006). *Право людини на безпеку та конституційно-правовий механізм його забезпечення*: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Дніпропетровськ.; Витрук, Н. В. (1980). Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан. *Конституционный статус личности в СССР*. Москва: Юридическая литература, 195-210; Волинка, К. Г. (2000). *Механізм забезпечення прав і свобод особи: питання теорії і практики*: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права, історія політичних і правових учень». Київ.; Давтян, Г. А. (2012). *Право граждан Российской Федерации на образование: конституционно-правовое исследование*: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Москва.; Егупова, М. А. (2012). *Конституционно-правовой механизм обеспечения права на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Краснодар; Мархгейм, М. В. (2005). *Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации*: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Москва.; Олійник, А. Ю. (2008). *Конституційно-правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадянина в Україні*. Київ: Алерта; КНТ; Центр навчальної літератури.; Пушкина, О. В. (2008). *Конституційний механізм забезпечення прав людини і громадянина в Україні: проблеми теорії і практики*: дис. ... д-ра юрид. наук : спец. 12.00.02. Острог.; Ростовщиков, И. В. (1997). *Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики органов внутренних дел (вопросы теории и практики)*: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Москва.; Хальота, А. И. (2004). *Конституційні особисті права та свободи людини і громадянина та їх забезпечення органами внутрішніх справ*: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Київ.

направлении разработки его целостной теории и является целью этой статьи. Достижение этой цели обусловило решение следующих исследовательских задач: определение этимологического, философского значения термина «механизм», что является основой для представления сущностной характеристики конституционно-правового механизма реализации прав человека и гражданина; выделение научных подходов к соотношению понятий «механизм реализации» и «механизм обеспечения» прав и свобод человека и гражданина; раскрытие содержания и установления взаимосвязи понятий «реализация», «осуществление», «обеспечение», «охрана», «защита» субъективного права, установление элементов конституционно-правового механизма реализации права на образование.

Для определения механизма реализации конституционного права на образование, выяснения его признаков, структуры и элементов предлагаем, прежде всего, исследовать этимологию дефиниции «механизм». Так, в современном толковом словаре украинского языка термин «механизм» понимается как: 1) устройство, которое передает или преобразует движение 2) внутреннее строение, система чего-то 3) совокупность состояний и процессов, из которых складывается определенное физическое, химическое и другое явление¹.

В философском измерении теорию «механизма» и исходящих от него категорий изучает наука «механицизм». Механицизм – это способ объяснения движения и взаимодействия изучаемых объектов, сведение сложного к простому, целого к сумме частей, отрицание качественно своеобразных законов в объектах с разнообразным типом системной организации².

При рассмотрении происхождения понятия «механизм», а также теории философской науки о механических закономерностях – механицизма, можно выделить несколько необходимых и определяющих особенностей механизма как абстрактной категории. Такими особенностями являются: динамика объектов; взаимодействие частей механизма; взаимообусловленность частей механизма; системная организация частей механизма, наличие простых и сложных частей механизма, обуславливающих его структуру. Перечисленные особенности можно наблюдать и в «юридических механизмах» с определенными корректировками.

---

¹ Дубічинський, В. В. (2006). *Сучасний тлумачний словник української мови: 65 000 слів*. Харків: Школа.

² Грицанов, А. А. (2001). *Всемирная энциклопедия: Философия*. Москва: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор.

Категория «механизм» является многоаспектной и рассматривается с различных точек зрения: «механизм правового регулирования», «механизм правотворчества», «механизм государства», «механизм государственной власти», «механизм реализации Конституции Украины», «механизм реализации функций государства», «механизм информационной безопасности» и другие.

В юридической литературе в последнее время наблюдается тенденция к распространению использования такой категории, как «механизм». По мнению ученых, это связано с осознанием того, что недостаточно иметь материальные нормы, развитую систему законодательства, но и нужны четкие механизмы воплощения их в жизнь¹. Так и реализация конституционного права на образование требует наличия собственного механизма с учетом взаимовлияния факторов социальной среды и динамики общественно-политического развития государства.

В правовой доктрине при рассмотрении вопроса о реализации прав человека традиционно используются правовые конструкции «механизм реализации», «механизм обеспечения», «механизм защиты» прав и свобод человека и гражданина и т.д. Однако, в современной научной литературе нет единства относительно соотношения этих понятий, их структуры и элементов. Преодоление терминологической путаницы и нечеткости формулировок в понятийно-категориальном ряду юридической науки заложит фундамент для создания действенного, эффективного конституционно-правового механизма реализации права на образование.

Обзор научной литературы позволяет выделить следующие подходы по данной проблематике. Так, некоторые ученые (В. Боняк, А. Пабат, А. Скакун и др.) считают наиболее общей категорией «механизм обеспечения» прав и свобод человека, которая делится на три подсистемы: механизм реализации, охраны и защиты^{2, 3, 4}. В. Васьковская, К. Волынка поддерживают такой подход и добавляют, что механизм обеспечения прав и свобод делится на юридические предпосылки обеспечения прав и свобод (правовой статус

¹ Тодика, Ю. М. (2000). *Конституція України: проблеми теорії і практики*. Харків: Факт.

² Боняк, В. О. (2005). *Конституційне право людини і громадянина на освіту та його забезпечення в Україні*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Київ.

³ Пабат, О. В. (2008). *Адміністративно-процесуальні гарантії прав та свобод громадян*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Харків.

⁴ Скакун, О. Ф. (2008). *Теорія держави і права*: [підруч. для студ. вищ. навч. закл.]. Харків : Консум.

лица) нормативно-правовые средства обеспечения прав и свобод (юридические гарантии) общесоциальные условия реализации, охраны и защиты прав и свобод личности (фактическая социальная макросреда, в которой осуществляется обеспечение прав и свобод)^{1, 2}. Продолжая освещение этой точки зрения, М. Егупов отмечает, что в структуре механизма обеспечения прав и свобод человека целесообразно выделять нормативную и институциональную подсистему, методы как совокупность правовых приемов и способов, с помощью которых осуществляется обеспечение прав и свобод человека (охрана, защита и восстановление нарушенных прав), общие и специальные гарантии прав и свобод человека³. Приведенная позиция заслуживает поддержки, поскольку учитывает современные научные исследования и позволяет комплексно рассмотреть механизм обеспечения прав человека в аспекте создания системы средств, способов и условий для реализации прав и свобод человека и гражданина.

Другая группа ученых считает обобщающим понятием «механизм реализации» прав граждан, в частности Н. Витрук, определяя механизм реализации основных прав и свобод, включает в него три подсистемы: систему гарантий конституционных прав и свобод, сам процесс реализации и охрану (защиту) конституционных прав⁴. В свою очередь, И. Снегур понятием механизм реализации прав граждан охватывает гарантирование, обеспечение, охрану, защиту (восстановление нарушенного права)⁵. Подобной позиции с определенными различиями придерживаются и другие ученые: О. Калпинская, А. Негодченко, М. Пучкова, А. Халёта и др.⁶. Поддерживая

¹ Васьковська, В. П. (2006). *Право людини на безпеку та конституційно-правовий механізм його забезпечення*: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Дніпропетровськ.

² Волинка, К. Г. (2000). *Механізм забезпечення прав і свобод особи: питання теорії і практики*: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права, історія політичних і правових учень». Київ.

³ Егупова, М. А. (2012). *Конституційно-правовий механізм забезпечення права на формування осіб з обмеженими можливостями здоров'я*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Краснодар.

⁴ Витрук, Н. В. (1980). Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан. *Конституционный статус личности в СССР*. Москва: Юридическая литература, 195-210.

⁵ Снігур, І. Й. (2007). *Механізм реалізації права громадян на участь у здійсненні державної влади*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Київ.

⁶ Калпинская, О. Е. (2005). *Право на образование и механизм его реализации в системе МВД России (теоретико-прикладной аспект)*: дис. ... канд. юрид. наук:

этот подход, А. Астрахань выделяет виды механизма реализации конституционных прав и свобод – внутренний и внешний. Под внутренним механизмом ученый понимает деятельность самого гражданина, направленную на удовлетворение своих потребностей, а под внешним – деятельность компетентных органов¹. Считаем, что такой подход заслуживает внимания, поскольку процесс реализации прав человека имеет сложный характер, в котором участвует не только носитель этих прав, но и государство, создает соответствующие условия для реализации права, в том числе конституционного права на образование. Указанная позиция нашла поддержку и дальнейшее развитие в трудах В. Боняк, П. Михайлова, А. Олейника, А. Халёты и др.².

Существуют и другие авторские точки зрения к рассмотрению данной проблематики, которые не могут быть отнесены к одному из проанализированных выше подходов и являются достаточно дискуссионными. Так, в контексте рассмотрения механизма реализации права на образование вызывает интерес научная позиция Г. Давтяна, который предлагает различать элементы содержания и элементы механизма реализации конституционного права на образование. По мнению ученого, содержанием механизма реализации конституционного права на образование является комплекс правовых элементов, таких, как субъект, объект и правоотношения, которые взаимосвязаны между собой общей целью в единое целое,

---

12.00.01. Санкт-Петербург; Негодченко, О. В. (2004). *Забезпечення прав і свобод людини органами внутрішніх справ: організаційно-правові засади*: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07. Харків.; Пучкова, М. В. (1987). *Обеспечение прав граждан органами управления союзной республики*. Москва: Наука.; Хальота, А. І. (2004). *Конституційні особисті права та свободи людини і громадянина та їх забезпечення органами внутрішніх справ*: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Київ.

¹ Астрахань, А. А. (1986). *Гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод советских граждан*: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений». Москва.

² Боняк, В. О. (2005). *Конституційне право людини і громадянина на освіту та його забезпечення в Україні*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Київ.; Михайлов, П. М. (1990). *Личные конституционные права и свободы советских граждан: деятельность милиции в сфере их реализации*: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 «Конституционное право». Киев.; Олійник, А. Ю. (2008). *Конституційно-правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадянина в Україні*. Київ: Алерта; КНТ; Центр навчальної літератури.; Хальота, А. І. (2004). *Конституційні особисті права та свободи людини і громадянина та їх забезпечення органами внутрішніх справ*: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Київ.

имеет международный, государственный и общественный аспект, а также нормативные и институциональные подсистемы. Элементами же этого механизма являются: правотворчество, реализация норм права, государственное принуждение¹. Указанная точка зрения вызывает возражения, поскольку приведенные автором доводы и выводы являются нечеткими и непонятными, требующими дальнейшего научного обоснования.

Также вызывает внимание точка зрения Ю. Анохина, который в структуре механизма обеспечения прав и свобод личности предлагает различать механизм государства, механизм правового регулирования, механизм действия права, гарантии и механизм юридической ответственности². Сложно согласиться с такой позицией, поскольку ученый слишком широко раскрывает механизм обеспечения прав и свобод личности.

Несмотря на отсутствие единства взглядов, относительно существенных характеристик механизма реализации и механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина, почти все авторы соглашаются, что: 1) механизм реализации и механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина являются сложными социально-правовыми системами; 2) структурные элементы каждой из этих систем взаимодействуют друг с другом, имеют взаимное влияние, взаимосвязаны при осуществлении деятельности по обеспечению и реализации прав и свобод человека; 3) целью каждого из приведенных механизмов является конечный результат получения тех социальных благ, которые заложены в содержании государственно-правового регулирования обществом.

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, в теоретическом плане необходимо разграничение таких правовых конструкций, как «механизм реализации права» и «механизм обеспечения права». Фактически, эти понятия являются отражением двух сторон одного явления, поскольку эти механизмы являются совокупностью условий, с помощью которых субъект права получает возможность осуществить свое право (механизм реализации права) и с помощью которых государство и общество создают возможности осуществления права его субъектами (механизм обеспечения права). Понятно,

---

¹ Давтян, Г. А. (2012). *Право граждан Российской Федерации на образование: конституционно-правовое исследование*: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва.

² Анохин, Ю. В. (2007). *Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации)*: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов.

что речь идет об одних и тех же условия реализации и обеспечения права, которые можно рассматривать либо с позиции субъекта права или с позиции государственных и общественных структур и институтов. Следовательно, наличие действенного, эффективного конституционно-правового механизма реализации права человека на образование напрямую зависит от гарантий этого права, обеспеченные и созданные государством. В подкрепление этого тезиса следует привести положения ст. 3 Конституции Украины, согласно которому главным долгом государства является утверждение и обеспечение прав и свобод человека¹. Вот и закрепление государством права человека на образование само по себе не обеспечивает его автоматическое осуществление. В этом процессе важная роль принадлежит всему конституционно-правовому механизму реализации права на образование.

В этом контексте следует привести точку зрения А. Олейника, который отмечает, что механизм реализации конституционных свобод действует до тех пор, пока человек способен самостоятельно воплощать в жизнь социальные блага, которые закреплены за ней уполномочивая нормами объективного права².

Изучение конституционного права на образование и разработка его механизма, прежде всего, требуют выяснения содержания таких понятий, как реализация, осуществление, обеспечение, охрана и защита прав и свобод человека, которые часто используются в юридической науке и употребляются в сочетании с понятием «механизм».

Общепринятым признается понимание реализации права как процесса и результата реализации положений правовых норм в фактическом правомерном поведении субъектов общественных отношений³. Существенным признаком этого определения является то, что реализация права осуществляется именно субъектом права, т.е. носителем прав, лицом, обладающим правосубъектностью.

Осуществление права используется в научной литературе так же часто, как и реализация прав человека. Считаю обоснованной позицию А. Халёты, который отождествляет эти понятия⁴.

¹ Конституція України. Науково-практичний коментар (2011). Харків: Право.

² Олійник, А. Ю. (2008). Конституційно-правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадянина в Україні. Київ: Алерта; КНТ; Центр навчальної літератури.

³ Наливайко, Л. Р., Беляєва, М. В. (2013). Глумачний термінологічний словник з конституційного права. Київ: Хай – Тек Пресс.

⁴ Хальота, А. І. (2004). Конституційні особисті права та свободи людини і громадянина та їх забезпечення органами внутрішніх справ: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Київ.

В юридической науке традиционно обеспечение права определяется как совокупность мер, обеспечивающих реальность осуществления права его субъектами¹, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и граждан по созданию условий (гарантий) для правомерной и неуклонной их реализации и защиты².

Как правило, охрана права раскрывается как меры по профилактике правонарушений для утверждения правомерного поведения личности³.

Защита права является одним из способов обеспечения права, как правило, возникает в случае нарушения права или реальной угрозы его нарушения и осуществляется путем принудительного восстановления прав уполномоченным лицом или компетентным органом⁴. Защита предполагает восстановление нарушенного права, следовательно, восстановление является структурной частью защиты. Таким образом, осуществляя охрану, а в случае нарушения права – защиту, государство обеспечивает право. Защита – одна из форм охраны, используется для восстановления права при его нарушении. Охрана и защита охватываются понятием «обеспечение», конечной целью которого является реализация права лицом⁵. Соглашаясь с этой позицией, можно отметить, что обеспечение права включает меры, способные создать условия для реализации конституционного права на образование человека и гражданина.

В научной литературе также обращается внимание на многочисленность механизмов правовой защиты прав и интересов субъектов

---

¹ Румянцев, О. Г., Додонов, В. Н. (1997). *Юридический энциклопедический словарь*. Москва: Инфра-М.

² Наливайко, О. І. (2002). *Теоретико-правові проблеми захисту прав людини*: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права, історія політичних і правових учень». Київ.; Теплякова, О. А. (2005). *Конституционное право на образование и его обеспечение в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления*: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Тюмень.

³ Скакун, О. Ф. (2008). *Теорія держави і права*: [підруч. для студ. вищ. навч. закл.]. Харків: Консум.

⁴ Авдеев, Д. А. (2004). *Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации*: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Тюмень.; Шмельова, Г. (1994). Юридичний механізм забезпечення прав людини (загальнотеоретична характеристика). *Право України*, 10, 49-55.

⁵ Васильковська, В. П. (2006). *Право людини на безпеку та конституційно-правовий механізм його забезпечення*: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Дніпропетровськ.

сферы образования, в частности выделяются конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой механизмы защиты¹. Важно понимать, что реализация права на образование имеет комплексный характер, что обусловлено спецификой образовательных правоотношений.

К элементам механизма реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, по мнению А. Колодия, А. Олейника, И. Ростовщикова, И. Снегур, А. Халёты и др., относятся: а) конституционные нормы, закрепляющие субъективные права; б) сами конституционные права и свободы, их содержание, структура и гарантии осуществления; в) юридические обязанности; г) юридическая деятельность, что является сущностью реализации конституционного права; д) законность и правосознание человека и гражданина, которые обеспечивают правильное понимание ими своих конституционных прав, свобод и обязанностей и каждого права отдельно, путей их реализации; е) стадии реализации каждого конституционного права². Такой подход в научной литературе признается широким, соответственно, в узком смысле к элементам механизма реализации субъективного права относят юридически значимую деятельность субъектов и стадии реализации субъективного права³.

Подытоживая вышеизложенное, можно отметить, что в теоретическом плане необходимо разграничивать механизм реализации и механизм обеспечения права на образование. Раскрытие сущностных характеристик механизма реализации прав и свобод человека стало научной основой для разработки целостной

¹ Куров, С. В. (2012). Механизм защиты прав субъектов сферы образования. *Юрист ВУЗа*, 7, 5-13; Ракша, Н. С. (2007). *Адміністративно-правове забезпечення права громадян на освіту*: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Теорія управління; адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право». Львів.

² Колодій, А. М., Олійник, А. Ю. (2003). *Права людини і громадянина в Україні*: навчальний посібник. Київ: Юрінком Інтер.; Олійник, А. Ю. (2008). *Конституційно-правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадянина в Україні*. Київ: Алерта; КНТ; Центр навчальної літератури.; Ростовщиков, И. В. (1997). *Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики органов внутренних дел (вопросы теории и практики)*: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Москва.; Снігур, І. Й. (2007). *Механізм реалізації права громадян на участь у здійсненні державної влади*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Київ.; Хальота, А. І. (2004). *Конституційні особисті права та свободи людини і громадянина та їх забезпечення органами внутрішніх справ*: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02. Київ.

³ Гаєва, Н. П. (2008). Загальна характеристика конституційно-правового статусу людини і громадянина. *Конституційне право України. Академічний курс*: підруч. для вищ. навч. закл.: у 2 т., 2, Київ: Юридична думка, 29-66.

теории конституционно-правового механизма реализации права на образование. Конституционно-правовой механизм реализации права человека и гражданина на образование является сложной социально-правовой системой, характеризует воплощение конституционно-правовых предписаний этого права в общественную деятельность. Реализация этого важного конституционного права в широком смысле включает его гарантирование, обеспечение (создание условий для реализации), охрану (профилактические меры предупредительного характера) и в необходимых случаях защиту (восстановление нарушенного права).

Таким образом, структура конституционно-правового механизма реализации права человека и гражданина на образование состоит из следующих элементов, которые находятся в устойчивом единстве: 1) конституционно-правовые нормы, закрепляющие право человека и гражданина на образование; 2) право на образование, его содержание и структура; 3) гарантии права на образование; 4) юридические обязанности; 5) реализация права на образование; 6) стадии реализации права на образование; 7) законность и правосознание человека и гражданина, обеспечивают правильное понимание ими содержания конституционного права на образование. Итак, можно сделать вывод о том, что такая модель конституционно-правового механизма реализации права на образование построена с учетом проанализированных научных подходов к определению его структуры и элементов. Вышеизложенное свидетельствует о важности проведения обстоятельного анализа конституционно-правового механизма реализации права на образование и разработки его эффективной модели, закладывает фундамент и дает базовые ориентиры для дальнейшей научной проработки этой проблематики.

Requirements to manuscripts

Become a Contributor for the Journal

EUROPEAN POLITICAL AND LAW DISCOURSE

The Journal is issued 6 times per year.

Page Limit is 10 – 30 pages.

The language of articles is English, French, German, Czech, and Russian.

For an article in any language, the following is required in English: an abstract (400-500 characters), a title of the article and complete data of an author – full first and last name, academic title, academic degree, position, and place of employment.

Footnotes are allowed, no endnotes.

Bibliography after the article is optional.

Bibliography should be arranged in accordance with the agreements of the American Psychological Association (APA).

Illustrations to articles (graphics and images) should be submitted in the TIFF or JPEG format (each image in a separate file). While preparing illustrations authors should take into account that colour printing is not available in the Journal.

The editorial board do not register and do not review for publication manuscripts that do not comply with the aforementioned requirements.

Address for service:

E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com
Web: eppd13.cz

Mailing Address:

Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Samples of bibliography formatting in accordance with the APA (American Psychological Association) Agreements in comparison to State Standard of Russia and Ukraine 7.1:2006:

1. For reference to a book as a whole:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

For reference to page 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[Reference according to the State Standard: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. For reference to a book as a whole:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

For reference to pages 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[Reference according to the State Standard: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия *США. Канада: Экономика, политика, культура*, 7, 55–70. [Reference according to the State Standard: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Reference according to the State Standard: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Reference according to the State Standard: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science, 1*, (p. 405). London, New York. [Reference according to the State Standard: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. For referring to materials of websites, a reference includes name of the author, the title of webpage, *the title of website (in italics)*, the address of website (URL) given in symbols < >, and possibly the date of last visit to website in parentheses:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-6arl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. References to legislative acts and legal documents:

Treaties

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, November 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, 21)

For reference to an article in a Convention:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Bilateral Treaties:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975)
985 UNTS 303.

ILO Recommendations:

MOT Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

UN Documents

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Judicial Documents

ICJ Documents

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwpframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

ECHR Cases:

(before Oct. 31 1998)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A

Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(beginning November 1, 1998)

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Judgements of National Courts:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Laws and so forth

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). Офіційний вісник України, 89, 89.

Reference to an article in a Code, Law, Constitution, etc.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)

Требования к рукописям

Приглашаем к сотрудничеству в журнале

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Журнал издается 6 раз в год.

Объем – 10 – 30 стр.

Язык статей – английский, французский, немецкий,
чешский, русский.

Для статьи на любом языке обязательны на английском языке:
аннотация объемом 400-500 символов, название статьи и полные
сведения об авторе: полные ФИО, звания, степени, должность,
место работы.

Сноски – постраничные

Список литературы в конце статьи – факультативно.

Библиографические описания источников и литературы должны быть
оформлены согласно соглашениям APA (American Psychological Association).

Иллюстрации к статьям (графика и рисунки) подаются в формате
TIFF или JPEG (каждый рисунок в отдельном файле).

При подготовке иллюстраций следует иметь в виду,
что в журнале не используется цветная печать.

Рукописи, которые не отвечают этим техническим требованиям,
редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Адреса для переписки:

E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com

Web: eppd13.cz

Почтовый адрес:

Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Образцы оформления библиографического описания источников и литературы согласно соглашениям АРА (American Psychological Association) в сравнении с ДСТУ ГОСТ 7.1:2006:

1. При ссылке на книгу целиком:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

При ссылке на страницу 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[исходник по ГОСТу: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. При ссылке на книгу целиком:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

При ссылке на страницы 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[исходник по ГОСТу: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия США. Канада: Экономика, политика, культура, 7, 55–70. [Исходник по ГОСТу: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Исходник по ГОСТу: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Исходник по ГОСТу: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science, 1*, (p. 405).

London, New York. [Исходник по ГОСТу: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. При оформлении ссылки на материалы web-сайтов ссылка включает имя автора страницы, название страницы, *название сайта (набирается курсивом)*, адреса сайта (URL), выделенного знаками <>, и, по возможности, даты последнего просмотра сайта автором ссылки в круглых скобках:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-barl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. Ссылки на законодательные акты и правовые документы:

Договоры

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, ноябрь, 21)

При ссылке на статью Конвенции:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Двусторонние договоры:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975) 985 UNTS 303.

Рекомендации МОТ:

МОТ Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

Документы ООН

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Документы судов

Документы Международного суда

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

Дела ЕСПЧ:

(до 31 октября 1998 года)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A
Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(с 1 ноября 1998 года)

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Решение Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Решение Большой Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по предварительному возражению [Judgment on preliminary objections delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу о выплате справедливой компенсации [Judgment on just satisfaction delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Судебные решения отдельных стран:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Законы и т.п.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). *Офіційний вісник України*, 89, 89.

Ссылка на статью кодекса, закона, конституции и т.п.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. < <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)